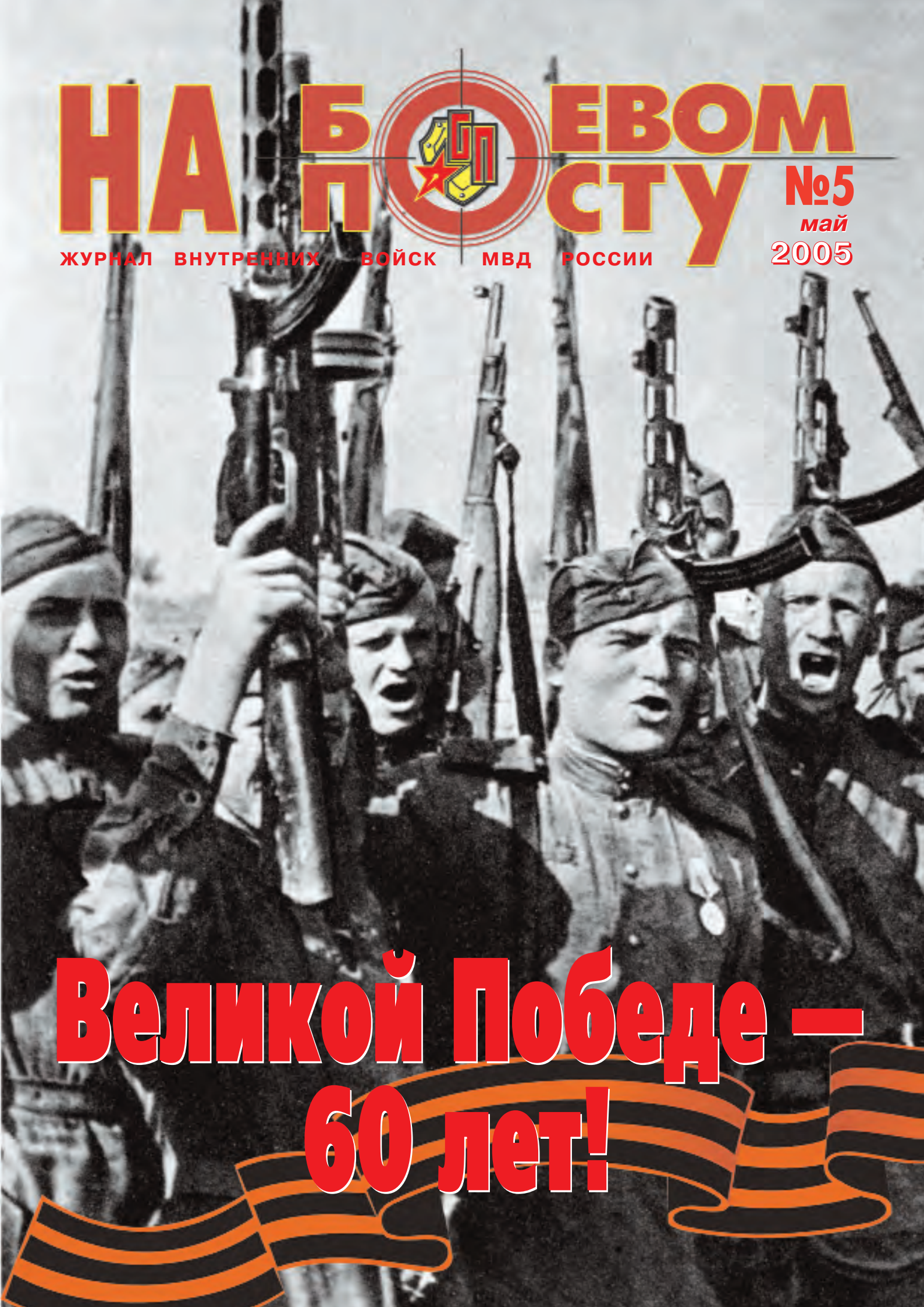

НА Б ЕВОМ ПО СТУ

№5
май
2005

ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ

**Великой Победе —
60 лет!**

**Вглядись в лица этих людей.
Они защитили Отчизну**

НА Б О Е В О М П О С Т У

Учредитель — МВД России

Издатель — Главное командование
внутренних войск

Журнал зарегистрирован в Министерстве
печати и информации Российской Федерации.
Регистр. № 01420.

Главный редактор КИСЛЫЙ Ю.П.

Редакционная коллегия: АРИБЖАНОВ Р.М.,
АРТЮХОВ Е.А., АШУРКОВ И.А. (Феофан),
БАННИКОВ А.Ю. (зам. главного редактора — ответст-
венный секретарь), БЕЛЬСКИЙ В.Ю., ВИННИК В.В.,
ЕРМАКОВ П.И., КАРПОВ Б.В., КОЛЕСНИКОВ С.С.,
ЛЕВКОВИЧ В.Г., ПАНЧЕНКОВ В.В.,
СЕНОКОСЕНКО Л.Ф., СКРЯБИН В.Н., СТЕПАНОВ А.Р.
(зам. главного редактора), СЫЧЕВ В.А.,
ТОНКОНОГОВ В.П., ШИШОВ А.Г.
(зам. главного редактора), ЮРЧЕНКО С.П.

Художественное оформление АРИБЖАНОВ Р.М
БОРОДИН В.В.

Верстка ВИНОГРАДОВА О.К.

Корректоры БОГДАНОВА Е.А., ГАВРИЛОВА Е.Ю.

Журнал имеет приложения:
газету "Ситуация"
и сборник учебно-методических материалов
"Войсковой вестник".

При перепечатке материалов ссылка на наш журнал
обязательна.

Редакция вправе сокращать и литературно обрабаты-
вать принятые к публикации тексты. Редакция может
публиковать материалы, не разделяя точку зрения ав-
торов. Рукописи не рецензируются и не возвращают-
ся. За достоверность фактов, имен собственных, не-
разглашение тайны отвечают авторы публикаций, за
достоверность рекламных объявлений — рекламода-
тели, за качество печати — типография. Переписка с
читателями ведется только на страницах журнала.

Сдано в набор 17.02.2005. Подписано к печати 04.04.2005.
Формат бумаги 60x90 1/8. Общий тираж изданий 15 000.
Печать офсетная. Усл.печ. л. 8. Зак. №5357

Отпечатано в типографии ОАО "Красный пролетарий"
127473, Москва, Краснопролетарская, 16

Адрес редакции: 111250, Москва, Красноказарменная, 9а
Телефоны для справок: 361-81-71, 361-82-57
E-mail: a_u_bannikov@mail.ru

© Журнал «На боевом посту», 2005

На 1-й странице обложки

Фото из архива журнала

Индекс

для подписки через агентство "Роспечать"
— **73 175**

Владимир Никольчук

Герой Советского
Союза
Михаил БОРИСОВ,
полковник в отставке,
ветеран редакции
журнала
"На боевом посту"

В шестидесятый раз отмечает наш народ День Победы над немецко-фашистскими захватчиками. Какие бы бури ни пронеслись над Отечеством, но до сего дня великий праздник оставался таковым, несмотря на непрекращающиеся потуги западных и особенно доморожденных фальсификаторов истории принизить его значение, исказить его светлый лик. А уж как они старались, чтобы не оставалось в советской истории события, которым можно было бы гордиться! Чего только не обогнали в "поисках истины", чего только не исказили, борясь с тоталитаризмом! Порою казалось, что не 60-летие всенародного подвига готовились они отмечать, а некий юбилей штрафбатов или заградотрядов. Только и слышишь базарный брех о цене Победы, о Третьем рейхе, который не разгромлен нами в пух и прах, а якобы утоплен в нашей же крови, о побежденных, которые живут так, как победителям и не снится...

Я давно понял, что спорить с этими людьми бессмысленно. Пороху они, как правило, не нюхали, о войне судят по бумагам, уцелевшим в архивах, да со слов таких же "специалистов", как сами.

А война — дело жестокое. В ином тяжелом бою погибало до трети личного состава подразделения, а то и свыше половины. И никуда от этого не денешься. Под Сталинградом в полках оставалось бойцов на батальон, а то и на одну-две роты.

Свою Золотую Звезду я получил за Курскую дугу. Тогда, 11 июля 1943 года, под Прохоровкой от артиллерийской батареи лейтенанта Павла Ажиппо, куда я, комсорг артдивизиона, прибыл накануне провести собрание, в ходе боя с немецкими танками повыбило почти всех. За последнее, чудом уцелевшее орудие я и встал. Сам подносил снаряды, сам заряжал, сам стрелял. Сжег семь "тигров" и остался в живых тоже чудом.

А что касается того, у кого жизнь слаще...

Из моих сверстников — двадцать второго, двадцать третьего, двадцать четвертого года рождения с кровавых военных полей вернулись трое мужиков из ста. Я и сам, пока дошел до Берлина, трижды был ранен и дважды контужен, и в результате из шестидесяти послевоенных лет многие годы "посвятил" госпиталям. А сослуживцы наши отнюдь не нам, а немцам все послевоенное время помогали подниматься из руин. Наш же народ рвал жилы, стремясь не только восстать из пепла, но и после памятной речи Черчилля в марте 1946 года в Фултоне к тому же не попасть под атомный шантаж.

Нынешний юбилей Победы для моего поколения — поколения победителей, поколения, до сегодняшнего дня цементировавшего нацию, последний. Как ни больно об этом говорить, но до следующей круглой даты доживут единицы. А потому, пользуясь случаем, я призываю вас, мои сыновья и внуки, не только быть верными традициям фронтовиков, но и учиться видеть суть происходящих явлений. Понимать, что главный враг России — терроризм. Без единения в борьбе с его проявлениями нам не сделать реального шага к лучшей жизни. Не меньший наш враг — социальное неравенство. К тому же, как известно, не хлебом единым жив человек. Если кто-то считает, что рублем можно измерить любую льготу — он глубоко заблуждается.

И все же мудрости и терпимости хочется пожелать всем нам в этот светлый праздник 9 Мая. Здоровья и благополучия ветеранам! Бдительности и несгибаемости стоящим на постах! Счастья солдатским семьям! С великим праздником 60-летия Победы, дорогие друзья!

Обращение ветеранов внутренних войск — участников Великой Отечественной войны 1941 — 1945 годов к личному составу внутренних войск МВД России

Дорогие товарищи, боевые друзья!

9 мая 2005 года исполняется 60 лет со дня Победы советского народа и его Вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 годов. Полным разгромом фашистской Германии и ее войск, подписанием в Берлине акта о безоговорочной капитуляции была поставлена точка в самой кровопролитной войне в истории человечества. Главная тяжесть в этой битве легла на Красную Армию, Военно-морской флот и весь героический народ Союза Советских Социалистических Республик.

Мы победили, мы доказали всему миру нерушимую братскую сплоченность, великую жертвенность и безграничную любовь к своей Родине! Война вошла практически в каждый дом, оставив там скорбь и память о народном подвиге.

На алтарь Победы были положены миллионы жизней во имя свободы Отечества, во имя счастья будущих поколений.

Вечная память погибшим!

Этот всенародный подвиг, которому 9 мая исполняется 60 лет, должен стать примером для каждого солдата, сержанта, прапорщика и офицера внутренних войск, мы всегда должны об этом помнить! Товарищи однополчане, боевые друзья!

Мы вместе с вами склоняем головы перед светлой памятью героев.

Мы призываем вас, молодое поколение воинов, быть достойными наследниками боевой славы командиров, красноармейцев и краснофлотцев Великой Отечественной войны, а также тех, кто в послевоенные годы отдавал свои жизни за целостность и единство нашей Родины.

Высоко несите честь и достоинство военнослужащего внутренних войск МВД России!

Принято единогласно участниками военно-исторической конференции 5 апреля 2005 года.

Стр. 22

Стр. 24

Стр.30

СОДЕРЖАНИЕ

ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА "Солдатскую шинель я надел в семнадцать лет..."	4	ВЕРА По велению Божией Матери	26
СЛАВА ПОБЕДЫ Любовь к отчей земле помогла нам выстоять и победить	6	АРСЕНАЛ "Примкнуть штыки!"	28
ГЕРОИ И ПОДВИГИ Грудью на амбразуру	10	ТРАДИЦИИ Симфония Победы	30
ПИСЬМА С ФРОНТА "...Волю врага сломили"	12	НА НЕВИДИМОМ ФРОНТЕ Операция у Долгих Двориков	34
НИ ШАГУ НАЗАД! "За Волгой для нас земли нет..."	15	ВETERАНЫ От парада-легенды до сегодняшних торжеств	36
ЗОЛОТЫЕ ЗВЕЗДЫ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК Под Чертовой Лужей у Бушхофа	18	ДИНАСТИИ "Мы все войны шальные дети"	40
О ЧЕМ РАССКАЗАЛИ АРХИВЫ "Был образцом мужества..."	20	МЕМОРИАЛ Память, увековеченная в камне	43
МЕДИКИ НА ВОЙНЕ Жизнь и смерть стояли рядом	22	ГОРДОСТЬ РОССИИ Полковник Шолохов	46
ЛЮДИ И СУДЬБЫ 120 тысяч километров по фронтовым дорогам	24	ЛИТЕРАТУРА Из рассказов о Чуракове	49
		Я вижу оцетинившийся дот...	56
		Три рассказа	58

Визитная карточка.

Дмитрий Алексеевич Наливалкин родился 2 ноября 1925 года в селе Красногвардейское Ставропольского края. С 1943 года — в действующей армии. После войны окончил Львовское военно-политическое училище, Военный институт МГБ СССР, академические курсы при Военной академии им. М.В. Фрунзе. Во внутренних войсках служил на различных политических и командных должностях.

Несколько лет командовал ОМСДОНОм им. Ф. Дзержинского, был начальником Управления спецчастей ВВ МВД СССР.

Награжден орденами Октябрьской Революции, Отечественной войны II степени, двумя орденами Красной Звезды, Дружбы, Мужества, Почета, двумя медалями "За отвагу", медалью "За боевые заслуги", а также другими наградами Советского Союза, Российской Федерации и иностранных государств. Заслуженный работник МВД СССР.

Участник ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

Владимир Николаев

**Генерал-лейтенант в отставке
Дмитрий НАЛИВАЛКИН:**

**“Солдатскую шинель
я надел
в семнадцать лет...”**

— Дмитрий Алексеевич, наш журнал не раз рассказывал о вашей прославленной дивизии — ОМСДОН имени Дзержинского, ныне ОДОН. Вы лично выступали по разным проблемам служебно-боевой деятельности, воинского обучения и воспитания. Сегодня, в канун празднования 60-летия Великой Победы, хотелось бы поговорить о том, какой след оставила война в вашей судьбе, что помнится спустя десятки лет, что не может и не должно забыться.

— Войну разве забудешь! Я родился в райцентре Красногвардейское — чувствуете, название какое звонкое и вдохновляющее — это в Ставропольском крае. Село

было большое — 15 тысяч моих односельчан работали на полях, фермах и огородах. Кроме зерновых и овощей выращивали подсолнечник, который перерабатывали на своем маслозаводе. Словом, была мирная, наполненная трудами жизнь.

И вот — война. Меня призвали 25 января 1943 года, еще и восемнадцати не исполнилось. Фронт — вот он, уже на Ставропольщине. Наш 476-й стрелковый полк 320-й стрелковой дивизии 5-й ударной армии вел ожесточенные бои с немцами. Меня назначили наводчиком в расчет 120-мм миномета. Первые дни мы, восемь новобранцев, воевали даже в гражданской одежде — тыловые части подотстали, догнали они нас только под

Батайском. Там нас одели как положено — белье, гимнастерка, брюки, ботинки с обмотками, шинель и шапка. Скажу честно, по-настоящему военный вид нас воодушевил. А по большому счету — с той поры я военную форму и полюбил навсегда.

С новой силой погнали фрицев на запад. Освободили Ростов-на-Дону и, преследуя противника, дошли до Таганрога. Здесь держали оборону два месяца.

Слышим разговоры: какая-то дивизия нас менять будет. И что вы думаете — на другой день встречаю... своего батю. Отец мой, Алексей Михайлович, был мужик неграмотный, но рукастый и трудолюбивый — он в нашем колхозе работал ездо-

вым, причем не только на лошадаках грузы возил, но даже на верблюдах. Он и в армии при лошадах остался. Надо ли говорить, как мы встрече на фронте обрадовались! Главное — оба живы!

Но встреча с отцом была недолгой, нас перебросили на главное направление — под Матвеев Курган, где на реке Миус участвовали в летнем наступлении Красной Армии. Бои были жестокие, кровопролитные, мы потеряли много людей и техники. Нас вывели на переформирование и небольшой отдых под Воронеж — все заняло 20 дней...

— Дмитрий Алексеевич, потери вы несли большие, но, в связи с этим, не упал ли боевой дух наших войск, каким было настроение и старших командиров, и массы бойцов?

— Главное, что чувствовал каждый из нас, — мы погнали немца вспять, мы освобождали родную землю. Усталость отступала, ненависть к оккупантам и желание с ними покончить были сильнее. Из-под Воронежа нашу дивизию направили на форсирование Днепра в район села Большая Лепетиха. Оттуда снова с тяжелыми боями погнали немца на Херсон и Николаев, которые были освобождены, далее — на Одессу. С 26 марта по 14 апреля в жестких боях фашисты были выбиты из Одессы, ушли в Молдавию, к реке Днестр, где, захватив несколько плацдармов, перешли к обороне. 13 мая 1944 года на одном из плацдармов здесь погиб наш командир дивизии генерал-майор И.И.Швыгин.

Противостояние на Днестре продолжалось до августа. Мы готовились к наступлению. 20-го началась мощнейшая артиллерийская подготовка по всему фронту Яско-Кишиневской операции.

После ее успешного завершения наша стрелковая дивизия была передана в 46-ю армию. Бои в Румынии. По южным районам Болгарии мы прошли уже без боев, нас встречали как освободителей. И в Югославии народ называл нас братьями...

А потом была Венгрия. Здесь уже бои были частые и тяжелые. Запомнились города Сегед, Кечкемет, Цеглед, бои на подступах к Будапешту. К 26 декабря 1944 года столица Венгрии была окружена, но только к 15 февраля 188-тысячная группировка немецких и мадьярских фашистов была уничтожена. После освобождения Будапешта наша дивизия была направлена в Австрию, где пришлось добивать немцев и их приспешников — власовцев. В Австрии и закончилась для меня война: там повстречались с союзниками-американцами, там дождался и 9 мая.

— И у всех первая мысль — по домам?

— Ну что вы, конечно нет! О доме, естественно, всем мечталось. Но ведь все в то же время понимали — нельзя сейчас враз разоружиться, всем — штыки в землю.

12 мая получили приказ — пешим маршем возвращаться домой, в Союз, в город Каменец-Подольский. Каждый день проходили по 30-35 километров. Физически

это было трудновато, но душевный подъем зато какой был — домой!

Путь на родную землю продолжался два с половиной месяца. Представить себе не можете нашу радость при виде государственной границы СССР!

Дивизию расформировали, а я продолжил службу в батарее 122-мм пушек 25-й механизированной дивизии.

— Теперь-то, наверное, уже подумывали о демобилизации?

— Конечно, мысли такие у всех были, но в сентябре 1946 года мне и еще одному сослуживцу замполит полка предложил... учиться в военно-политическом училище. И вот с 28 ноября 1946 года по 30 августа 1948 года проучились в Харькове, потом училище перевели во Львов. Там и вручили нам дипломы и офицерские погоня.

— И началась служба в мирных годах?

— Не сразу. Сначала несколько месяцев мы добивали остатки националистических банд. А уж потом получил назначение в знаменитый ныне Арзамас-16. Там наши внутренние войска стояли на страже оборонного комплекса, ядерного щита Союза ССР.

— Словом, судьба ваша теперь определилась раз и навсегда?

— Да, теперь уже точно и бесповоротно решил служить во внутренних войсках. В пятидесятые годы в войсках служило еще много фронтовиков. За плечами каждого не только боевой опыт, но и желание беззаветно служить денно и ночью на благо Отечества. Поверьте, это не просто высокие слова. Прошедшие горнило войны, испытавшие все тяготы и лишения фронтового, походного быта не только сами служили честно и ответственно, но и подчиненных учили тому, что нужно на войне, в бою.

Мы всегда внушали нашим солдатам, молодым офицерам, что любая задача и в мирное время является боевой, ведь в караул заступаем с боевым оружием.

Требования мои, как командира, к подчиненным, еще более возросли, когда мне было доверено принять под командование прославленную дивизию имени Дзержинского — резерв министра внутренних дел. Задачи ставились самые сложные. О них можно рассказывать бесконечно. В прошлом году дивизия отметила свое 80-летие, была выпущена объемная и очень содержательная книга. Но даже этот массивный том не смог вместить сотни интереснейших судеб воинов-дзержинцев, какие-то подробности и нюансы боевых дел частей и подразделений. Один тот факт, что первое подразделение спецназа, знаменитых ныне "витязей", родилось у нас, о многом говорит. Это подтверждение тому, что дзержинцы всегда были на переднем крае борьбы с преступностью, бандитами и террористами.

— Дмитрий Алексеевич, в войсках

вас знают как опытного и грамотного военачальника. Но сегодня, в канун празднования 60-летия Великой Победы, хотелось бы услышать о том, как работают уважаемые ветераны. Ведь вы уже 15 лет являетесь заместителем председателя Моковского комитета ветеранов войны.

— Увы, время берет свое — в строю ветеранов все меньше и меньше остается наших боевых товарищей. Но вот какую закономерность я хочу отметить. Слова поэта "не стареют душой ветераны" справедливы на сто процентов! Большинство из нас уже за восемьдесят, а какое в каждом желание сделать что-то доброе и, главное, полезное для поддержки престарелых ветеранов, для военно-патриотического воспитания молодежи.

Хочу сказать доброе слово в адрес Объединенного совета ветеранов войны внутренних войск МВД России, который был создан решением нашего комитета 2 марта 1997 года. В разные годы его возглавляли известные в войсках люди: генерал-лейтенанты в отставке Ф.В.Бубенчиков, А.Г.Сидоров, полковник в отставке П.И.Глебов, генерал-майор в отставке Н.Д.Надолько. Нельзя не отметить одну из лучших ветеранских организаций войск — совет ветеранов Московского округа ВВ МВД РФ, председателем которого много лет является полковник в отставке В.Д.Кривец. Здесь проходят интересные встречи с писателями, военными историками, ветераны всегда участвуют в днях призывника, которые проводятся на базе воинских частей, проводятся чествования офицерских династий.

— Уважаемый Дмитрий Алексеевич, от имени редколлегии и всех читателей нашего войскового журнала примите самые искренние пожелания доброго здоровья на долгие годы.

Наша беседа будет опубликована в праздничном, майском номере. Что бы вам хотелось сказать с этих страниц накануне юбилея Великой Победы?

— Сегодня я от имени Московского комитета ветеранов войны и от себя лично сердечно приветствую моих сослуживцев по славным внутренним войскам. Ветеранам Великой Отечественной войны хочу пожелать здоровья, бодрости, оптимизма, долгих лет на радость родным и близким.

Генералам и офицерам, прапорщикам — целеустремленности, энергии в службе на благо Отечества. А молодым солдатам желаю поскорее проникнуться гордостью за службу в наших родных войсках, быть в готовности выполнить любую поставленную задачу.

И всем людям в погонах — помнить подвиг дедов и отцов в самой страшной войне, которая завершилась нашей Победой. Сохраните эту память, и вы будете сильнее!

Беседовал Борис КАРПОВ, полковник запаса

5 апреля 2005 года по инициативе Главного командования внутренних войск и ветеранской организации ГКВВ МВД России на базе Отдельной дивизии оперативного назначения прошла военно-историческая конференция “Слава Победы советского народа и его Вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов не померкнет в веках”. Ее участники говорили об основных сражениях Великой Отечественной войны, роли Советского Союза в разгроме фашизма, влиянии итогов Второй мировой войны на ход послевоенной истории и устройство мира, вкладе воинов внутренних войск в достижение Великой Победы и об использовании опыта ветеранов-фронтовиков в патриотическом воспитании молодежи.

Любовь к отчей земле помогла нам выстоять и победить

ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫЙ форум ветеранов, военнослужащих, преподавателей высших учебных заведений внутренних войск, курсантов Московского университета МВД России и сотрудников Министерства внутренних дел, состоявшийся 5 апреля 2005 года, призван, по мнению заместителя главнокомандующего генерал-лейтенанта Сергея Топчего, сохранить память о подвиге победителей в Великой Отечественной войне, на котором и в дальнейшем должно основываться военно-патриотическое воспитание в войсках. Символично в связи с этим, что работа конференции началась с возложения венков на Аллее славы в Отдельной дивизии оперативного назначения. Символично, кстати, и место ее проведения, не случайно организаторы конференции выбрали ОДОН. Ведь части и боевые отряды старейшего в войсках соединения обороняли Москву, бились с врагом на Западном и Волховском фронтах, освобождали Великий Новгород. А в победном 45-м бойцы сводного батальона дивизии бросили к подножию мавзолея поверженные фашистские знамена. Об этом, открывая конференцию, напомнил ее участникам главный инспектор-координатор ГКВВ МВД России генерал-полковник Леонтий Шевцов.

— Отмечая 60-летие Победы, — подчеркнул он, — мы и сегодня, несмотря на прошедшие со времен войны годы, все больше осознаем величие этого исторического события.

Наша страна и народ вынесли самые тяжелые испытания, понесли самые большие потери. Высока цена Победы, но именно Советский Союз не только выстоял, но и сокрушил врага, спас народы Европы от порабощения, а мировую цивилизацию от фашизма.

Доклад президента Академии военных наук генерала армии Махмута Гареева вызвал неподдельный интерес у участников конференции. Ветеран Великой Отечественной

войны, доктор исторических и военных наук, академик призвал поразмышлять об ее итогах, роли Советского Союза в достижении победы над фашизмом.

— Наша страна за столетие, предшествующее той войне, одержала в ней первую крупную победу над мощным противником, — отметил Махмут Ахметович. — СССР вернул национальную государственность европейским странам, освободив их от фашистского ига. Итоги Второй мировой войны способствовали крушению колониальной системы и зарождению национально-освободительного движения.

Пакт о ненападении, заключенный между СССР и Германией в 1939 году, который так называемые “правые” историки называют не иначе как позорным договором, по мнению академика М. Гареева, — величайшая политическая победа над фашизмом, достигнутая советскими дипломатами еще до начала войны. Его подписание позволило выиграть время и создать антигитлеровскую коалицию.

— В последнее время за рубежом пытаются пересмотреть итоги Второй мировой войны, всячески принизить роль нашей страны в искоренении фашизма, — подчеркнул Махмут Гареев. — Почему? Все очень просто: признание действительных итогов и решающей роли в Победе Советского Союза означает, что нынешней России нужно отвести достойное место в мире. А этого Запад допустить не может. Ему после победы в холодной войне не нужно возрождение сильной державы.

И очень обидно, что есть в нашей стране приспешники западной идеологии, которые всячески фальсифицируют факты и события, спекулируют цифрами о якобы неоправданных жертвах.

— Те, кто думает, мол, лучше бы победила Германия, — сказал академик, — не осознают, что они не пиво пили бы сегодня, а в лучшем случае были бы свинопасами на германских фермах, если бы вообще родились на свет. Прибалтийские страны не имели бы статуса победителей, а Литва не владела бы ни Вильнюсом, ни Клайпедой. Такие, как порочащий итоги войны Владимир Резун или усомнившийся в цене Победы, потому что якобы наши потери были несоизмеримо большими, чем потери гитлеровцев, господин Познер, извратившие правду о войне режиссеры фильмов типа “Штрафбат” оскорбляют участников Великой Отечественной войны, память о народном подвиге, совершенном во имя всего человечества.

На фундаменте охаивания и очернения прошлого достойное будущее построить нельзя.

Одной из главных бед сегодняшнего дня в стране академик М. Гареев назвал недостаточное внимание к опыту старших поколений.

Этот пробел и призвана восполнить прошедшая конференция. Ведь выступившие на ней ветераны Великой Отечественной — люди опытные и знающие. Они не раз смотрели в глаза смерти и подарили нам Победу, избавившую человечество от коричневой чумы. Генерал-майоры в отставке Иван Зюкин, Василий Дугов, полковники в отставке Павел Глебов, Александр Смирнов, Иван Кругляк, Степан Кампаниец рассказали участникам конференции о героической обороне Москвы, боях на подступах к Ленинграду, Сталинградской и Курской битвах, сражениях за Кавказ, участниками которых они были.

С докладом об операции “Багратион” по освобождению Белоруссии выступил заместитель главнокомандующего внутренними войсками — начальник управления боевой подготовки ГКВВ МВД России генерал-лейтенант Евгений Лазебин. Он согласился с академиком М. Гареевым в том, что к опыту ветеранов мы порой недостаточно внимательны. Между тем нынешнему поколению воинов он нужен. Ибо примеры мужества и героизма красноармейцев вдохновили на подвиг офицеров и солдат в современных войнах в Афганистане и Чечне. Другое дело, что командиры не всегда умеют правильно использовать опыт Великой Отечественной в воспитании и обучении солдат, порой не знающих, кто такие Александр Матросов и Зоя Космодемьянская.

Генерал-полковник Леонтий Шевцов рассказал о Берлинской операции советских войск. Коснувшись роли СССР в окончательном разгроме фашистской Германии, он отметил, что память о нашем воине-освободителе до сих пор бережно хранят многие народы Восточной Европы. Это, кстати, предопределило его назначение в девяностых годах заместителем главнокомандующего объединенными вооруженными силами НАТО по российским войскам в Боснии и Герцеговине. Тогда боснийцы согласились на присутствие на их территории только российских миротворцев.

Выступая по вопросу о вкладе в достижение Победы воинов внутренних войск, интересные факты привел доктор исторических наук, автор многочисленных монографий по истории внутренних войск генерал-майор в отставке Владимир Некрасов.

— Каждый тринадцатый военнослужащий к концу войны был воином войск НКВД, — отметил он. — В 1941-1945 годах из состава НКВД было сформировано 29 действовавших на фронтах дивизий Красной Армии, семь из которых вошли в легендарную 70-ю армию. В освобожденных районах комендантскую и гарнизонную службу несли военнослужащие семи специально созданных для этого дивизий НКВД. Охранять ядерный потенциал страны войска начали тоже в годы Великой Отечественной войны, когда советские ученые работали над созданием атомного оружия.

Это наводит на мысль о необходимости проведения новых военно-исторических конференций и серьезного обсуждения темы участия внутренних войск в Великой Отечественной войне.

Завершая конференцию, ее участники приняли постановление, рекомендуя активно пропагандировать историческую правду о Великой Отечественной войне, бережно сохранять память о подвиге народа-победителя и традиции беззаветного служения Родине.

Идя навстречу 60-летию Победы, говорится в постановлении, мы должны ответить на вопросы: что способствовало массовому героизму нашего народа в тяжелейшей схватке сил зла и добра, почему воины стояли насмерть, повторяя: “Позади Москва, отступать некуда”, “За Волгой для нас земли нет”, “Наше дело правое — победа будет за нами”? Любовь к отчей земле, стремление к свободе и независимости — вот что помогло выстоять и победить.

**Полковник
Ринад АРИБЖАНОВ**
Фото Владимира НИКОЛАЙЧУКА

"Чтоб не забылась та война..."

Ринад Арибжанов

ОБРАЩАЯСЬ к теме Великой Отечественной войны, мы неизбежно сталкиваемся с такими понятиями, как героизм, мужество, патриотизм... И это не просто слова. Это лучшие, благородные человеческие качества, которые позволили русскому народу выстоять и победить в величайшей и тяжелейшей из войн. Подвиги советских воинов, трудящихся тыла, совершенные ими во имя победы над беспощадным врагом, по праву хранятся в памяти потомков и передаются из поколения в поколение.

*Я не напрасно беспокоюсь,
Чтоб не забылась та война.
Ведь эта память — наша совесть,
Она, как сила, нам нужна...*

Готовность к самопожертвованию во имя Родины, мужество, благородство и честь, проявленные нашими отцами и дедками в годы сурового испытания, нашли отражение в художественных военно-патриотических произведениях, созданных как во время, так и после войны. Литературные произведения, песни, художественные и документальные фильмы делают правду о Великой Отечественной войне и русском воине-победителе всеобщим достоянием, воспитывают новые поколения патриотов, защитников Отечества.

Именно этому способствовал состоявшийся 14 апреля в ГЦКЗ "Россия" при поддержке Правительства Москвы и Министерства обороны 3-й форум патриотического кино "Герои Отечества на экране и в жизни", который прошел в рамках празднования Дня Героя Отечества. И в зале, и на сцене не было равнодушных лиц, царил атмосфера благодарности к людям, посвятившим свою жизнь народу, родной земле...

Заместитель председателя Правительства Москвы, открывший вечер, поздравил собравшихся с праздником и рассказал о

том, что столичная администрация высоко чтит подвиг, совершенный ветеранами Великой Отечественной. Свидетельством является то, что мэрия Москвы нашла возможность сохранить для них льготы, замеченные 122-м законом на денежную компенсацию, а также повысить размер пенсии участников войны до уровня прожиточного минимума.

Артистов, выходящих на сцену, Героев Советского Союза и Героев России, которых чествовали в тот день, зал встречал овациями. На форуме присутствовали признанные мастера искусств, чьи имена стали легендарными и по праву вошли в историю отечественной культуры: самый главный офицер России Василий Лановой, Герои Социалистического Труда Иосиф Кобзон и Алексей Баталов, создавшие незабываемые образы на киноэкране Светлана Светличная, Наталья Дрожжина, Лидия Смирнова, которая буквально за день до форума отметила свое девяностолетие. За высокий вклад в дело нравственного и патриотического воспитания, сохранение духовных ценностей отечественной культуры многие из них были удостоены высоких общественных наград — орденов Александра Невского и Михаила Ломоносова.

Концертный зал просто светился от золотого блеска Звезд Героев СССР и Героев России. Многие зрители, пришедшие на праздник, — это люди в погонах, фронтовики, участники боевых действий в горячих точках, солдаты, курсанты военных училищ... На таких встречах люди старших поколений передают младшим эстафету преданного служения Отечеству, чести и мужества.

Главным лейтмотивом форума, приуроченного к 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне, стала тема благодарности и поклонения воинам-победителям. "Спасибо за Победу" — так называлась концертная программа вечера. Организовали встречу Клуб Героев

Советского Союза, Героев Российской Федерации и полных кавалеров ордена Славы Москвы и Московской области, клуб "Благор" и Гильдия актеров кино России.

На сцену концертного зала выходили актеры и музыканты, которые многие годы своей жизни посвятили патриотическому воспитанию, культурному развитию молодежи и сегодня помогают сохранить в памяти людей героическое прошлое нашей страны. Наравне с мастерами искусств на сцену выходили артисты нашего поколения, исполнявшие песни военных лет: Тамара Гвердцители, Лидия Русланова, Юлия Началова, Феликс Церикати, Ренат Ибрагимов, группа "Непоседы" и многие другие.

На форуме подвели итоги своей творческой деятельности представители киноискусства. Лучшим героико-патриотическим художественным фильмом 2005 года признана работа Дмитрия Месхиева "Свои". В 2003 году этого звания был удостоен фильм Карена Шахназарова "Звезда", на прошлогоднем форуме — "72 метра" Владимира Хотиненко.

Трудно переоценить важность таких встреч. Ведь на них мы, люди младших поколений, можем увидеть освободителей порабожденной Европы, узнать, что называется, из первых уст о переживаниях и чувствах, которые они тогда испытали. Всматриваясь в лица ветеранов-фронтовиков, сидящих в ГЦКЗ "Россия", в их мудрые глаза, повидавшие тяготы нелегкой жизни, понимаешь, что эти сильные духом люди, этот несгибаемый никакими испытаниями народ не могли не победить в той войне. В такие моменты осознаешь, что мы в долгу перед ними, рисковавшими жизнью в борьбе за свободу Отечества, и обязаны сделать все возможное, чтобы сохранить память о величайшем подвиге русского человека во имя жизни на земле.

**Старший лейтенант
Василий БУРМИСТРОВ,
рядовой Александр ПАНЧЕНКО**

“Бессмертной славой покрыли вчера себя бойцы-чекисты, выученики Феликса Дзержинского... Они бились врукопашную, и только через мертвые их тела мог враг продвинуться на пядь вперед”.

Газета "Правда" от 24 июня 1941 года

Флаг гарнизона сберегли как Боевое знамя

Ринат Арибжанов

В 1939 году, когда части Красной Армии вошли в Западную Украину, пограничники приняли под охрану новую границу, а войска НКВД СССР по охране железнодорожных сооружений выставили свои гарнизоны возле мостов и других объектов, расположенных на этой территории.

Среди них оказался и гарнизон 247-го км Львовской железной дороги, расположенный близ города Перемышль. Над крышей дома, где он помещался, развевался красный флаг.

Флаг гарнизона, охранявшего в сорок первом железнодорожный мост, расположенный на 247-м километре Львовской железной дороги, спустя несколько десятилетий оказался в Центральном музее внутренних войск. Этому предшествовала целая история. Так что же произошло в первый день войны в городе Перемышль?

Государственная граница, проходившая по реке Сан, разделила город на две части. Южная находилась на советской территории, северная — на сопредельной стороне в оккупированной Германией Польше. Противник с первых часов войны подверг город сильному артиллерийскому обстрелу и попытался захватить мост через реку Сан.

А теперь перейдем на язык военных документов и прочитаем, что сообщалось в боевых донесениях.

Из журнала записи боевых донесений главного управления войск НКВД СССР по охране железнодорожных сооружений.

22 июня 1941. 10ч.20мин. Перемышль обстреливается артиллерийским и пулеметным огнем. Штаб 66-го батальона 10-й железнодорожной дивизии войск НКВД разрушен. Командир батальона — в гарнизоне 243 километра, личный состав этого гарнизона — на объекте. Части 92-го погранотряда начинают отход. Передал начальник гарнизона 247 км.

В 18.30 немцы ведут артстрельбу по Перемышлю, город горит.

Из оперативно-политической сводки отдела политпропаганды 10-й дивизии войск НКВД об упорных боях с противником и политико-моральном состоянии личного состава по состоянию на 24.00.

№ 2, г. Львов 23 июня 1941 г.

Значительное количество гарнизонов ведут упорные бои с противником. Личный состав показывает высокую политическую сознательность, отстаивая охраняемые объекты.

Заместитель начальника гарнизона 243-го км 1-й роты 66-го полка Жувагин храбро дрался и умело руководил защитой перемышльского моста.

Гарнизон 9-го км 64-го полка НКВД сбил оружием и пулеметным огнем германский бомбардировщик.

В 21.00 эвакуированы семьи начсостава управления соединения и штаба 66-го полка и приграничных подразделений.

Доведены до всего личного состава Указы Президиума Верховного Совета СССР о мобилизации и объявлении ряда областей на военном положении...

Заместитель командира дивизии Левашев.

ИЗ СООБЩЕНИЯ СОВИНФОРМБЮРО от 25 июня 1941 г.

“...Стремительным контрударом наши войска вновь овладели Перемышлем...”

Произошло действительно невероятное: в результате контрудара наших войск Перемышль был взят и удерживался нашими войсками вплоть до 28 июня!

В числе защитников города были пограничники 92-го погранотряда (начальник подполковник Я.И. Тарутин), воины 99-й стрелковой дивизии (командир полковник Н.И. Дементьев), входившей в состав 8-го стрелкового корпуса генерал-майора М.Г. Снегова, гарнизоны 66-го полка 10-й дивизии войск НКВД по охране железнодорожных сооружений и отряд народного ополчения во главе с первым секретарем горкома партии П.В. Орленко. На второй день войны враг был выбит из города и отброшен за государственную границу.

А что же произошло с гарнизоном 247-го километра? Когда враг подошел к мосту, гарнизон под командованием младшего лейтенанта Ф. Субашева занял оборону. Предварительно была организована отправка в тыл семей военнослужащих гарнизона. Осознавал весь трагизм обстановки и начальник гарнизона. Прощаясь со своей женой Надеждой и двумя годовалыми дочурками, офицер вручил ей флаг гарнизона со словами: “Сохрани его и береги наших девочек”.

Но, увы, на войне всего не предугадаешь. Так случилось, что во время отхода семья офицера попала под бомбежку, погибла одна из дочерей. В тыл, до городка, где жили родители, Надежда с уцелевшей дочуркой добралась лишь спустя неделю. Оставив девочку матери, Надежда Варфоломеевна ушла на фронт. Сбереженное знамя гарнизона осталось в родительском доме.

Воефельдшер одного из медсанбатов войск НКВД Надежда Субашева прошла всю войну, находясь на передовой наравне с другими солдатами и офицерами. Все это время она пыталась разузнать хоть что-то о судьбе мужа, пока в конце концов до нее не долетела горькая весть, что младший лейтенант Субашев пал смертью храбрых в боях за Киев.

...Прошло много лет. Живя в Москве, Надежда Варфоломеевна узнала о существовании Центрального музея внутренних войск и решила передать ему Боевое знамя гарнизона, которое бережно хранила. Теперь оно украшает экспозицию музея, став одним из самых ценных экспонатов музея, как память о героическом гарнизоне, участниках боев за Перемышль.

Самуил ШТУТМАН,
полковник в отставке,
ведущий научный сотрудник
Центрального музея ВВ МВД России

Грудью на амбразуру

ЛЕТОМ 1941 года фашистские войска стремительно наступали на Ленинград. Казалось, ничто не могло их остановить. 24 августа в бою за населенный пункт Спас-Нерадица под Новгородом бойцы одной из рот 125-го танкового полка 28-й танковой дивизии, отразив удар врага, сами бросились в отчаянную контратаку. От неожиданности немцы откатились назад. Но и атака нашей роты быстро захлебнулась. Ей во фланг ударил из дзота пулемет фашистов.

Нельзя было ждать, когда фашисты обрушат всю свою огневую мощь на залегшую в открытом поле горстку бойцов. Это понимал каждый. Но что делать? Огонь пулемета был настолько плотный, что бойцы не могли и головы поднять. Как заставить фашиста замолчать? И тут...

Оказавшийся ближе всех к огневой точке противника младший политрук А. Панкратов бросился к дзоту и закрыл его амбразуру своим телом.

Бойцы поредевшей роты продолжили атаку, выбили врага с его позиций и одержали пусть небольшую, но очень важную в те дни победу.

Панкратов стал одним из первых советских военнослужащих, который в годы Великой Отечественной войны совершил такой подвиг. Вполне возможно, что и раньше так поступали наши бойцы в решающие моменты боя. Но имена тех людей неизвестны, потому что не осталось свидетелей их самоотверженности. Ведь нередко в первые месяцы войны части и подразделения погибали в полном составе.

В 1943 году этот подвиг станут называть именем Александра Матросова. В годы Великой Отечественной его совершили около 400 советских воинов, многим из них присвоено звание Героя Советского Союза. Есть среди них и представители внутренних войск. Первым значит комиссар батальона 1-й дивизии войск НКВД старший политрук Владимир Горбунов. Подвиг он совершил 25 декабря 1941 года во время боя в районе Шлиссельбурга. Позже амбразуры вражеских огневых точек закрыли своими телами Алексей Ващенко, Василий Беляков, Петр Барбашов, Петр Самойленко, Петр Гужвин, Иван Скуридин. Причем многие из них совершили этот подвиг задолго до Александра Матросова.

... В конце лета 1942 года драматические события разворачивались на юге нашей страны. Немцы неудержимо рвались к Сталинграду, планируя во что бы то ни стало захватить город и выйти к Волге. Одновременно фашистские войска стремились овладеть Кавказом.

4 ноября 1942 года гитлеровцы предприняли очередную попытку взять Орджоникидзе — ворота в Закавказье. Отсюда открывались пути на Грозный, Баку и по Военно-Грузинской дороге на Тбилиси.

За несколько дней упорных оборонительных боев войны орджоникидзевской дивизии внутренних войск измотали врага. А восьмого ноября, поддержанные батальонами двух гвардейских корпусов Красной Армии, сами перешли в наступление и отбросили противника от города, освободив settlement Гизель.

В те дни в Северной Осетии в составе 276-го стрелкового полка войск НКВД воевал

младший лейтенант Петр Гужвин. Храбрый офицер уже был награжден орденом Красной Звезды и медалью "За отвагу". Командир полка полковник Бобраков неоднократно отмечал Гужвина и его подчиненных за успешное проведение разведки боем, ночных вылазок в тыл врага, захват языка и выполнение других особо сложных задач. Причем из опасных переделок, в которых приходилось ему бывать, Петр выходил практически без единой царапины. "Ты словно заговоренный", — не раз говорили ему друзья. Офицер же только улыбался на это, отшучивался и продолжал еще тщательнее обучать военному делу своих подчиненных и готовиться к предстоящим боям.

Рано утром 21 ноября 1942 года боевую задачу Петру поставил лично командир полка. Взводу Гужвина предстояло первому вступить в бой и занять высоту в районе местечка Шестой километр. Командир, как всегда, шел вместе с бойцами. Но вот открыли перекрестный огонь два станковых пулемета врага. К высоте невозможно было продвигаться ни на шаг. Гужвин смело бросился вперед. Несколькими очередями из автомата и гранатами он уничтожил расчет одного вражеского пулемета. Но продолжал стрелять второй. Он-то и не позволял бойцам взвода подниматься в атаку. Гранат у Петра не осталось. Возвращаться к своим? Но каждый сантиметр этого пути простреливал вражеский пулеметчик. Тогда младший лейтенант ползком еще ближе подобрался к вражеской позиции и бросился на амбразуру. Вражеский пулемет заглох, и взвод Гужвина выполнил боевую задачу.

31 марта 1943 года младшему лейтенанту Петру Гужвину было присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно).

Не только в годы Великой Отечественной совершали такие подвиги бойцы внутренних войск. Еще много лет после окончания войны они боролись с националистическим подпольем и вооруженными бандформированиями на территории Прибалтийских республик, в западных областях Украины и Белоруссии.

В феврале 1952 года поисковая группа 6-го отряда внутренней охраны действовала на территории Литовской республики и обнаружила в одном из районов замаскированный бункер бандитов. Бойцы блокировали убежище. Младший сержант Владимир Андреев пополз вперед, чтобы забросать его гранатами. До бункера оставались считанные метры, когда бандиты заметили сержанта и открыли по нему огонь из пулемета. Владимир был смертельно ранен, но, чтобы спасти жизнь товарищей, самоотверженно бросился на огневую точку врага...

Сейчас фотографии младшего сержанта Владимира Андреева и других военнослужащих войск правопорядка, предваривших и повторивших подвиг Александра Матросова, находятся в экспозиции Центрального музея внутренних войск МВД России. Так сохраняется память о мужественных людях, которые отдали свою жизнь ради товарищей и Великой Победы.

Ольга БОРИСОВА,
старший научный сотрудник
Центрального музея ВВ МВД России

"...ВОЛЮ ВРАГА СЛОМИЛИ"

В году 60-летия Победы исполняется 105 лет со дня рождения талантливое военачальника Гражданской и Великой Отечественной войн, боевого генерала Ивана Ивановича Масленникова (1900–1954). С 1939 по 1941 г. генерал-лейтенант И.И. Масленников, находясь в должности заместителя наркома внутренних дел по войскам, возглавлял внутренние и пограничные войска НКВД. Во время Великой Отечественной войны командовал 29-й, 39-й, 8-й и 42-й армиями, Северной группой войск Закавказского фронта, войсками Северо-Кавказского и 3-го Прибалтийского фронтов, принимал участие в битве за Москву, в обороне и наступлении на Северном Кавказе, в боях на Украине, в освобождении Ленинграда, Пскова, Риги. В 1945 г. в должности заместителя главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке участвовал в разгроме японской армии. В сентябре 1945 г. ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Не так давно семья Масленникова передала в Центральный музей внутренних войск МВД России его фронтовые письма. Здесь мы публикуем ту часть писем, которая относится ко времени оборонительных и наступательных боев под Москвой (1941 — начало 1942 г.).

В конце июня 1941 года, вскоре после объявления войны заместитель наркома внутренних дел по войскам генерал-лейтенант И.И. Масленников получил приказ ГКО сформировать для отправки на фронт 15 дивизий из подведомственных ему войск НКВД. В середине июля эта задача была выполнена. Три из созданных дивизий вошли в 29-ю армию, командующим которой был назначен сам Масленников. С 19 июля 1941 года 29-я армия уже активно действовала на западном направлении в районе Смоленска. Оттуда боевой генерал прислал свою первую восточку семье.

24. VII. 41.
Лес Бенцы.

Добрый день, дорогие мои Тася! Диночка! Вовочка! и Толюшенька!!!

Привет вам, мои славные. Нахожусь в Действующей армии. Чувствую себя хорошо, но сильно устаю, очень много работы. При мне все мои сослуживцы.

Целую крепко. Ваш Ваня.

Пишите пока по адресу: Действующая армия, полевая почта № 46. Шт.арм., Масленникову И.И.

У Ивана Ивановича и Татьяны Денисовны было трое детей: дочь Дина — старшеклассница, сын Володя, окончивший 4-й класс, и младшенький — Толя, которому исполнилось всего пять лет. В середине июля семья Масленникова, как многие семьи москвичей, уехала в эвакуацию. Два года Масленниковы провели в г. Куйбышеве, старшие дети учились там в местной школе.

Первые письма генерала Масленникова из действующей армии, несмотря на тяжелые бои, полны оптимизма и уверенности в скорой победе над врагом.

8 авг. 41 г.
Лес Бенцы.

*Добрый день, мои славные Тасик! Диночка! Вовочка! и Толюха!
Крепко-крепко вас обнимаю, ласкаю и целую!*

Пишу из Действующей армии. Дела у нас идут хорошо. Наступление фашистов остановили и скоро начнем уничтожать и гнать. Бои идут жестокие, но для нас успешные. Здесь со мной шесть наших москвичей. Часто, часто вспоминаем вас; как вы устроились? С вами ли Мих. Андр.? Дорогой Тасюрик! Береги и воспитывай деток для борьбы за идеи коммунизма! Привет и поцелуй.

Ваш Ваня.

Пишите. (Это мое второе письмо).

В июле — августе 29-я армия под командованием И. И. Масленникова ликвидирует попытки противника выйти подвижными частями в тыл наших войск и ведет оборонительные бои в районе Великих Лук, оттянув на себя 7 пехотных дивизий и один мотострелковый корпус врага. Хотя в конце августа и в сентябре нашим армиям пришлось отступить на этом рубеже, все попытки противника обойти левое крыло Северо-Западного фронта, где находилась и армия Масленникова, не имели успеха. Таким образом, генерал Масленников уже в первые месяцы войны имел основания утверждать: и этого врага можно победить.

В августе 1941 года командование соседней 22-й армии попало в окружение, и управление войсками этой армии взял на себя генерал Масленников. В сентябре 1941 г. его армия и части 22-й армии осуществили мощный контрудар в направлении Ивашково в ходе ивашковской оборонительной операции. Об этом писали газеты, в том числе "Красная звезда":

"В результате упорных четырехдневных боев части командира Масленникова на западном направлении фронта нанесли поражение 233-му и 235-му пехотным полкам и 102-й немецкой пехотной дивизии. Враг оставил на поле боя свыше двух с половиной тысяч трупов солдат и офицеров. Огнем нашей артиллерии разбиты 2 артиллерийские и 10 минометных батарей врага. Захвачены трофеи".

Осенью 1941 года бои на Московском направлении принимали все более ожесточенный характер. 14 октября немцы взяли Калинин, 20 октября ГКО пришлось объявить в Москве осадное положение. "Пружина сжалась до отказа, — вспоминал об этих днях маршал А.М. Василевский. — Мы забыли о сне и отдыхе. Все помыслы об одном — отстоять Москву".

17 октября 1941 года был образован Калининский фронт, в распоряжение которого была направлена 29-я армия. Генерал Масленников

после войны в неопубликованных воспоминаниях писал об этих днях:

Немцы заняли Калинин, а главные силы (пять стрелковых дивизий) армии, ведя сдерживающие бои, подходили к Быково (к западу от Ржева). Конный корпус генерала Доватора и одну стрелковую дивизию я направил на ближний пояс Московского оборонительного рубежа, в соответствии с директивой Ставки Верховного Главнокомандующего. Командование Западного фронта потребовало (шифровкой, врученной мне с опозданием на двое суток, и личными указаниями начштаба фронта генерала Соколовского, прилетевшего во Ржев) отводить армию с темпом 50 км в сутки, имея в виду предназначение армии для обороны Москвы на ближнем поясе... В октябре — первой половине ноября армия вела активные оборонительные бои в направлении Калинина в составе Калининского фронта, со второй половины ноября по первую половину декабря армия вела наступательную операцию на Калининском направлении.

В письмах Масленникова в эти дни прорывается наблевшее: то, что он видел за многие дни отступления и временных побед, — слабая подготовленность нашей армии к войне.

3 нояб. 41 г.

Здравствуй, милая и дорогая моя Тасюлочка!!! Здравствуй, мой дорогой друг, моя верная подруга и товарищ!

Поздравляю тебя и моих деток с наступающим праздником наших пролетарских побед — Великим Октябрем. Как и двадцать с лишним лет тому назад, встречаем мы свой праздник в тяжелых условиях классово-вооруженной борьбы. Да! Как было бы хорошо встречать праздник в Москве и без войны. Обидно, что многое в строительстве вооруженных наших сил мы делали недостаточно настойчиво и несвоевременно. Теперь за это приходится расплачиваться большой кровью, политическим конфузом и большими страданиями народа. Положение выправляем на ходу; уверены, что справимся и победа будет за нами. Сейчас остро не хватает танков и самолетов. Деремся за Калинин и тем самым помогаем Москве... Славная моя Тасюрик! Как хотелось бы видеть тебя и деток, обнять и приласкать вас всех!

В ноябре 1941 года 29-я армия вместе с 22-й и 31-й армиями сдерживала наступление немецко-фашистских войск на северо-западном направлении. 5-6 декабря началось наше контрнаступление под Москвой на всех направлениях. Директивой Ставки от 1.12.41 г. перед 29-й и 31-й армиями была поставлена задача разгромить калининскую группировку противника и своим наступлением на юг от Калинина содействовать войскам правого крыла Западного фронта в разгроме всей северной группировки врага. 16 декабря, двигаясь в этом направлении, 29-я и 31-я армии освободили г. Калинин. Накануне генерал Масленников был легко ранен в голову, но от госпитализации отказался, продолжая руководить войсками.

20.XII. 41.
Д. армия.

Здравствуй, мой лучший и дорогой друг, любимая Тасюлочка! Большое спасибо за приветствие. Дрались мы хорошо. Посылаю фо-

Иван Иванович и Татьяна Денисовна Масленниковы с сыновьями

тоснимки из отдельных моментов наших боевых будней. Ранение было легким, оставался в строю. Сейчас все зажило — предохранила шапка-ушанка: осколочек пробил ее и уже кость лба нарушить не мог ("Хорошо, что лоб медный!")... Дела у нас идут хорошо, скоро будет еще лучше. Привет и горячий поцелуй нашим деткам Дине, Вовочке и Толохе. Живите и будьте счастливы. Тебя обнимаю и крепко, крепко целую.

Твой Ваня.

Новый год принес новые надежды на скорую победу над врагом. В начале января советские войска ведут успешные бои, немцы, ошеломленные декабрьским контрнаступлением наших войск, продолжают отступать. 1 января 1942 года 39-я армия, которой с середины декабря командовал И.И. Масленников, наносит с северо-запада удар по Ржеву.

1 января 1942 г.

Здравствуй, милый и дорогой друг мой наилучший, Тасюлочка!!! Привет и новогодние поздравления с наилучшими пожеланиями!!!

С Новым годом и пожеланиями счастья моим дорогим и любимым Диночке, Вовочке и Толечке!

Новый год встречал в машине; мотался по фронту, торопил людей преподнести Родине новогодний подарочек — вернуть Ржев.

Бои идут страшные, но почти волю врага сломали, и он места уже бежит. Тасюрик! Я тебе регулярно пишу, а от тебя случайно и урывками получаю. Спал четыре часа и сейчас опять на позиции — организовывать людей на штурм города Ржева.

Целую тебя крепко, крепко. Целуй детей.

Твой Ваня.

Однако наступление на всех фронтах, организованное Ставкой в начале 1942 года, вскоре застопорилось. В своих мемуарах Маршал Советского Союза Г.К. Жуков отмечал: "Критически оценивая эти события 1942 года, считаю, что нами в то время была допущена ошибка в оценке обстановки в районе Вязьмы. Мы переоценили возможности своих войск и недооценили противника. "Орешек" там оказался более крепким, чем мы предполагали". Из-за недостатков в организации наступления, а также недостатка сил и средств войска Калининского фронта не смогли разбить клинско-солнечногорскую группировку противника и овладеть Ржевом. 8 января началась Ржевско-Вяземская операция, длившаяся четыре месяца, в ходе которой наши войска предприняли попытку разгромить вражескую группировку в районе Ржева и уничтожить главные силы группы армий "Центр". В тот день армия Масленникова прорвала оборону противника западнее Ржева и начала наступление в направлении Сычевки и Вязьмы. Но первоначальные успехи были сведены на нет уже в начале февраля 1942 года: 6 февраля 9-я немецкая армия нанесла контрудар по войскам 29-й армии с востока (со стороны Ржева) и с запада (из района Оленино), перерезала основные коммуникации 39-й армии, изолировала, а затем окружила войска 29-й армии.

В эти дни генерал Масленников написал жене:

Пуркаев и я выполняем волю тов. Сталина, самая тяжелая и почетная задача решается нами. Сейчас я в самом тяжелом и пиковом положении. Вопрос в нервах: заставить несколько десятков тысяч людей драться, как подобает воинам Красной Армии. Несколько тысяч раненых, коих отправить сейчас не могу, кормить почти нечем. Тяжело с боеприпасами, а враг жмет и рвется на запад, ему выхода нет: мы как плотина в весеннее половодье, а устои этой плотины — командиры, бетон — бойцы. Прорвет враг плотину — мы погибли; удержим — враг погиб...

Милочка! Мне кажется, в Москву лучше вернуться по окончании учебы деток наших. Военная опасность (для) столицы, безусловно, миновала, и фронт сейчас под Вязьмой; к весне обязательно отодвинем еще дальше, а возможно, и на основную границу.

... Скучаю о вас всех сильно, но долг перед Родиной обязывает выполнять и выполняю честно, как подобает партийцу. Мой распорядок дня: в 4-5, иногда в 6 ч. утра ложусь спать до 10-11, потом на позициях до 23-х, а затем штабная работа. Много было тяжелых моментов; чаяниями и желаниями деток и твоими — выходил с победой, так будет и на сей раз. Прости за длинное, но правдивое письмо. Будьте счастливы. Всех вас прижимаю к сердцу, крепко и горячо целую, а тебя особо.

Твой навсегда, Ваня. Пиши
9 февраля 1942 г.

Генерал-лейтенант И.И. Масленников на командно-наблюдательном пункте 246-й дивизии

Командующий 39-й армией И.И. Масленников. 1942 год

Несмотря на тяжелое положение его армии, генерал Масленников не терял бодрости духа и уверенности в победе над врагом — и это ясно уже из приведенного выше отрывка из его письма, — но в письмах семье старался меньше уделять внимания трудностям и тяготам, с которыми ему пришлось столкнуться. При любой возможности, невзирая на усталость, Масленников читал и перечитывал письма из дома и писал хотя бы несколько слов в ответ. Весточки от родных позволяли боевому генералу на некоторое время позабыть о войне и побыть в кругу близких людей. Он был в курсе всех дел семьи, советовался с женой по разным бытовым вопросам, принимал участие в воспитании детей. Письма переправляли в тыл самолеты, которые привозили окруженным армиям продукты и боеприпасы, а иногда Масленников посылал к семье кого-либо из своих порученцев.

...Вернулся с позиций. Прошел около 10 км, кое-где пришлось ползти и маскироваться. Как видишь, все обошлось благополучно. Сколько еще раз предстоит побывать в аналогичном положении и местах — сказать трудно. Весь вопрос в нервах и самодисциплине... Видишь ли, милая, можно было бы вести себя по-другому (к нашему несчастью, у нас хотя и мало, но есть такие генералы, отсиживающиеся в блиндажах), меня ты изучила. Я привык к точному выполнению приказов. Прежде всего честность и преданность делу нашей партии, великому Сталину и народу нашей Родины. Нас подавляющее большинство, таких служак, дисциплинированных генералов. Отдаем все силы и знания своей Родине, а если нужно — не задумываясь отдадим и жизнь свою. Правда, рассудительный и дисциплинированный служака зря не рискует и жизнь свою отдает очень дорого.

Отвечаю, моя дорогая, на твое письмо от 17 мая... Рад и доволен, что детишки подросли, а встревожен их худением. Видимо, плохо кушаете. Жаль, что тебя, Диночку и Вовочку не покидает проклятая малярия... Да! Тяжело переживать болезнь близкого человека и ребенка.

Безусловно, моя служба в Средней Азии оставила отпечаток на здоровье детей. Ничего, брат, не сделаешь, это нужно для пользы нашего общего дела.

Милые мои деточки, чувствую из твоих писем, как они любят и привязаны ко мне. Расцелуй их за меня... Крепко, крепко целую тебя, детвору.

Всегда твой, Ваня.

До начала июля 1942 года армия Масленникова фактически находилась в окружении в треугольнике Белый — Сычевка — Ржев. Бок о бок с ней сражались части 29-й армии генерала В.И. Швецова, которые 17 февраля вырвались из кольца в районе Ржева. Как писал потом в воспоминаниях сам генерал Масленников, «боепитание» они получали от наших военных складов, оставленных в этом районе в период отступления осенью 41-го. Вначале снабжение армий велось через узкую горловину в районе города Белый, но немцы постепенно сжимали кольцо, и продовольствие окруженным войскам стали доставлять партизанские отряды и наша авиация. Безусловно, положение 39-й армии было намного лучше, чем, к примеру, полностью блокированной и расчлененной 33-й армии генерала Ефремова, которая почти вся была уничтожена при прорыве из окружения в апреле 1942 года. Армия Масленникова, попав в трудное положение, тем не менее оказывала активное сопротивление, дезорганизовывала тылы противника и продержалась вплоть до июля 1942 года, когда наконец был получен приказ отступить. Выводя армию из окружения, генерал Масленников был дважды ранен в ногу и затем эвакуирован в тыл.

О буднях командарма в условиях окружения после войны вспоминал бывший член военного совета 39-й армии генерал-лейтенант в отставке А.А. Фоминых:

“Не было суток, чтобы командарм не побывал в войсках, не поговорил с командирами дивизий, полков. Нередко Иван Иванович бывал и в окопах... Посещение войск обычно проходило так: на КП командира дивизии или полка приглашались комиссар, начальник штаба, начальник оперативного отделения, разведчик, начальник артиллерии, часто и начальники снабжения. Слушался доклад... о выполнении задачи на данный час. Если посещение было во второй половине дня или ночью, то здесь принималось решение и ставилась задача на следующий день... как правило, каждое соединение посещалось ежедневно. Ответственности за принятое решение Масленников И.И. не боялся и в то же время никому не давал повода “не понять” приказа. Никогда не стонал, не охал. В любой обстановке оставался спокойным.

... Иван Иванович запретил штабу доносить о своем ранении. На 4 день после ранения ходить командарму стало очень трудно. А лошадей не было — всех поели. Разговора об эвакуации Иван Иванович не хотел даже слушать. Член военного совета, видя такое состояние командарма, шифротелеграммой доложил командующему фронтом. Буквально через пару часов была получена шифротелеграмма на имя Масленникова и Фоминых с приказанием Масленникову сегодня же вылететь в штаб фронта... С наступлением темноты Иван Иванович вылетел во фронтовую госпиталь”.

Долго лечиться в госпитале Масленникову не пришлось. Уже в начале августа 1942 года Ставкой он был назначен на должность командующего Северной группой войск Закавказского фронта и вылетел на Кавказ для организации обороны перевалов.

Письма И.И. Масленникова характеризуют его как ответственного, преданного своему делу человека, идейного борца, горячего патриота своей Родины. Это подтверждают и хорошо знавшие его люди, сослуживцы, бок о бок с ним переносившие тяготы войны. О таких, как генерал Масленников, в советское время говорили “истинный большевик” и “настоящий человек”. Благодаря его письмам мы знаем Масленникова не только как военачальника и командующего внутренними войсками, но и как любящего мужа и заботливого отца, чуткого, душевного человека. К сожалению, не сохранились ответные письма его жены и детей (либо не были нам переданы). Но, несомненно, о горячий, преданной любви к отцу свидетельствует архив, собранный его сыном Владимиром. Благодаря сохраненным вещам, документам и фотографиям мы сегодня так много можем узнать о жизни этого замечательного человека и рассказать о нем посетителям Центрального музея внутренних войск МВД России.

Кристина ПАЦЫНА,
научный сотрудник
Центрального музея ВВ МВД России

Фото из фондов Центрального музея ВВ МВД России

“ЗА ВОЛГОЙ ДЛЯ НАС ЗЕМЛИ НЕТ...”

Эти слова высечены на одном из памятников Мамаева кургана. Каждый год к его вершине поклониться Родине-матери поднимаются съезжающиеся в феврале на встречу участников Сталинградской битвы ветераны Великой Отечественной войны. Стоят они в знаменном зале, низко склонив головы, смахивая набежавшие слезы. И то ли мороз и сильный ветер становятся их причиной, то ли память безжалостно заставляет вернуться в прошлое и мысленно пережить события той суровой зимы.

Командный состав 2-й роты 178-го стрелкового полка. Август 1942 года

С ЕГОДНЯ у Алексея Прохоровича Волошина, бывшего командира штабной батареи противотанковых орудий 10-й стрелковой дивизии войск НКВД, оборонявшей Сталинград, много забот, связанных с организацией ежегодных встреч однополчан, посвященных разгрому гитлеровцев на Волге, и в День Победы. Ведь он является председателем совета ветеранов родной дивизии. В юбилейном году забот заметно прибавилось. Его приглашают директора школ и колледжей, предприятий и учреждений, председатели различных общественных организаций. И везде просят рассказать о себе, о войне, о наградах.

Полковнику в отставке Волошину есть о чем поведать нынешней молодежи. Он человек уникальный — один из четвертых советских офицеров, кто во время Великой Отечественной войны, в горячем 1944 году, уже будучи Героем Советского Союза, получил и высшую воинскую награду США — Серебряную Звезду. Кстати, Алексей Прохорович единственный из них — представитель внутренних войск.

Значительная часть его биографии связана с прославленной 10-й — сталинградской — дивизией войск НКВД. Именно в это соединение попал будущий герой-артиллерист в один из самых тяжелых и ответственных моментов Великой Отечественной — накануне Сталинградской битвы.

Война застала А.П. Волошина в Одессе, где он учился на механическом факультете Института водного транспорта. Уже в июле 1941 года военкомат направляет студента в Одесское артиллерийское училище. А через полгода, получив лейтенантские кубари в петлицы, он поехал на фронт.

В 1942 — 1943 гг. Алексей Волошин в составе 10-й дивизии войск НКВД участвует в жесточайших боях за Сталинград. Как вспоминает Алексей Прохорович, на момент формирования в соединении было пять полков. В каждом — около двух тысяч солдат. Через месяц непрерывных боев в полках оставалось лишь по двадцать — тридцать человек.

Волошин, хоть и был командиром артиллерийского подразделения, не раз ходил в штыковые атаки. Однажды начальник штаба Золотов приказал ему выбить немецких автоматчиков с позиций в районе Ельшанки (тогда это была окраина Сталинграда, сейчас почти центр), где находилась его батарея.

— У меня в подразделении осталось всего шестнадцать человек, — вспоминает Алексей Прохорович. — Поднимаю их в атаку. Примкнули штыки — и “За Родину! За Сталина! Бей фашистов!” Мат-перемат, все кричат, друг друга подбадривают.

Ворвались мы на позицию к немцам. Они бежать. Мы за ними. Пробежали метров двести — триста. Смотрю, а гитлеровцев то уже и нет. Атака закончилась.

Вернулись, Золотов нас похвалил. А я все думал: как же так, у немцев автоматы, они сидят в окопах, их больше, и они победили? Потом смекнул, что фашисты, увидев нас с длинноюми винтовками со штыками, испугались. Ни один враг не выдерживал русского штыкового удара.

В Сталинграде А.П. Волошин получил первое ранение. Лечился в тылу, вернулся в родную дивизию и прошел с ней, переименованной в 181-ю стрелковую Сталинградскую ордена Ленина, с боями до реки Буг.

За успешное выполнение задач на Курской дуге он был удостоен ордена Красного Знамени. За мужество и героизм, проявленные при освобождении Чернигова, представлен к званию Героя Советского Союза. Еще не была вручена ему Золотая Звезда, а его батарея при форсировании Днепра подбивает 11 вражеских танков. Командира представляют ко второй Звезде Героя. Но ее он так и не получил. Зато его наградили американской Серебряной Звездой.

Каждый год в День Победы А.П. Волошин — участник торжественного приема в Кремле. А в день независимости США его часто приглашают в качестве почетного гостя в американское посольство.

Алексей Прохорович Волошин только один из героев Сталинградской битвы. А сколько их еще было — не перечить.

Это и батальонный комиссар А.М. Карпов, который в решающую минуту боя, когда его батальон залег под шквальным огнем противника, сел в танк и повел боевую машину на огневые точки противника. Бесстрашный комиссар героически погиб в этом бою.

Командир 10-й дивизии войск НКВД генерал-майор А.А. Сараев беседует с Героем Советского Союза А.П. Волошиным

Торжественная церемония на улице имени 10-й дивизии войск НКВД. 1982 год

Улица имени младшего лейтенанта П.Г. Круглова, командира взвода 270-го полка 10-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД СССР

И отважные герои-бронейщики 4-й роты 270-го стрелкового полка, совершившие бессмертный подвиг, когда их рота попала в окружение в районе Дар-Горы.

Во взводе младшего лейтенанта П. Круглова кроме командира оставалось всего три человека: сержант А. Беляев и красноармейцы Н. Сарафанов и М. Чембаров, которые были вооружены лишь одним противотанковым ружьем, противотанковыми гранатами и бутылками с зажигательной смесью. На их позицию наступало более 10 фашистских танков. Небывалую стойкость и мужество проявили бойцы в этом жестоком и неравном поединке. "Отступить некуда. За Волгой для нас земли нет". С этими словами на устах удерживали они свои позиции.

Красноармейцы Н. Сарафанов и М. Чембаров были тяжело контужены и завалены землей. В единоборстве с танком погиб сержант А. Беляев. Навстречу очередному танку поднялся тяжелораненый командир взвода... Шесть фашистских танков остались догорать на поле боя. Считалось, что все четверо героев погибли. Они были посмертно награждены орденами. Однако впоследствии выяснилось, что Н. Сарафанов и М. Чембаров остались живы. Пройдя сквозь муки фашистского плена, они вернулись в родной Сталинград и смогли увидеть новые улицы города, названные именами всех четырех мужественных воинов.

В районе Ежовка — Опытная станция четверо суток сдерживал натиск 71-й пехотной дивизии и танков противника 272-й стрелковый полк майора Г.П.Савчука. 5 сентября 1942 года во время контратаки в районе Опытной станции рота автоматчиков 272-го полка была вынуждена залечь под шквальным пулеметным огнем врага. И тогда во имя спасения товарищей, во имя успеха подразделения красноармеец Алексей Ващенко закрыл своим телом амбразуру фашистского дзота. Мужественный боец посмертно награжден орденом Ленина, зачислен навечно в списки части.

В течение 56 суток героически сдерживала натиск превосходящих сил противника 10-я стрелковая дивизия войск НКВД под командованием полковника А.А. Сараева. Она занимала оборону на фронте в 35 км и не имела в начале Сталинградской битвы в своем составе артиллерии.

Бывший командующий 62-й армией Маршал Советского Союза дважды Герой Советского Союза В.И. Чуйков в своей статье в начале марта 1982 года писал: "Воинам 10-й Сталинградской дивизии внутренних войск полковника А.А. Сараева пришлось быть первыми защитниками Сталинграда, и они с честью выдержали это труднейшее испытание, мужественно и самоотверженно сражались с превосходящими силами врага до подхода частей и соединений 62-й армии".

За время боев дивизия уничтожила свыше 15 тысяч солдат и офицеров противника, подбила до 100 танков, много другой техники. Разведчики соединения выявили более 200 вражеских шпионов и диверсантов.

За мужество и героизм, проявленные в боях за Сталинград, 10-я стрелковая дивизия войск НКВД, единственная из соединений, участвовавших в битве, награждена орденом Ленина. Более 30 военнослужащих внутренних войск удостоены звания Героя Советского Союза.

11 улиц Волгограда носят имена защитников этого города, 9 из них — воины 10-й стрелковой дивизии, а одна улица названа в честь всего соединения.

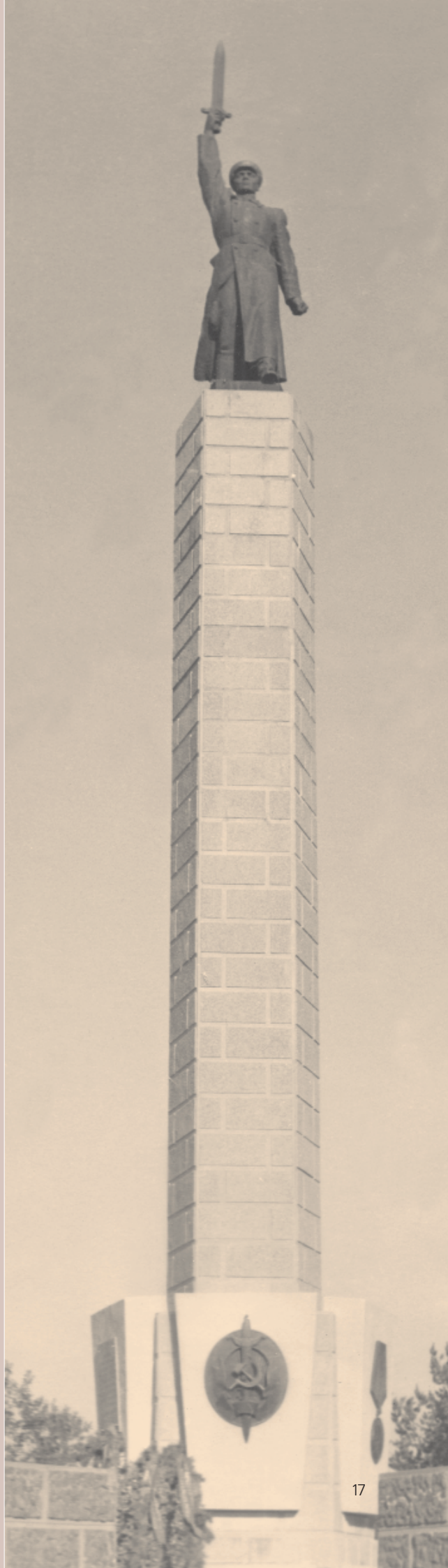
Героически воевали за Сталинград и 21-я бригада войск НКВД, и награжденный орденом Красного Знамени 91-й полк по охране железных дорог. "Воины полка по охране железных дорог Сталинград-Лихая, Сталинград-Сальск, Сталинград-Филоново, несмотря на массированные бомбардировки и обстрелы артиллерийским огнем объектов и города, стойко обороняли порученные объекты", — говорится в представлении к ордену. Образцы мужества проявили в битве на Волге бойцы и командиры 8-й и 13-й, переформированной позже в 95-ю, стрелковых дивизий, 249-го полка конвойных войск НКВД, 178-го полка по охране важных промышленных предприятий, 73-го отдельного бронепоезда войск НКВД, который, как и 10-я стрелковая дивизия, по итогам Сталинградского сражения был награжден орденом Ленина.

38-я дивизия 64-й армии под командованием воспитанника внутренних войск Героя Советского Союза генерал-лейтенанта Г.Б. Сафиулина 19 ноября 1942 года участвовала в прорыве обороны противника в Сталинградской битве. В ходе наступления было захвачено в плен более 8 тысяч солдат и офицеров противника, два генерала. За отличие в этих боях дивизия была удостоена звания гвардейской, а ее командир стал генерал-майором.

В послании президента США Ф. Рузвельта И.В. Сталину 23 февраля 1943 года сказано: "...В бессмертном Сталинградском сражении Красная Армия не только нанесла поражение противнику, но и перешла в великое наступление, которое по-прежнему успешно развивается вдоль всего фронта от Балтийского до Черного моря".

Победа Красной Армии под Сталинградом, в которую внесли свой вклад и внутренние войска, стала переломным моментом в ходе не только Великой Отечественной, но и всей Второй мировой войны.

Станислав ПЕТРАКОВ,
полковник в отставке,
старший научный сотрудник
Центрального музея ВВ МВД России
Фото из фондов Центрального музея ВВ МВД России

А. Ф. Лебедев. Фото 1945 г.

ЗА СВЕТЛОЙ больничной дверью лежал в отдельной палате Александр Федорович Лебедев, бывший фронтовой комбат, Герой Советского Союза, а на момент нашего знакомства — горновой Новокузнецкого металлургического комбината. Жена его, пригорюнившись, терпеливо ждала в коридоре, когда закончится врачебный обход. Знакомая больничная няня вдруг заговорила с ней, вроде бы участливо, но безжалостно:

— И чего ты понапрасну мучаешься, везла бы его домой, слышала я, все равно уж...

Александра Федоровича доставила в больницу "скорая", и потянулись для него бесконечные, томительные дни и недели. Раньше он и запаха лекарств терпеть не мог. Если и привяжется, бывало, какая хворь, то после жаркой баньки все как рукой снимет. Да что там хворь...

На несчитанных дорогах войны чего только не пережил, не перевидал. Уж так к смертям привык, что, казалось, привычки этой хватит на две жизни. А вот его самого судьба хранила: за долгих четыре года (а воевал он, как говорится, от звонка до звонка) не зацепили ни пуля-дура, ни шальной осколок. Правда, началась для него Великая Отечественная с испытания, которое чуть не стало первым и последним.

В тот день жарилась стояла нещадная. Под куполом полинялого неба насколько хватало глаз простирались бескрайние Придонские степи. Земля будто закована в коричневатобурый панцирь. Низкорослые сухие травы — полевой чебрец, островерхий типчак, чахлая полынь — потрескивали и хрустели под солдатскими сапогами, рассыпаясь в едкую, удушливую пыль. Голова колонны чуть виднелась, словно плыла в зыбком мареве, нависшем над степью. Натужно гудели перегретые моторы, фыркали взмыленные лошади, позвякивала солдатская амуниция. А он, младший лейтенант Александр Лебедев, расположившись на сиденье в кабине полторки, потягивал "козью ножку" и мысленно набрасывал письмецо матушке, Татьяне Васильевне, в родную ярославскую деревеньку Паниху. И только он прокрутил в уме очередную строчку послания: "А еще передай, маманя, горячий привет и массу наилучших пожеланий нашей соседке Любаше...", как над ко-

ПОД ЧЁРТОВОЙ У БУШХОФА

лонной прошли бомбардировщик и два истребителя немцев. Первая же бомба упала где-то рядом с полторкой. Дверцу кабины Лебедев не успел закрыть (задрал голову, он рассматривал зигзаги, которые чертили в лазури "мессеры"). И тут его шибануло взрывной волной, отбросив метров на двадцать в сторону. Очнулся, когда хоронили убитых и грузили на машины раненых. Так что война началась с контузии.

...БЕСПОКОЙНО, неловко ему лежалось на мягкой пружинистой кровати. Беспомощными выглядели на белоснежной простыне его темные мозолистые руки, привыкшие к любому труду.

Шестнадцатилетним пареньком пришел Саша Лебедев на Волгострой. Стал разнорабочим. В отпуск, зимой, приехал в родную деревню, привез в подарок матери цветастый полушалок и какое-то особое мыло, пахнущее земляничкой. Вот радости-то было в доме!

На второй день с дружкой-трактористом Колькой Мозговым собрались ехать на ферму. Пути туда всего ничего, а выбились из сил уже где-то на пятом километре. То и дело отрывались тяжело груженные сани. Да и тракторишко — сплошное горе. Это сейчас кнопку нажал — и вперед, а тогда дизель ломиком заводили. Чуть ли не через каждые полкилометра налаживали они проклятый прицеп. А ветер крепчал, повалил снег. Вскоре над степью поднялась сплошная мутно-белая пелена. Дорога терялась буквально в двух шагах, и они поочередно шли впереди трактора, пока не поняли, что ехать дальше не только бесполезно, но и опасно. А потом тракт совсем исчез. Мальчишки потеснее прижались друг к другу, пытаясь согреться. У Александра стеганка покрылась ледяной коркой, а Николай то и дело проваливался в дрему. Сил хватило только на то, чтобы нацедить в ведро соллярки и разжечь костер. Когда заглох двигатель, они не слышали. Их нашли далеко за полночь...

...РАДИОПРИЕМНИК над прикроватной тумбочкой запел хрипловатым баритоном:

*Только к утру станет зорькой рассветною
Остров детства, детства моего...*

И будто наяву привиделось Александру Федоровичу, как за родной деревней, там, где речка делает крутой изгиб, он в крупных бусинках воды лежит рядом с Колькой и Любашей на желто-сером песке, а солнце, высокое, жаркое, обволакивает и словно колючки разбрасывает по спине и затылку. Песок, как и капли на руках, искрится в лучах, а речка, ударяясь в крутой правый бережок, поворачивает к светлой косе и размывает мелкую гальку. И вдруг Любаша придвинулась к нему и зашептала:

— Сашко, неужто ничего не слышишь, а?

— А че слышать-то? — повернулся он на бок, жмурясь от бивших прямоком солнечных лучей.

— Да послушай, как речка звенит! — И Любаша, высыпав ему на голову горсть песка, смешно поскакала к косе...

Годы, годы. Какие же быстрые крылья у них! Будто бы совсем недавно он уходил в Красную Армию, на действительную, и, прощаясь с Любашей, они забрели в колхозное поле. Кукуруза стояла в человеческий рост. На ее длинных листьях скопилась роса, и, падая редкими дождевыми каплями, она ласкала их обоих, пробирающихся между рядами. Он поглядывал на зеленовато-серые глаза девушки, на ее волосы, шелковистые, густые, чудесного светло-орехового цвета, и думал о предстоящей разлуке.

Вот так жизнь и разделилась на две части: детство с юностью и война.

ПАМЯТЬ о войне перехватывала горло, стягивала все тело тугой петлей, и тогда Лебедев просыпался в холодном поту. Лежал на больничной кровати, успокаивая сердце, постепенно приходя в себя. Сон отлетал безвозвратно, его начинала одолевать память, выискивая забытое, давно уже схороненное глубоко в душе.

Еще в первых приграничных боях он раз и навсегда уяснил: воевать, да и просто жить на войне — это совсем не то, чему учили в полковой школе. Здесь понадобились и особое умение, и особое чутье, и, самое главное, сумма многих опытов — и своего, и чужого. Только тогда начинаешь понимать правила и законы войны. Но и эти знания не гарантия того, что выживешь.

А вот почему необходимого опыта Лебе-

ЛУЖЕЙ

дев не набрался за два с лишним года срочной службы, он понять не мог. Как не мог постигнуть до конца Заявление ТАСС от 14 июня, текст которого помнил почти наизусть: "Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы... Слухи о возможной агрессии Германии являются делом враждебных сил..."

Что за смысл загадочный прятался в этих строках? И это всего за неделю до 22 июня, до трагедии, обрушившейся на головы миллионов советских людей в первые дни и месяцы Великой Отечественной. Куда же смотрели наши стратеги? Почему так быстро забыли они обещания разгромить зарвавшегося агрессора малой кровью и на его территории? Не мудрено, что ему — малому колесу, винтику военного организма страны, ответить на эти вопросы не удавалось. Комиссар же объяснял ситуацию не мудрствуя лукаво: каждый сверчок должен знать свой шесток...

Горькими, кровавыми, беспощадными были дороги отступления. Долго пришлось ждать Лебедеву, когда его бойцы станут нормально вооружены, одеты и обуты. Когда опыт, добытый кровью, наконец заявит о себе, подкажет: они и обучены лучше, чем немцы.

Это проявится под Сталинградом.

НА ВОЙНЕ молодые командиры взрослели быстро. В 41-м Лебедев был сержантом. В дни битвы на Волге уже командовал подразделением. Именно тогда в его аттестации появилась строка: "С презрением относится к смерти".

Как-то на встрече с молодыми офицерами его спросили о том, насколько близка к истине такая характеристика, испытывал ли он чувство страха в бою?

— "С презрением к смерти"? Ну это не совсем так, — засмутился Александр Федорович. — На самом деле все и проще, и сложнее. Мне кажется, что абсолютно смелых от рождения людей не бывает. В минуту опасности каждый человек испытывает страх. Но одни умеют его подавлять, ясно мыслить в самых критических ситуациях, а другие нет.

Большое значение имеет чувство долга. У нас в полку считали, что я не боюсь ничего. Смешно это. Жить-то каждому хочется!

Лебедев тогда говорил офицерам и о том, как Сталинград, истерзанный, разрушенный, сумел встать из пепла, камней и крови и обрушился мощью армий и фронтов на врага, сжал его тройным кольцом, принудил к сдаче отборное войско фельдмаршала Паулюса, заставил фашистскую Германию услышать звон похоронных колоколов еще тогда, в сорок втором.

Ах как тяжел был путь к сталинградскому итогу!

Начинался он у Лебедева где-то под Дубовской во время жестокой бомбардировки.

— Ни шагу назад, Лебедев! — кричал комбат в трубку полевого телефона. — Это еще цветочки. Жди танки. Береги боеприпасы, подпускай сволочей поближе...

Танки не заставили себя ждать. Перевалив через далекий гребень, они стали спускаться по склону, обстреливая наши окопы. Сближаться с обороняющимися не спешили, ожидая ответного огня, надеясь тем самым определить расположение полковых батарей. Уже через час боя все было перепаханно взрывами. Шагнешь — дымящаяся воронка, за ней другая, рядом — третья. Но полк выстоял и танковую атаку отразил. Рота Лебедева держалась образцово, за что командир получил орден Красной Звезды.

...В ОКНО больничной палаты стучалось лето. Оно врвалось в открытую фрамугу душистым ветерком, звонкой свежестью полуденного тепла. С тополей пух облетел, и они похорошели, будто оделись в строгий зеленый френч. Лебедев любил эти неприхотливые деревья за их гордую прямоту и могучее благородство и всегда подолгу вслушивался в мелкую и непрерывную дрожь листвы.

Лечащий врач наконец впервые разрешил ему встать, пройтись по палате. Посмотрев в зеркало над умывальником, Александр Федорович вздохнул: на него как будто смотрел другой человек.

И все же подумалось, что все худшее позади. Везде он побывал и все испытал. Даже смерть. Клиническую, как ему сказали по секрету.

После полдника старшая сестра, пристально посмотрев на Лебедева, улыбнулась:

— А вы молодой, Александр Федорович. Вот уже и делегация к вам прорисится.

Это пришли его молодые однополчане из Новокузнецкого полка внутренних войск, в котором пятнадцать послевоенных лет Лебедев служил комбатом. Поговорили по душам. Провожая их, Александр Федорович представил теперь уже далекий день, когда прощался с частью. Сдал пистолет, полушубок, валенки, "бегунок" подписал... Все буднично, просто, без затей. А сердце ныло. Вскоре он уже шагнул на новую работу — к проходной Новокузнецкого металлургического комбината. А в душе все рвался на службу, к солдатам. Так и вошло в привычку: как воскресное утро — так его дорога в полк.

— Что, герой, тянет в родные стены? — как-то, встретив его возле казарм, спросил командир.

Лебедев кивнул на яблоню у КПП, которую посадил несколько лет назад, вскинул бровь:

— Вот вырви ее с корнем, сразу зачахнет. Примерно в таком положении и я. Иной ушел в запас, и душу на замок. Я не могу так.

ТЕПЕРЬ, пожалуй, самое время рассказать о том подвиге, за который капитану Лебедеву было присвоено звание Героя Советского Союза.

Зная, что Александр Федорович не очень-то любит говорить о себе, я перед встречей с ним съездил в военкомат, сделал выписки из его личного дела. Вот фрагмент из представления его к высокому званию:

"В бою за фольварк Пеетциг командир батальона был тяжело ранен. Капитан Лебедев заменил его. С возгласом "За Родину!" он увлек батальон в атаку. Под огнем немецких пулеметчиков, бивших с высот, он бесстрашно повел солдат на вражеские укрепления.

В разгар боя замолчала 76-миллиметровая пушка, поддерживавшая наступление гвардейцев. Враг вывел из строя ее расчет. Лебедев бросился к орудию, сам встал к прицелу и первыми же выстрелами уничтожил огневую точку немцев, состоявшую из четырех станковых пулеметов. Батальон без потерь захватил важные позиции..."

И еще характерная деталь. "В боевом донесении о прошедшем 17 апреля 1945 года бое под Чертовой Лужей у Бушхофа капитан Лебедев ни словом не обмолвился о своем подвиге, обеспечившем успех батальона. Не упомянул, что первым бросился в воду, первым вышел на чужой берег и уже во вражеской траншее в завязавшей схватке лично застрелил восьмерых фашистов, а еще двоих взял в плен" — так писал командир 66-го гвардейского Краснознаменного стрелкового полка гвардии подполковник Гига.

Перевернув листы документов, Александр Федорович вздохнул:

— Я ожидал, что немцы бросят на нас танки. Готовился к худшему: ведь кроме той 76-миллиметровой пушки ничего под рукой не оказалось для поддержки стрелков. Расстояние от береговой черты до врага не более семидесяти метров. Фашист совсем пехоту к земле прижал. Буквально стрижет из пулеметов. Надо было действовать... А как его пулеметы сковырнули, сразу населенный пункт взяли. Да, горячим выдался для нас тот апрельский день. А когда вошли в Берлин, у меня в батальоне было семьдесят активных штыков. Меньше роты. А в верхах все нас батальоном считали... Ох и времечко! Жалко ребят, polegших в двух шагах от Победы. Молодые, им бы жить да жить...

ЗА НЕСПЕШНЫМ разговором мы вышли к реке. Она ворчала на порожистых перекатах.

— Тут, между прочим, хариусы водятся, — улыбнулся чему-то Лебедев и, подняв руку, заговорщицки шепнул: — Тс-сс!

Помолчав немного, спросил:

— Слышишь, как звенит река?

И мне показалось, что я дружил с ним всегда. Ведь бывает так: встретишься с человеком вроде бы случайно, а он на всю жизнь остается в твоей памяти, в твоём сердце.

**Юрий ДУРНЕВ,
полковник в отставке**

“БЫЛ ОБРАЗЦОМ МУЖЕСТВА...”

История журналистского поиска

Как-то, разбирая свои старые архивы, обнаружил материалы, собранные почти двадцать лет тому назад. Тогда меня интересовала тема участия войск НКВД в героической обороне Тулы осенью 41-го, и я активно работал над ней в различных архивных учреждениях. Но этот поиск запомнился надолго. А все потому, что результат его оказался совершенно неожиданным — отыскались сразу три дочери погибшего героя, которые, кстати, ничего не знали о том, где и как сложил голову их отец...

Толчком к поиску послужила фронтовая корреспонденция об одном из защитников Веневского рубежа, опубликованная в старой, пожелтевшей от времени красноармейской многотиражке под названием “Боевой сигнал”: “В боях за Венев пал смертью храбрых политрук Александр Веселков. Он храбро сражался за каждый метр родной земли. Для бойцов он был образцом мужества и бесстрашия”.

Захотелось узнать о героическом политруке больше, чем было рассказано в скупом газетном материале.

Итак, зная фамилию павшего смертью храбрых политрука, его воинское звание, место и время гибели, я отправился в архив. Десятки просмотренных томов боевых донесений, приказов, распоряжений, обзоров, книг учета личного состава дали положительный результат. Удалось установить: политрук Веселков служил в войсках

НКВД по охране железных дорог. Разрозненные сведения, почерпнутые из документов, позволили реконструировать драматические события, развивавшиеся суровой осенью 41-го в районе Тулы.

Выяснилось также, что бесстрашный политрук был инструктором партполитаппарата 115-го полка. Что это была за воинская часть и какие задачи выполняла? Ответ на этот вопрос находим в документе под названием “Характеристика боевых действий 115-го полка по охране железных дорог на подступах и в обороне Тулы с 4 октября 1941 г.”.

Приведем одну любопытную выдержку из этого документа:

“115 сп, начавший свое формирование на второй день Великой Отечественной, 23.6.41., главным образом из рабочих тульских заводов, получил от правительства ответственное задание — охранять железнодорожные сооружения дороги им. Дзержинского в тот момент, когда враг рвался к Москве. И эта дорога стала магистралью, на которой развернулась ожесточенная историческая битва за Москву. 115 полк принимал в этой битве активное участие на подступах к г. Туле... сдерживая натиск противника до подхода боевых частей РККА и нанося ему потери в технике и живой силе”.

Полк, изначально сформированный для выполнения задач по охране железнодорожных магистралей, собственно, охранял их недолго. С включением в состав действующей армии, он был наспех реорганизован по штатам стрелковой части РККА и брошен на закупоривание брешей в нашей обороне. Что касается Веселкова, то он получил назначение военкомом 2-го стрелкового батальона. Как уже упоминалось, в составе полка находилось немало уроженцев тульской земли. Но откуда же был родом политрук?

В архивах, к счастью, сохранилась книга учета безвозвратных потерь 115-го полка, в которой под номером 5 имеется следующая запись: “Веселков Александр Алексеевич, военком 2 б-на, политрук, год рождения — 1904, убит в бою 24.11.41”.

Теперь, зная более полные биографические данные — имя, отчество и год рождения, среди сотен учетно-послужных карточек без особого труда удалось отыскать нужную. Выяснилось, что политрук Веселков — уроженец Пермской области, был направлен на укомплектование полка из одной из частей войск НКВД.

Далее вновь обратимся к уже известной нам характеристике боевых действий 115-го полка:

“23-24.11.41 полк по приказу командования прикрывает открытый фланг 50 армии под г. Венев и совместно с частями РККА при поддержке 12 танков, небольшого количества противотанковых орудий вступает в бой со 150 танками, большим количеством бронемашин и пехоты и в течение двухдневной упорной битвы наносит поражение врагу (подбито 36 танков и уничтожено свыше полка мотопехоты)...”

Среди тех, кому суждено было грудью встать на пути знаменитых танковых клиньев Гудериана, нацеленных на Москву с юга, оказались и воины-чекисты. 20 ноября 1941 года командование 115-го полка получило распоряжение: срочно выступить в Венев и занять жесткую оборону по северо-западной окраине города. Боевой приказ заканчивался словами: “Венев оборонять до последнего человека, но не сдавать”.

Командующий 50-й армией генерал-лейтенант И.В. Болдин срочно создавал Веневский боевой участок, с целью недопущения прорыва гитлеровцев в сторону Каширы и Серпухова. 115-й полк оказался включенным в число частей, которым предстояло оборонять непосредственно город Венев.

Марш в Венев совершался ночью. Стояла непроглядная темень, лишь на западе у горизонта все чаще и чаще вспыхивали огненные сполохи, с каждым часом нарастал гул артиллерийской канонады. Порывистый ветер, холодный моросающий дождь и непролазная грязь выматывали красноармейцев до изнеможения. Веселков постоянно находился среди бойцов, подбадривал их добрым словом, разъяснял боевую задачу.

К утру были в Веневе. Здесь бойцов поджидали новые погодные испытания. После дождливой ночи ударил сильный мороз. Воины-чекисты, выбиваясь из сил, долбили мерзлую землю, готовя окопы для полковой линии обороны. Александр Алексеевич, не выпуская

из рук саперной лопаты, успевал побывать на участках обороны то одного, то другого взвода, помогал словом и делом.

По всей вероятности, именно в это время Веселков, выкроив свободную минуту, торопливо набросал на солдатской карточке несколько строк родным: "Завтра будет большой бой, жив буду — напишу. Целую всех вас". Эта карточка, бережно хранимая в семье политука, оказалась единственной его весточкой с фронта.

Вскоре на боевых позициях полка появился связной с пакетом, в котором было боевое распоряжение: "Во взаимодействии с другими частями задержать продвижение противника, обеспечить отход частей на новые позиции и удерживать Венев в течение двух суток". Это время было крайне необходимо для сосредоточения в районе Каширы кавкорпуса генерала П.А. Белова и развертывания контрнаступления наших войск.

Следующую ночь бойцы провели в промерзших окопах в ожидании предстоящего боя. "Совсем как у нас на севере", — поживаясь от пронизывающего все тело холода, говорил своим бойцам Веселков. Там, на Северном Урале, в далеком городке Лысьве, у него осталась жена с тремя малолетними дочками...

Утром гитлеровцы появились у окраин Венева. Бронированные чудовища с паучьими крестами на башнях неудержимо двигались на позиции защитников города. Артиллерийские батареи, находившиеся в боевых порядках 115-го полка, первыми открыли огонь по врагу и прямой наводкой подбили несколько танков противника. Завязался ожесточенный бой.

— По пехоте огонь! — передали по цепи команду комиссара. — Отсечь ее от танков!

Застрочили ручные пулеметы, раздались винтовочные выстрелы. Оставшиеся в живых гитлеровские солдаты отстали от танков и, прячась в складах местности, открыли ответный огонь.

— Продолжайте бить по пехоте, не давайте гадам поднять головы, — услышали пулеметчики голос Веселкова.

"Подразделение Веселкова в бою за высоту отразило четыре вражеские атаки, — вспоминая ожесточенные бои за Венев, писал позже военком полка В.Б. Абрамов. — Гитлеровцы двинули танки. Веселков подпустил их поближе, а когда показалась немецкая пехота, скомандовал: "Огоны!". Немцы попятнулись, оставив у дороги десятки трупов".

Оставшиеся без прикрытия пехоты вражеские танки попали под огонь бронейщиков и артбатарей. Но одной из вражеских машин удалось вырваться из-под обстрела, и она, лязгая гусеницами, устремилась на позиции воинов-чекистов. Еще минута — и танк начнет утюжить окопы...

У Веселкова мгновенно созрело решение. Схватив две противотанковые гранаты, он бросился навстречу танку. Одна за другой метко брошенные под гусеницы гранаты разорвались почти одновременно:

— Получай, сволочь! — сквозь зубы произнес комиссар.

Вражеская стальная машина, теряя гусеницы, замерла и окуталась черным дымом. Воодушевленный примером своего комиссара, бойцы-чекисты стали забрасывать другие прорвавшиеся танки врага гранатами и бутылками с зажигательной смесью. Фашисты, не ожидавшие такой жесткой обороны, прекратили атаку и откатились назад.

...Уже третьи сутки шел жаркий бой. Горстка советских воинов, возглавляемая Веселковым, продолжала удерживать свои позиции. Перебивая грохот боя, звучал голос политука:

— Чекисты не отступают!

О последних минутах бесстрашного комиссара рассказал один из красноармейцев. Весь израненный, он чудом остался в живых. Фашистам удалось вклиниться в оборону защитников города. Веселков с тремя бойцами оказался отрезанным от своих. Политрук приказал занять круговую оборону. Воины-чекисты вступили в неравную схватку с озверевым врагом. У Веселкова кончились патроны. Один из бойцов уронил голову на приклад винтовки. Гитлеровцы были уже рядом.

Веселков взял из рук убитого красноармейца винтовку и продолжал отстреливаться. В обойме оставался последний патрон. Осознавая, что настал его последний час, политрук встал во весь рост и послал последнюю пулю в фашистского офицера. И в тот же миг упал сам, изрешеченный автоматными очередями. Вражеские солдаты в ярости еще несколько секунд продолжали палить в него из автоматов...

Полк выполнил поставленную боевую задачу. Враг был задержан под Веневом на несколько суток. Воины-чекисты покинули свои по-

зиции только после получения приказа об общем отходе. Благодаря мужеству и стойкости частей и подразделений Веневского боевого участка было выиграно время, которое позволило сосредоточить резервы для начала контрнаступления.

Военком полка батальонный комиссар В.Б. Абрамов очень восторженно отзывался о своем бесстрашном подчиненном. Характеризуя его, он позже писал в многотиражной газете "Боевой сигнал": "...Веселков говорил своим бойцам: "В бою бойся потерять мужество, а с ним — воинскую честь. Если вступил в бой — бейся до последнего..."

Сам политрук Веселков в жестоком, неравном и смертельном бою с врагом не потерял ни мужества, ни чести. Хоть и погиб, но вышел победителем. Воодушевленные на подвиг его примером, бойцы-чекисты не дрогнули. И враг не прошел...

Однополчане похоронили погибших боевых товарищей в центре Венева. Сразу же после войны на братской могиле был установлен обелиск с надписью: "Вечная слава героям, павшим в борьбе за свободу и независимость нашей Родины!". На одной из граней монумента поместили имена двадцати одного воина 115-го полка. Среди них значился и политрук А. Веселков. Позже городские власти решили упорядочить военные захоронения и перенести останки воинов-чекистов в общую братскую могилу на городском кладбище. Перезахоронение осуществили, но что касается фамилий, то многие из них, увы, постепенно забылись...

В канун празднования 42-й годовщины Победы пермская областная газета "Звезда", заинтересовавшись судьбой земляка, опубликовала небольшую заметку о Веселкове. И вот на публикацию неожиданно откликнулись дочери мужественного политука-чекиста, которые по-прежнему проживали в Лысьве. В письме в редакцию они писали: "Это было большой неожиданностью для нас, когда мы прочитали об отце в газете, да еще через 45 лет после его гибели. Сколько волнений, слез и гордости за папу вызвала эта публикация... Разве бы мы могли узнать, как именно погиб папа. А благодаря публикации, узнали все наши родственники, наши дети, наши сотрудники".

Одна из дочерей, Надежда Александровна, сообщила подробности биографии отца. Родился он в деревне Цепли Кунгурского района Пермской области в большой и дружной крестьянской семье. Жилось трудно, ведь детей было восемь душ. Александр рос трудолюбивым и любознательным. Стал военным. Служил в Харькове. Там же находилась и его семья.

"Как только по радио объявили о нападении гитлеровцев, — вспоминала Надежда Александровна, — отец сразу же, наскоро попрощавшись, ушел в часть". На всю жизнь детям врезался в память тот страшный день: мать со слезами на глазах и посуровевший, необычайно собранный отец в военной форме. Поцеловав испуганных дочек и прижав к груди жену, произнес: "Ждите, я скоро вернусь..."

Харьковский вокзал напоминал растревоженный муравейник. Грузились в эшелоны воинские подразделения, на чемоданах сидели беженцы. Решили ехать на родину — в Пермскую область. Жена Веселкова Елена с плачущими дочками едва втиснулась в переполненный вагон поезда.

До места добирались около десяти суток. Устроились у родных, стали ждать писем с фронта. Весточка пришла только одна — та самая открытка, написанная Веселковым перед решающим боем. Больше не было ничего, даже стандартной похоронки. Спустя примерно полгода жена написала в Москву, в управление войск НКВД. Вскоре пришел ответ следующего содержания: "По существу Вашего письма сообщая, что Ваш муж Веселков Александр Алексеевич в боях за социалистическую Родину против немецких захватчиков убит".

В стандартном ответе не было ни слова о том, когда и при каких обстоятельствах погиб политрук, где похоронен. Уже после войны попытались установить истину, направляли в разные инстанции письма и запросы. Но все ответы на них приходили отрицательные и неутешительные. Так на том все и закончилось...

Прошло еще полтора десятка лет... И теперь, перечитывая эти материалы в канун 60-летия Великой Победы, хочется верить, что внуки и правнуки политука Веселкова будут также гордиться своим мужественным и бесстрашным дедом. И помнить о нем...

Николай СыСОЕВ,
полковник запаса,
военный историк.

Иллюстрации из архива автора

Жизнь и смерть стояли рядом

По оценке Академии военных наук России, безвозвратные потери Советских Вооруженных сил в Великой Отечественной войне составили 8 миллионов 600 тысяч человек. Эти потери могли бы быть значительно большими, если бы не усилия военных медиков, спасших многие тысячи жизней советских воинов.

Капитан
медицинской
службы
А.В. Пикульский.
1945 год

У постели
раненого
снайпера.
1942 год

«...У подножия горы Эльбрус был тяжело ранен в грудь красноармеец Михалев. Умиряющего бойца привезли к нам, в госпиталь Нальчика. Помню, как сейчас: в раскрытое окно ворвался резкий голос сирены и санитарная машина подкатила к подъезду. Из нее на носилках вынесли солдата: лицо белое-белое, ни кровинки, губы посинели, в общем — вот-вот Богу душу отдаст.... "Ранение сердца... — с ходу определил начальник нашей хирургической группы капитан Адам Пикульский и тотчас же приказал: — Готовить к операции!" К этому моменту одна из наших медсестер уже успела надеть на него стерильный халат.

У нашего Адама Викторовича это был первый случай операции на сердце. Скрывать нечего — он очень волновался. Надеяться было не на кого. Все решали секунды.

Операция началась через несколько минут. Вскрыл Пикульский грудную клетку раненого, и вот оно, сочащееся кровью, сердце бьется в его руках. Мы все замерли, аж дыхание остановилось. А Адам Викторович словно густок нервов: только каждую минуту ассистенту приказывает: "Следите за пульсом!". Сколько времени прошло, не помню, пока старший к нам обернулся: "Давайте материалы, буду швы накладывать". Все, закончена операция.

Много потом дней и ночей провели мы без сна и отдыха у постели этого солдата, пока наконец он пришел в себя и начал медленно возвращаться к жизни. А еще через несколько месяцев мы проводили его в родную часть к боевым друзьям...»

Так вспоминали один из эпизодов ветераны Главного клинического госпиталя внутренних войск, в годы войны побывавшие почти на всех фронтах в составе отдельного медико-санитарного батальона войск НКВД.

К слову сказать, за Великую Отечественную войну личный состав хирургического подразделения, возглавляемого капитаном медицинской службы Адамом Пикульским, спас не одну жизнь. Сам Адам Викторович был награжден орденом Красной Звезды. После окончания войны военврач был назначен начальником хирургического отделения военного госпиталя дивизии им. Ф.Э. Дзержинского, а в 1952 году — начальником этого госпиталя.

Военные медики внутренних войск в годы Великой Отечественной войны самоотверженно боролись за жизнь раненых и больных и быстрее возвращение их в строй. С самого начала они находились на передовой, рискуя жизнью наравне с другими солдатами и офицерами.

Вот лишь одна выдержка из скупых фронтовых сводок:

"Санинструктор 14-го мотострелкового полка 21-й мотострелковой дивизии войск НКВД на Северном фронте рядовой Анатолий Кокорин 4 августа 1941 года во время боя спас жизнь шести тяжело раненым командирам и бойцам. Во время одной из контратак противника, будучи окруженным, взорвал себя последней гранатой. 26 августа 1941 года ему было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза..."

Анатолий Кокорин стал одним из первых Героев Советского Союза во внутренних войсках. Улица города Боровичи, где родился отважный санинструктор, носит его имя.

Несмотря на тяжелые условия, длительные переходы, усталость, медицинские работники частей всегда находились в боевых порядках. Так было под Москвой в 1941-м, в Сталинграде и на Курской дуге. Медицинские пункты ни на шаг не отставали от своих частей. Им

придавались из состава медико-санитарных батальонов хирургические группы усиления для своевременного оказания помощи раненым воинам.

Нередко приходилось оперировать в землянках, в убежищах. За счастье считалось развернуть медпункт в обычной палатке. Особенно тяжело было работать там ночью, когда полевую "операционную" освещал лишь фонарь "летучая мышь", а то и вовсе самодельные коптилки из артиллерийских гильз, заправленных керосином или бензином. Раненых и больных на медпункты поступало много, но военврачи всегда успевали не только принять и разместить их, оказав необходимую помощь, но и обогреть, накормить и своевременно отправить в тыл.

О подвигах медицинских работников часто писали фронтовые газеты. Так, в газете сухумской дивизии НКВД "В боях за Родину" от 2 июня 1943 года капитан А. Шматов в статье "Фельдшер в очках" писал: "Какой был бой за высоту, вы знаете. Он был жестоким испытанием. Те, кто находился в окопах, порой не выдерживали оглушительных взрывов бомб, беспрерывного, страшного гула. Но фельдшер старший лейтенант Крашенинников в эти минуты проявил полнейшее хладнокровие... Военврач видел, что один из вражеских бомбардировщиков спикировал в сторону окопа, где находился он сам. Вот от самолета уже оторвались две бомбы... Свист нарастал. Неподлеку, на поле стонал тяжело раненный боец. Он тоже видел вражеский бомбардировщик и уже приготовился к смерти, когда вдруг рядом возник Крашенинников. Быстро схватив бойца, военврач кубарем скатился с ним в старую воронку. Спустя секунду на месте, где находился раненый, разорвалась бомба..."

Так ровно сутки старший лейтенант медицинской службы Крашенинников появлялся среди бойцов на самых опасных участках боя. Он быстро бегал, делал перевязки и выносил раненых в безопасное место. Под конец боя фельдшера ранило в ногу. Он упал на землю. Но через минуту поднялся и со стиснутыми от боли зубами заковылял к раненым".

Успехи в медицинском обеспечении частей и соединений внутренних войск в годы войны явились результатом самоотверженной работы врачей, фельдшеров, санитарных инструкторов во главе с начальником медицинской службы войск генерал-майором Иваном Николаевичем Спиваком.

Высоко оценил труд военных медиков бывший командующий 1-м Украинским фронтом Маршал Советского Союза И.С. Конев. В своих воспоминаниях прославленный полководец писал: "Мне особенно хотелось бы выделить медиков, и не только потому, что другие службы тыла значили меньше или больше... От каждой службы, от того, как она подготовлена и организована, зависело многое. Но труд медиков, призванных спасать самое дорогое — человеческие жизни, — благороден".

Военные медики внутренних войск с честью выполнили долг перед Родиной. Каждые сутки из лечебных учреждений фронта и тыла возвращались в строй тысячи излеченных раненых и больных. Это был важный вклад медицинских работников в Победу.

Марина ЗЕМЕРОВА,
старший научный сотрудник
Центрального музея ВВ МВД России

Фото из фондов Центрального музея ВВ МВД России

**120 тысяч
КИЛОМЕТРОВ**

**ПО
ФРОНТОВЫМ
ДОРОГАМ**

КОПАЯСЬ в военном архиве, я наткнулся на очень любопытный документ, датированный 5 августа 1946 года. Секретарю Полтавского областного комитета ВКП/б/ Украины пишет временно исполняющий обязанности начальника политотдела внутренних войск полковник Мандритта Иван Иванович.

“В начале Отечественной войны в наши войска прибыл вместе с автомашиной колхоза для прохождения военной службы гр-н села Витовиц Яготинского района Гречуха Иван Иванович. Весь период Великой Отечественной войны он, будучи на фронте, честно и добросовестно выполнял свой воинский долг перед Родиной, работал шофером на своей машине. В связи с предстоящей демобилизацией было возбуждено ходатайство перед командованием об увольнении его вместе с автомашиной для возвращения в колхоз. Ходатайство удовлетворено, и 5 июля Гречуха демобилизован. Однако на месте не только не организовали встречу, но обвинили его в незаконном присвоении автомашины...”

“Вот это да!” — подумал тогда я и решил выяснить, где и как служил Иван Гречуха, как удалось сохранить, пройдя фронт, автомашину, что случилось при демобилизации и отправке домой.

Скупые строчки документов рассказали мне, что Иван Иванович Гречуха, колхозный шофер, был мобилизован вместе со своей полуторкой ГАЗ-АА в 90-й пограничный полк, который всю войну выполнял боевые задачи по охране тыла действующей армии (Юго-Западного и Брянского фронтов, 40-й армии, 2-го Белорусского фронта). До мая 1943 года войска охраны тыла фронтов и армий входили в подчинение военных советов соответствующих фронтов и одновременно — Главного управления внутренних войск НКВД СССР. С 1943 года полк, в котором служил Гречуха, вошел в систему самостоятельного Главного управления войск НКВД СССР по охране тыла действующей Красной Армии. А с 9 июля 1945 года — в состав Управления войск НКВД по охране тыла Северной группы советских войск.

90-й пограничный ордена Красной Звезды полк войск МВД СССР сохранил статус пограничного полка, но до расформирования в сентябре 1946 года входил в подчинение Главного управления внутренних войск МВД СССР. Потому-то в случай с автомашиной ГАЗ-АА, с которой следовал на родину демобилизованный шофер И.И.Гречуха, вмешался политотдел внутренних войск МВД СССР.

К слову сказать, разделение полков, несущих службу по охране тыла фронтов в период войны, на пограничные и внутренние было достаточно условно. В то время пограничные и внутренние войска входили в одно ведомство — НКВД. Нередко служба на границе перемешивалась со службой во внутренних войсках. Потому часто у тех и других герои общи. Известный герой Великой Отечественной Петр Таран — он кто? Чей герой? Служил на границе в Бахарденском погранотряде, а подвиг совершил в битве за Кавказ, будучи сержантом 26-го полка внутренних войск НКВД. Удостоен звания Героя Советского Союза. Им гордятся и те и другие. Есть именная застава, названная в его честь, в то же время он навечно зачислен в списки личного состава внутренних войск. Так что есть в истории пограничных и внутренних войск такие “пограничные” герои, которые относятся и к тем и к другим.

Итак, что же такое противозаконное сделал Иван Гречуха, что в дело пришлось вмешиваться руководителям войск, что приключилось на станции Киевская-Товарная летом 1946 года?

Из архивных документов удалось узнать, что младший сержант И.И.Гречуха на своей полуторке прошел 120 тысяч километров по фронтным дорогам. Удостоен ордена Отечественной войны 2-й степени, медали “За боевые заслуги” и других наград.

Конечно, захотелось разыскать этого человека, встретиться с ним, поговорить. Спесились. Есть такой человек в Яготине! И я поехал к нему.

Это было в 1985-м, через сорок лет после Победы. Вместе с тогдашним начальником киевского филиала нашего музея А.П. Филимоныхим мы встретились с Иваном Ивановичем. У меня сохранилась тетрадка с записями об этой встрече и фотографии.

В Яготинском историческом музее имени Т.Г. Шевченко мы увидели портрет Гречухи и фотографию его легендарного грузовика с такой аннотацией:

“На этой машине по дорогам войны проехал 120 тыс. километров без аварий и поломок, принимал участие в освобождении Киева и Киевской области от фашистских захватчиков. Войну закончил в Праге. На этом же газике в 1946 году возвратился домой и работал в родном колхозе. Фото фронтового корреспондента Кропивного”.

О Гречухе в Яготине все знают. Он местная знаменитость, такая же, как его земляк П.С. Непорожний, который был министром энергетики и электрификации СССР, членом-корреспондентом АН СССР.

Иван Иванович тепло принял нас у себя дома. И, как водится, за чашкой чая рассказал нам о своей фронтовой судьбе.

— 23 июня я был мобилизован вместе с колхозной автомашиной ГАЗ-АА. Нас было несколько шоферов. У меня машина только с кап-ремонта, 3-й категории. Ехали под бомбежкой. Прибыли в военный городок пограничников. Там нас одели в форму. В один из дней ко мне подошел капитан и сказал, мол, едем, Иван, на фронт.

— А что же мы зробим вдвоем на фронте? — спросил я.

— Да не вдвоем, а всем полком, — посмеялся в ответ офицер.

Так мы оказались под Воронежем. А потом шли за фронтом. Дошли до Праги. Управление войск охраны тыла стояло в Лигнице. Там же находился штаб Северной группы войск. После Победы, когда стали демобилизовывать, я сказал, мол, с машиной взяли, с машиной и отпустите. Она колхозная.

— Какая колхозная? — удивился комполка Золко. — Она давно военная. Как это ее тебе отдать?

Но потом изменил свое решение. Дело дошло до главнокомандующего Северной группой войск маршала Рокоссовского. Он посчитал, что я прав, и тут все завертелось.

В два часа ночи меня вызвали к генералу Рогатину, начальнику управления охраны тыла Северной группы войск. Зашел, хотел по форме доложить.

— Ладно, Гречуха, иди сюда, сидай.

Я с таким начальством еще не встречался. Он меня расспросил о том, кто остался дома, как думаю дальше жить. Сказал, что я награжден орденом Отечественной войны 2-й степени. Приказал выдать мне новое обмундирование, дать мешок муки. Целый час я с ним беседовал. В конце он пообещал, что мой газик будет сопровождать взвод солдат. Обратно в часть меня отвезли на генеральской машине.

В 5 часов утра подняли завтракать. В 6.00 выстроили солдат. Устроили мне торжественные проводы, митинг. Я заплакал. Честь-то какая! Жив остался и домой еду! Ребята, провожавшие меня, шутили:

— Гречуха, мы к тебе заедем. Чтоб вареники со сметаной были!

Комиссар сказал, что меня и дома будут торжественно встречать. Комендант заявил:

— Платформа уже вторые сутки ждет вас.

Ее прицепили к эшелону, который следовал до Харькова. Дали документы, вручили благодарственное письмо:

“Младшему сержанту Гречухе Ивану Ивановичу.

Вам, доблестному воину Красной Армии, участнику боев с немецко-фашистскими захватчиками в рядах войск 2-го Белорусского фронта, неоднократно отмеченных благодарственными приказами Верховного Главнокомандующего Генералиссимуса Советского Союза товарища Сталина, военный совет Северной группы войск вручает это благодарственное письмо как память о Великой Отечественной войне.

Желаем Вам доброго здоровья и новых успехов в Вашей дальнейшей трудовой жизни на благо нашей великой социалистической Родины.

Главнокомандующий Северной группой войск Маршал Советского Союза К.Рокоссовский,

член военного совета Северной группы войск генерал-лейтенант С.Шатилев

1 мая 1946 г.”

В Волочиске охрану машины сняли и вернули в полк. Сменили паровоз. На платформу загрузились мешочки. Неожиданно в Проскурове платформу с автомашиной отцепили и загнали в тупик.

— В чем дело? — спрашиваю старшего лейтенанта из комендатуры.

— Отцепили, потому что документов на нее нет.

— Как так нет?

— Кругом! — не хочет офицер больше со мной разговаривать.

— Я уже шесть рокив кругом кручусь, — ответил я ему.

Нашу перебранку услышал вышедший из здания комендатуры подполковник. Я ему рассказал всю историю. Мешочки, говорю, поехали, а меня с машиной выкинули. Он объявил старшему лейтенанту пять суток ареста, а мне сказал, что с первым поездом отправит на Полтаву. Подцепили к поезду Одесса — Москва. В Киеве снова отцепили. Опять недоразумение. Удивляются. Мол, легковые машины везли с фронтов — это часто случалось. Но чтоб после войны грузовую гнали, это в первый раз видим. Пришлось доказывать, что все по закону сделано, что машина колхозная, возвращается в Яготин. Утряслось...

Добавим к рассказу, что утряслось после вмешательства политдела ГУВВ. А машина эта, появившаяся в колхозе в 1936 году, после возвращения с фронта проработала до 1950 года. Потом пять колхозов объединились, получили новую технику, а легендарный газик передали в ДОСААФ. А там... Разобрали на запчасти. Гречуха просил оставить ее как память в Яготине. Не послушали. Вот так...

Сегодня о замечательном водителе и его легендарной полуторке рассказывает экспозиция в Центральном музее внутренних войск.

Самуил ШТУТМАН,
полковник в отставке,
ведущий научный сотрудник
Центрального музея ВВ МВД России

Фото из фондов Центрального музея ВВ МВД России

И.И. Гречуха со своей полуторкой. 1945 год

С.М. Штутман, И.И.Гречуха, А.П. Филимоныхин.
Село Яготин Киевской области. 1985 год

“Молись Богу, от Него победа”.

А.В.Суворов

В год празднования 60-летия Великой Победы нельзя не сказать о значении религиозного, духовного фактора для победы в войне. Тема эта многие годы по понятным причинам замалчивалась, оставаясь в тени. Между тем факты, приведенные в этом материале, были давно известны и публиковались в православной и патриотической печати, мемуарах. Описанным ниже событиям посвящено несколько документальных фильмов. Такая вот “параллельная” история Великой Победы. Теперь о них узнает и наш читатель, ибо, как хорошо известно, приходит время — и все тайное становится явным.

Характерно, что о помощи Свыше в годину страшных испытаний говорят сегодня все чаще сами ветераны. Один из них — Герой Советского Союза, известный писатель, фронтовик Владимир Карпов, автор широко известных книг “Полководец”, “Жуков”, “Генералиссимус”. Выступая с трибуны проходившего в марте т.г. IX Всемирного русского народного собора, он публично признал именно чудесными такие важнейшие события войны, как победа под Москвой, оборона Ленинграда, удержание врага на волжском рубеже. “Мы не умели молиться Богу, но взывали: “Господи, помилуй, Господи, пронеси”, — и Он помогал. Священники выносили иконы Божией Матери и молились на позициях, а потом все вместе шли в атаку”, — вспоминал боевой разведчик, историк и писатель.

По велению БОЖИЕЙ МАТЕРИ

Тайна нежданного гостя

Осенью 1947 года неожиданно для многих руководителей из ближайшего окружения И.В.Сталина с официальным визитом в Москву по приглашению Советского правительства прибыл мало кому известный митрополит из Ливана, православный араб Илия Карам. Ему были оказаны почести, соответствующие деятелю высокого государственного уровня. Митрополиту были преподнесены богатые подарки, украшенные драгоценными камнями: Казанская икона Божией Матери, крест и панагия (особое украшение для священнослужителя, носимое на груди). Кроме того, по распоряжению генералиссимуса священника наградили Сталинской премией за, как было сказано в указе, “вклад в победу в Великой Отечественной войне”. От премии он, однако, отказался, заявив, что деньги монаху не нужны: “Пусть они пойдут на нужды вашей страны. Мы сами решили передать вашей стране 20 тысяч долларов для помощи детям-сиротам, у которых родители погибли на войне”.

После столь торжественной встречи митрополит Илия попросил предоставить ему возможность посетить Ленинград, где он хотел бы выступить перед верующими в храмах города. Еще дважды, уже после смерти Сталина, в 1954 и 1963 годах, он приезжал в Россию, чтобы рассказать людям правду.

За что же сам Сталин оказывает такие почести практически неизвестному в России священнослужителю с Ближнего Востока, о чем говорил митрополит Илия верующим, разъезжая по стране?

Война, как известно, началась для Советского Союза крайне неудачно. К декабрю 41-го Красная Армия потеряла 90 процентов всей имеющейся у нее техники и вооружения, лишилась значительной части авиационного парка (более 800 самолетов). Разгрому подверглись войска Белорусского и Киевского особого военных округов. Только пленными в течение первых двух-трех месяцев войны мы потеряли более миллиона солдат и офицеров. Надо признать, что, несмотря на оказываемое упорное сопротивление, Красная Армия стояла на грани катастрофы.

Уже в начале сентября враг замкнул кольцо возле города на Неве, а еще через месяц, прорвав оборону в районе Вязьмы и окружив сразу четыре наши армии, занял стратегически важные позиции, нацеливаясь на Москву. Управление Западным фронтом, как это признавал в своих мемуарах назначенный туда командующим Г.К.Жуков, было фактически потеряно. Мало кто тогда верил в победу.

В эти тревожные дни духовенство, все честные люди во всем мире молились о спасении России, понимая, что с ее падением и победой Гитлера перестанет существовать весь цивилизованный мир. Молились о России и православные Ближнего Востока. Одному из таких молитвенников, ливанскому митрополиту Илие Караму, после трехдневного неусыпного молитвенного бдения без питья и еды явилась Богородица и повелела передать руководству СССР некоторые требования, которые ему необходимо выполнить. “Если все, что определено, не будет исполнено, Россия погибнет!” — как приговор прозвучало в тесной келье монаха. Последним в этом требовании было повеление Илие прибыть в Россию и рассказать людям о том, кто ее спас.

Под Москвой, Ленинградом, на Волге...

Маршал авиации А.И.Голованов, о котором рассказывалось на страницах журнала, был во время войны не только командующим дальней авиацией, но и

личным пилотом Сталина. В тот день, 8 декабря 1941 года, стояла абсолютно нелетная, ужасная погода: страшная метель, минус 52 по Цельсию, видимость близка к нулю, но он все же выполнил приказ Верховного: облететь вокруг Москвы с Тихвинской иконой Божией Матери под чтение акафиста (особого молитвенного прошения). Этот факт описал живой свидетель рассказа А.И.Голованова русский писатель Николай Блохин, а та самая икона хранится сейчас в одноименном храме Москвы, недалеко от ВВЦ.

Само известное контрастопление под Москвой,

как признавал позже Г.К.Жуков, было "странным" и "запутанным". Началось оно, как известно, без соответствующей подготовки, за три дня до этого легендарного облета, 5 декабря. Вряд ли случайным совпадением можно считать и то, что церковь в этот день празднует день памяти Святого благоверного князя Александра Невского, а днем раньше — Введение Богородицы во Храм. Еще более странным кажется тот факт, что на следующий день после облета, т.е. 9 декабря, был освобожден и город Тихвин, где впервые появилась на Руси эта чудотворная икона, возвращенная недавно в Россию. А ведь еще накануне враг оказывал упорное сопротивление войскам генерала армии К.А.Мерецкова, безуспешно пытавшимся овладеть городом.

Есть свидетельства, что подобный крестный ход по воздуху с Казанской иконой Божией Матери совершался и над городом на Неве митрополитом Ленинградским, будущим Патриархом Алексием Первым, который всю блокаду провел в городе, не прекращая богослужений в шести не закрытых советской властью храмах. В этих службах участвовали многие генералы и офицеры, например, сменивший Г.К.Жукова на посту командующего Ленинградским фронтом маршал Л.А. Говоров, офицеры и генералы его штаба. Сохранились и рассказы очевидцев, защитников Ленинграда, свидетельствующих, что они наблюдали некое видение на небе, когда оно "вдруг озарилось розовым светом и на розовом небе появился образ Спасителя. От неожиданности все находящиеся в блиндаже бойцы, не сговариваясь, попадали на колени и стали креститься...". Припомним в связи с этим и еще один исторический факт. При закладке Петербурга благословлявший Петра на строительство города канонизированный позже в лике святых епископ Митрофаний Воронежский предрекал государю: "Пока Казанская икона Божией Матери находится в городе, враг не сможет в него войти". Эта икона и сейчас находится на почетном месте в Казанском соборе города.

После спасения обеих столиц Казанская икона Божией Матери была перенесена, согласно велению Богородицы, в Сталинград, где разыгрывалась величайшая битва Второй мировой войны. Икона находилась на крошечном пятачке, на правом берегу реки, который, как ни старались, немцы захватить не могли. Все это время перед ней, сменяя друг друга, священники служили молебны, читали акафисты. Это были дни высочайшего напряжения всех моральных и физических сил солдат, офицеров, генералов, всего народа. Священники, лишь накануне освобожденные из лагерей (еще одно требование Богородицы) и привезенные на фронт,

окропляли солдат в окопах святой водой, служили молебны. И помощь Божия не замедлила явиться. Как утверждает сохранившийся в Государственном архиве РФ документ — отчет уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви по УССР т. Ходченко, в небе над Сталинградом наблюдалось некое непонятное явление, которое в церкви принято называть знаменением, чудом. Оно произошло 11 ноября 1942 года, во время очередной отчаянной попытки немцев сбросить русских солдат в Волгу. Само же контрастопление под Сталинградом началось, как известно, 19 ноября, также с молебна, завершившегося знаменитым русским: "С Богом!".

После всего случившегося легендарного командующего знаменитой 64-й армией, впоследствии Героя Советского Союза маршала В.И. Чуйкова часто видели в православных храмах, где он смиренно стоял в раздумье перед святыми образами.

И.В.Сталин выполнил все, что заповедала ему Мать Божия через послание к нему митрополита Илии. Им были открыты все уцелевшие храмы, монастыри, духовные академии и семинарии (всего около 20 тысяч), выпущены из тюрем и лагерей все выжившие священники, было восстановлено патриаршество, разогнан Союз воинствующих безбожников. Генералиссимус, как известно, имел духовное образование и поэтому сумел понять, что помочь ему в той ситуации сможет только Бог. И он сделал единственно правильный выбор.

Много тайн и загадок Великой Отечественной войны еще ждет своего исследователя. Они поражают воображение, захватывают дух, вызывают недоверие. Но разве факт от этого перестает быть фактом? Конечно, не один митрополит Илия молился о спасении России. Сотни тысяч, а может быть, и миллионы русских людей обратились тогда к Богу: "Господи, помилуй!". Известны имена подвижников веры, чьи молитвы, без сомнения, были услышаны на Небесах. Это и канонизированные ныне праведники Серафим Вырицкий (Василий Муравьев), Матрона Московская (Матрена Никонова) и Любушка Лазарева.

В свое время у наших предков не возникало сомнений, к кому обращаться за помощью, которая всегда приходила к смиренно обращавшемуся к Нему народу!

Подполковник
Роман ИЛЮЩЕНКО

“Примкнуть штыки!”

В 30-х — начале 40-х годов XX столетия началось успешное применение нового вида стрелкового оружия — пистолетов-пулеметов (автоматов). Однако их боевые возможности оказались довольно ограниченными. Поэтому наиболее распространенным видом оружия пехотных подразделений Советского Союза в первой половине прошедшего века оставались винтовки системы Мосина образца 1891/30 года, больше известные под неофициальным названием “трехлинейки”. Оно происходило от обозначения, принятого еще в армии императорской России. Единицей измерения калибра стрелкового оружия являлась так называемая линия. Три линии соответствовали 7,62 миллиметра. Исходную модель оружия разработал капитан Мосин на основе бельгийской винтовки системы Нагана в 1891 году. Винтовка образца 1891/30 года являлась модернизированной драгунской моделью, которая состояла на вооружении русской регулярной кавалерии. Это оружие считалось несколько устаревшим, но довольно надежным. А простота в обращении и невысокая себестоимость позволяли снабжать им войска в необходимом количестве.

Винтовка Мосина относится к классу многозарядных. Досылание патрона в патронник и экстракция гильзы после выстрела осуществлялись при помощи затворного механизма. Его стрелок при-

водил в движение вручную. Продольноскользящий магазин вмещал 5 патронов.

Подобную конструктивную схему имел 7,92-мм карабин 98к (“к” — “курц” — “короткий”) — основное оружие немецкой армии периода Второй мировой войны. Он был создан в 1935 году на базе знаменитой винтовки G98 системы “Маузер”, признанной одной из наиболее удачных моделей своего класса.

По комплексу характеристик винтовка образца 1891/30 года и карабин 98к стали одними из самых выдающихся образцов данного типа оружия. Обе системы отличались чрезвычайной надежностью, простотой устройства и очень невысокой стоимостью производства.

Русская винтовка имела игольчатый четырехгранный штык. Раны, которые он оставлял, очень медленно заживали и, как правило, гноились. Поэтому в рукопашном бою он становился гораздо опаснее, чем клинковый штык 98к.

Благодаря оригинальной конструкции затвора, винтовка Мосина оказалась малочувствительна к загрязнению. Его детали сочленялись таким образом, что при последовательном энергичном перемещении сами выталкивали накопившуюся грязь. Затворный механизм 98к оказался более сложным в устройстве, поэтому острее реагировал на загрязнение.

В 1939 году на вооружение расчетов артиллерийских орудий, кавалерии, сапе-

Красноармеец с 7,62-мм самозарядной винтовкой Токарева обр. 1940г. (СВТ)

ров, связистов и военнослужащих других отдельных родов войск Красной Армии и НКВД начал поступать 7,62-мм карабин образца 1938 года. Он представлял собой винтовку Мосина образца 1891/30 года с укороченными стволом и прикладом. Компактный и легкий карабин больше соответствовал задачам, возложенным на представителей этих родов войск, чем длинная, тяжелая винтовка.

Как ни странно, но в канун нападения на Советский Союз немцы почти не имели на вооружении снайперских винтовок. Лишь во второй половине июня 1941 года они спешно наладили серийный выпуск карабина 98к, оснащенного весьма скверным оптическим прицелом. Это оружие не шло ни в какое сравнение с советской 7,62-мм снайперской винтовкой образца 1931 года, которая являлась специальным вариантом винтовки Мосина 1891/30 года. Помимо специального прицельного устройства разница заключалась в более качественной обработке канала

7,62-мм снайперская магазинная винтовка с оптическим прицелом обр. 1931г. (являлась специальным вариантом винтовки Мосина обр. 1891/1930г.)

7,62-мм автоматическая винтовка Симонова обр. 1936г. (АВС)

ствола, увеличенной высоте мушки, загнутой книзу рукоятки затвора. Интересная деталь: снаряжать магазин можно было только по одному патрону, так как кронштейн, на котором крепился оптический прицел, перекрывал окно для введения обоймы. Но серьезных неудобств это не создавало, ведь скорострельность для снайпера не считалась приоритетной задачей. К лету 1941 года в советских войсках было около миллиона самозарядных винтовок Мосина.

Разумеется, на вооружении РККА, войск НКВД и вермахта находились и другие образцы винтовок, восполнявшие нехватку основных моделей. Но в СССР это было скорее исключением, как, например, английские 7,71-мм пятизарядные винтовки "Росс-Энфилд" образца 1914 года. Их небольшое количество досталось Советской Республике после Гражданской войны от британских интервентов, которые высадились на северо-западе России.

Винтовку Мосина вполне можно считать символом русской, а затем советской пехоты первой половины двадцатого века, каким впоследствии для отечественных Вооруженных сил стал автомат Калашникова.

Однако к началу Великой Отечественной войны на вооружении Красной Армии находилось почти 65 тысяч автоматических винтовок. Сегодня, вероятно, немногие знают, что в начале 1941 года в этом виде вооружения Советский Союз обладал качественным превосходством над всеми остальными странами, включая Германию, и стал первым государством, начавшим в массовом порядке оснащать вооруженные силы этим передовым типом стрелкового оружия. За рубежом аналогичные меры предприняли лишь в США. Однако серийное производство полуавтоматических винтовок системы Гаранда там еще не было поставлено на поток.

Самозарядная винтовка была принята командованием РККА в качестве единого типа оружия. Поэтому незадолго до начала войны производство прежней основной модели — винтовки системы Мосина образца 1891/30 года — значительно сократили с целью окончательного свертывания.

К тому времени в Советском Союзе существовали два типа автоматических винтовок. В первую очередь, 7,62-мм самозарядная винтовка Токарева образца 1940 года (СВТ). Она была предназначена для ведения одиночного огня в полуавтоматическом режиме. Автоматическое перезаряжание осуществлялось за счет воздействия на подвижные части автоматики пороховых газов, образующихся в момент выстрела. Съёмный коробчатый магазин вмещал десять патронов. К винтовке примыкался клинковый штык. СВТ в снайперском варианте имела оптический прицел и более качественно обработанный канал ствола.

Второй вид — 7,62-мм автоматическая винтовка Симонова образца 1936 года (АВС). Из нее, в отличие от СВТ, допускалась возможность стрельбы очередями. Принцип действия автоматики у АВС был тот же, что и у СВТ. Емкость съёмного магазина — 15 патронов. Штатный боеприпас — такой же, как в винтовке Токарева. Клинковый штык АВС имел оригинальную конструкцию, что позволяло использовать его в качестве опоры при стрельбе. Существовала и снайперская модель винтовки Симонова с теми же отличиями от стандартного образца, что и у винтовки Токарева.

Правда, обе винтовки значительно уступали снайперской трехлинейке по эффективной прицельной дальности и кучности стрельбы. Дело в том, что отдача подвижной системы автоматики неизбежно сбивала первоначальную наводку на цель. Устройство новых моделей и их изготовление оказались довольно сложными. Это были принципиально новые конструкции, которые предусматривали не только качественное изменение производственной базы, но и более высокий уровень культуры производства. Обе винтовки отличались фантастической для серийных моделей стоимостью. Одна АВС обходилась казне в 1393 рубля, СВТ — 880 рублей. Для сравнения: стоимость винтовки Мосина составляла 163 рубля.

Тем не менее армию начали оснащать новым оружием. Ведь автоматические самозарядные винтовки являлись идеальным средством для поражения целей на дистанциях от 100 до 800 метров. С помощью такого оружия один стрелок мог противостоять целому пехотному отделению, вооруженному обычными винтовками.

В германской армии на 22 июня 1941

года такого оружия не было. Плотный огонь СВТ и особенно АВС, которым встретили немцев наши войска в первые дни Великой Отечественной войны, вызвал у захватчиков не менее серьезное замешательство, чем неожиданные боевые возможности танков Т-34 и КВ. Большое количество этих винтовок находилось в гарнизоне Брестской крепости. Ими в войсках Западного и Киевского особых военных округов оснащали целые подразделения. Однако этим винтовкам так и не суждено было стать основным оружием пехоты.

Они требовали качественно нового уровня эксплуатации. Ведь винтовки, как любое автоматическое оружие тех лет, отличались повышенной чувствительностью к загрязнению своих механизмов, поэтому нуждались в постоянном уходе: чистке, смазке, частой проверке надежности функционирования. Но если в мирное время это было допустимо, то не всегда представлялось возможным на войне. Для примера: СВТ состояла из 143 деталей.

Возможно, поэтому выпуск автоматических винтовок Симонова прекратили еще до начала Великой Отечественной войны из-за больших затрат на их крупносерийное производство.

Нападение Германии на Советский Союз 22 июня 1941 года поставило крест на идее перевооружения советских войск самозарядной винтовкой Токарева. Большое количество этого оружия оказалось непригодным для дальнейшего применения из-за несоблюдения правил его эксплуатации. После больших потерь личного состава, который имел основательную подготовку, полученную до войны, начался приток в действующую армию наспех обученных призывников. Их профессиональный уровень исключал возможность применения СВТ. Ведь для многих из них даже примитивная винтовка Мосина оставалась технической загадкой. К тому же отечественная промышленность не смогла бы в короткий срок обеспечить валовой выпуск этого дорогостоящего оружия, многократно превышающий довоенный уровень. В итоге с начала 1942 года производство СВТ-40 резко сократили до ограниченных серий.

Майор Тимур МАКОЕВ

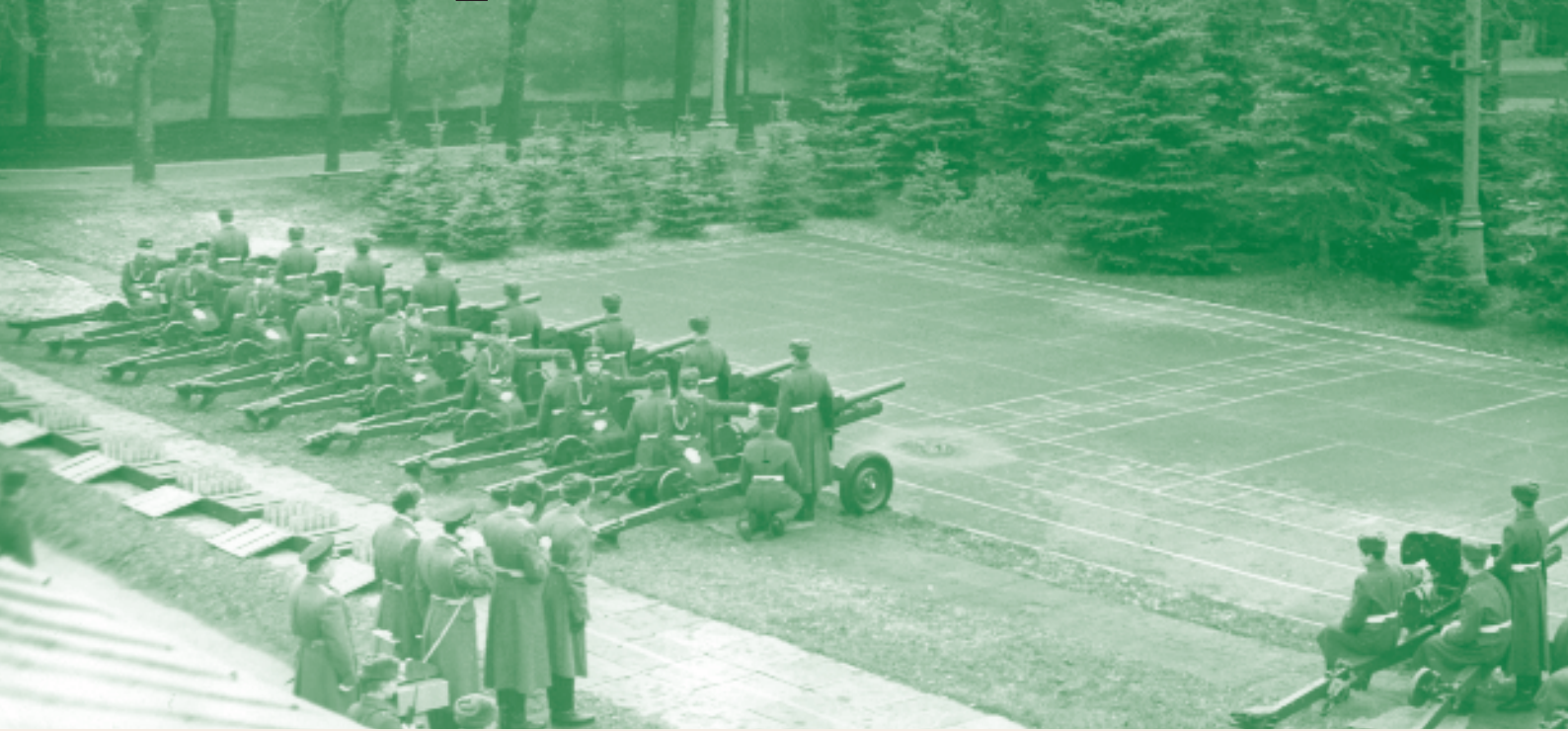

7,71-мм пятизарядная винтовка "Росс-Энфилд" обр. 1914г.

7,92-мм карабин 98к — основное оружие немецкой армии периода Второй мировой (1-я снайперская модель)

Симфония Победы

Из личного архива Владимира Качанова

“О Т Советского информбюро...” — с этих слов, как и всегда в годы Великой Отечественной войны, началось официальное сообщение 5 августа 1943-го.

— ... Передаем приказ Верховного Главнокомандующего товарища Сталина, — вещал привычный голос Левитана. — Сегодня в 24 часа столица нашей Родины Москва будет салютовать нашим доблестным войскам, освободившим Орел и Белгород, двенадцатью артиллерийскими залпами из 120 орудий.

Это был первый победный салют. Традиция, рожденная в год коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны, — салютовать в честь освобождения крупных городов и столиц союзных республик и государств — продолжалась вплоть до ее окончания. А 11 мая 1945 года небо над Москвой озарилось фейерверком, произведенным из тысячи орудий, в ознаменование полного разгрома гитлеровской Германии.

24 июня парадные расчеты в ожидании торжественного прохождения стояли на Красной площади. Фронтовики слушали речь главного маршала Победы Георгия Константиновича Жукова.

— Сегодняшний день войдет в историю как яркая демонстрация силы и могущества

нашего государства и его Вооруженных сил. Нет сомнения, что и в дальнейшем наша Красная Армия и наш Военно-морской флот будут верным стражем наших великих завоеваний, готовым всегда и везде отстоять государственные интересы Союза Советских Социалистических Республик. Да здравствует наша победа! Ура, товарищи!

Троекратное “Ура!”, перекатываясь по строю, пронеслось над площадью.

— Ура-а-а! — Последнее протяжное “а-а-а” плавно перетекло в первый аккорд гимна страны-победительницы.

И тут же небо над Кремлем раскололи залпы артиллерийского салюта, который слился с мелодией десятилетия, в самую симфонию Победы...

Сколько салютов прогремело с тех пор на территории Кремля, нетрудно посчитать. До 1990 года — по одному во время парадов в юбилеи Победы и каждый год по случаю торжеств 7 ноября. С 1995-го — на парадах 9 мая. И все эти годы, за исключением последнего десятилетия, в самом сердце Родины салютовали артиллеристы внутренних войск, а именно расчеты отдельного Новгородского артиллерийского дивизиона дивизии имени Ф.Э. Дзержинского (ныне ОДОНа).

— С территории Кремля доверяли салютовать только нам, — вспоминает ветеран-новгородец Иван Александрович Цветков. — Время, наверное, такое было. Считали, что бойцы-энкавэдэшники, к тому же дзержинцы, люди проверенные-перепроверенные. Да и снимать армейских артиллеристов с фронтов для этой цели вряд ли было целесообразно. Салютные же подразделения дивизии с первых дней войны к боевым действиям не привлекали. Свою роль сыграл и тот факт, что мы давали салюты во время первомайских и ноябрьских торжеств, встреч официальных иностранных делегаций еще и до войны.

Подготовка к салюту всегда начиналась заблаговременно. Офицеры органов госбезопасности и военной контрразведки тщательно проверяли кандидатуры всех бойцов, которых командиры батарей капитаны Борис Лавренко, Александр Слабоспицкий и бессменный руководитель стрельбы майор Николай Пушкарь подбирали в состав салютного расчета. Служебную характеристику, биографию, родственные связи... Не менее дотошно проверялось и состояние орудий и боеприпасов. Салютовали тогда из стоявших на вооружении штатных пушек ПА-27 (“Полковая артиллерия” образца 1927 года). Их для салю-

ду на открытие и прекращение огня. С августа 1943 года и до победного салюта залпов было столько, сколько указано в приказе Верховного Главнокомандующего. Фейерверков тогда не было. И салют сводился к таким же холостым орудийным залпам, как и во время парадов после войны. Поскольку каждое движение заряжающих и наводчиков, которые дергали спусковой рычаг, было отточено и доведено до автоматизма, салют в честь освобождения Орла и Белгорода для нас не был неожиданным. Приказ довели днем, расчеты немного потренировались в парке, подготовили орудия к ночному салюту, привели в порядок внешний вид. Примерно за два часа до салюта въехали через Боровицкие ворота в Кремль, расположились на позициях, еще немного пощелкали рычагами пушек без выстрелов и по общей команде в 24 часа произвели первый залп. За ним еще и еще. И так все двенадцать, как было определено в приказе.

Много еще салютов было дано в честь побед Красной Армии из разного количества орудий: и из трехсот двадцати, и из двухсот двадцати, и из ста двадцати. Но сначала двенадцать, а потом шестнадцать из них всегда были из дивизии Дзержинского.

О салютной группе ОМСДОНа в газетах не писали, по телевизору ее не показывали. Лишь в прямой трансляции парада с Красной площади диктор произнес фразу: "Звучат залпы артиллерийского салюта". А телекамеры направляли объективы на кремлевскую стену, из-за которой поднимался клубами дым. И все.

Сколько за этим стояло солдат и офицеров, техники, долгих тренировок — никто не знал. Просто каждый раз в торжественные для страны и для людей моменты,

точные, как часы, звучали залпы салютных пушек дзержинцев.

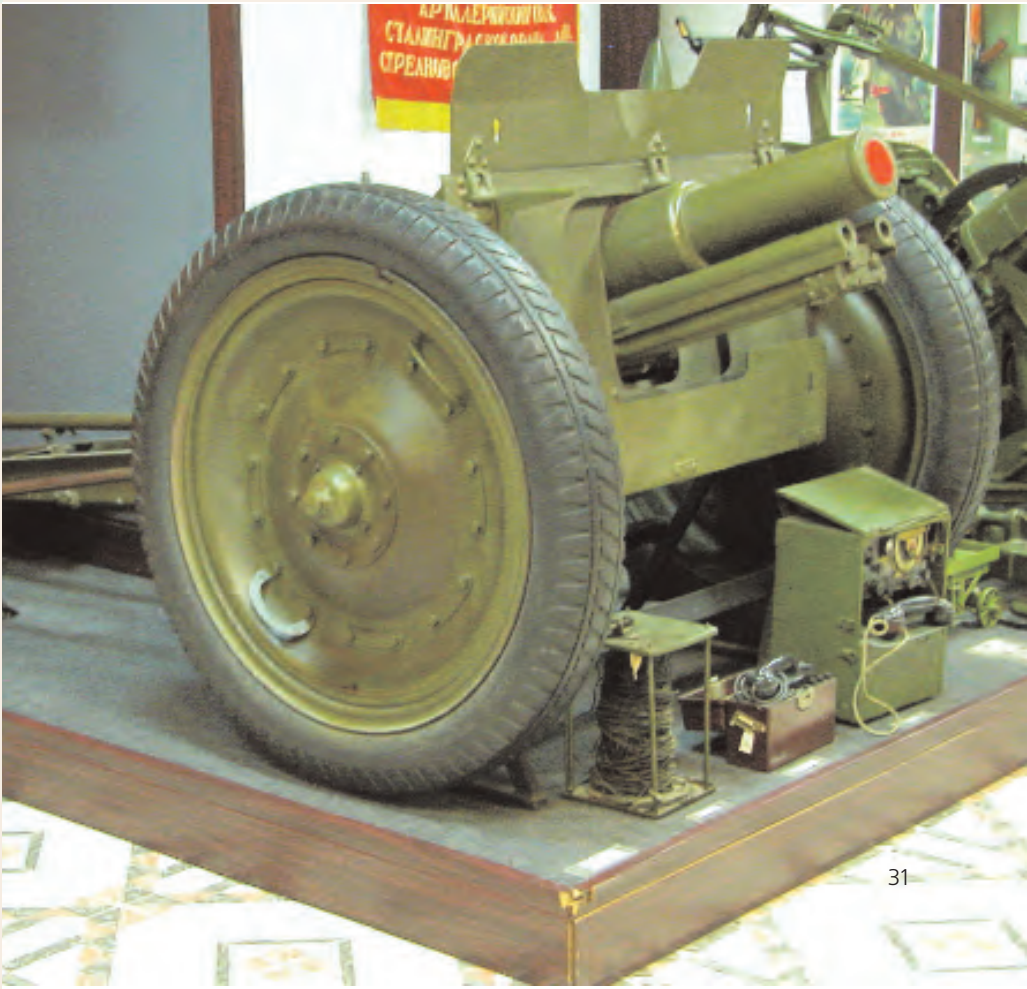
— Тренировку к салюту мы начинали в первых числах сентября, за два месяца до парада, — рассказывает ветеран соединения заместитель командира дивизии по вооружению полковник запаса Владимир Степанович Качанов. — Готовили две батареи из дивизиона — первую и вторую, лишь однажды в салюте участвовала третья батарея.

В Кремле батареи располагались на одной линии, с интервалом шесть метров. На этом пятячке стоял руководитель с двумя жезлами: красным и желтым. По взмаху жезла производился выстрел. Одновременно — из восьми орудий справа и через четыре секунды из восьми — слева. Позади руководителем стоял хронометрист с секундомером, он-то и давал команду, по которой нужно взмахнуть жезлом. Комендант Кремля на последней тренировке нам читал речь министра обороны, и мы расписывали, какие команды и когда должны подаваться. По минутам и секундам. Например, министр обороны произносит: "Да здравствуют доблестные Вооруженные силы!", руководитель тут же командует: "Открыть затворы!". Дальше: "Слава советскому народу!", руководитель: "Заряжай!" И так все команды совпадали с определенными словами в речи министра обороны. "Взять шнуры!", "Внимание!". А с криком "Ура!" и с взмахом дирижера начинался гимн, и мы давали первый залп с первыми его аккордами. Через каждые четыре секунды хронометрист на ухо шептал руководителю: "Огонь! Огонь!" Удар литаврами — у нас залп. Самое главное состояло в том, чтобы закончить стрельбу вовремя, с последними нотами гимна. Не дай Бог выстрелить, когда гимн прекратился!

Ринад Арибжанов

та тоже выбирали по-особому. Тогда, в 1943 году, перед первым победным салютом, в дивизию приехала комиссия во главе с Ворошиловым, Тимошенко и Буденным. Для нее выстроили в ряд несколько орудий, из каждого выстрелили. Комиссия оценивала пушки по разным параметрам: насколько звонкий звук холостого выстрела, быстро ли и легко перезаряжается орудие, какие задержки при стрельбе возможны и так далее. Выбор пал на ПА-27. Несколько таких пушек сохранились до сегодняшнего дня — три в Отдельной дивизии оперативного назначения и одна в экспозиции Центрального музея внутренних войск МВД России.

В составе салютного расчета были две шестиорудийные батареи. Левая батарея дала залп, проходит несколько секунд, стреляет правая. И так от первого до последнего залпа, через равные промежутки времени. Нетрудно понять, что при таком раскладе время для перезарядки пушек у каждой из батарей удваивается. В общей сложности, пока исполнялся гимн, обычно получалось около двадцати залпов. Чтобы завершить стрельбу точно с его окончанием, на трибуне мавзолея находился начальник артиллерии дивизии полковник Егоров. Он по радиостанции давал коман-

Из личного архива Владимира Качанова

Точность стрельбы во многом зависела от наводчиков. Их отбирали особо. Проводили дополнительное медицинское обследование. Специально проверяли зрение, смотрели, чтобы, например, не моргал часто. Всегда имели в составе салютного расчета запасных наводчиков, которыми иногда приходилось в ходе тренировок заменять основных. У тех порой не выдерживали нервы. Ведь у наводчика должна быть колоссальная выдержка и спокойствие.

Ветераны рассказывают об одном интересном случае, который произошел 9 мая 1990 года. Дивизион въехал в Кремль, батареи установили орудия в яблоневом саду, который рядом с площадью, где стоят Царь-пушка и Царь-колокол (в тот год на нижней, привычной для "салютчиков" площадке велось строительство какого-то объекта), стали тренироваться на месте. Взмах жезлом — щелчок, еще взмах — снова щелчок. Офицеры слушают. Чувствуют: что-то не так. Оказалось, один из наводчиков не успевает нажать рычаг спуска одновременно со всеми. Это значило, что залп не получится. Стали искать, кто же из солдат ошибается. Нашли — наводчик крайнего слева орудия. Выяснилось, что все у него нормально и со здоровьем, и с реакцией, просто ветка одной из яблонь заслоняла руководителя стрельбы, о чем он постеснялся сказать, и солдат пытался стрелять, ориентируясь на остальных наводчиков. На уши тогда подняли чуть ли не всю кремлевскую администрацию, чтобы получить разрешение спилить злосчастный сук. Наконец прибывший на место расположения дивизиона комендант Кремля генерал-майор Башкин, лично убедившись, что яблоня мешает, разрешил пилить...

Несмотря на тщательную подготовку к салюту казусы все же случались. Причем иногда они приносили пользу.

Так, например, благодаря случаю, о котором в книге "Генера-

Из личного архива Владимира Качанова

лы горячих точек" пишет Николай Иванов, рассказывая о судьбе бывшего главнокомандующего внутренними войсками генерал-полковника Вячеслава Овчинникова, пушки ПА-27 заменили 76-миллиметровыми горными пушками, более мобильными и легкими.

"Перед одним из парадов майор Овчинников (он тогда командовал отдельным артиллерийским дивизионом ОМСДОНа. — Р. А.), лично докладывая коменданту Кремля генерал-лейтенанту С. Шорникову о готовности, посмел сказать правду, от чего, кстати, его предостерегали многие:

— Салютная батарея к стрельбе готова ограниченно.

У генерала полезли вверх брови. Ясно, что младший по званию не посмеет с ним шутить, но чтобы "салютчики" накануне праздника начали говорить о проблемах...

— Говорите.

— Я неоднократно докладывал по инстанции об изношенности орудий. Гарантии, что выстрелят все пушки и не дадут осечек, дать не могу.

— Виновных станем искать потом, — стараясь сохранить спо-

Из личного архива Владимира Качанова

койствие, сказал генерал. И то ли попросил, то ли спросил с надеждой: — Но салют-то не сорвем? Не подведем?

Салют был. Про четыре отказа никто так и не узнал, а тем более не расслышал их.

Сразу после стрельбы Шорников осмотрел эти четыре неиспользованные гильзы, виновато лежавшие на мерзлой земле, похлопал горячие стволы уставших орудий. И приказал вызвать к себе специалистов Главного ракетно-артиллерийского управления..."

Так на смену достойно отслужившим свой век пушкам ПА-27 пришли горные пушки ГП-76 (образца 1976 года).

А на смену артиллеристам внутренних войск в 1995 году пришел салютный расчет комендантского полка Минобороны. И точно так же, как рота почетного караула этой части, продолжающая традиции, рожденные в годы Великой Отечественной войны подразделением 1-го полка ОМСДОНа, артиллерийские расчеты армейцев приняли у дзержинцев салютную вахту и несут ее в стенах Московского Кремля, возвещая дружными залпами всему миру о Великой Победе.

Полковник Ринад АРИБЖАНОВ

Георгий Жуков: "Войска должны всегда быть готовы выполнить боевую задачу"

Имя Маршала Советского Союза Георгия Константиновича Жукова произносят в нашей стране с любовью и гордостью, оно стало поистине легендарным. Громаден личный вклад этого выдающегося полководца в блистательную победу нашего народа в Великой Отечественной войне. В год славного юбилея — 60-летия Великой Победы над фашистской Германией — предлагаем вашему вниманию некоторые высказывания Г.К. Жукова — блестящего теоретика военного искусства и выдающегося военного деятеля.

Маршала Жукова как полководца отличали дар предвидения развития крупномасштабных боевых событий и аналитический ум, позволявший ему верно и в краткий срок оценивать обстановку любой сложности и принимать необычайно смелые, неожиданные для врага решения. Он обладал организаторским талантом, железной волей, умел преодолеть любые препятствия на пути к цели. Он был нерасторжимо связан с воинами Советской армии — от генерала до рядового солдата. И свой путь, большой и славный — от рядового солдата русской армии до Маршала Советского Союза — Георгий Константинович Жуков прошел с честью, став одним из самых прославленных полководцев нашей Родины.

Личная храбрость, презрение к смерти были органически свойственны ему, и это не просто мужество и храбрость солдата, действующего по поговорке "на миру и смерть красна", а мужество высшей пробы. Впрочем, лучше всего характеризовать этого человека могут его собственные слова: "Для меня главным было служение Родине, своему народу. И с чистой совестью могу сказать: я сделал все, чтобы выполнить этот свой долг... Дни моих самых больших радостей совпали с радостями Отечества. Тревога Родины, ее потери и огорчения всегда волновали меня больше, чем личные. Я прожил жизнь с сознанием, что приношу пользу народу, а это главное для любой жизни".

О воинском обучении

Командир части, который хорошо освоил систему управления полком и способен обеспечить его постоянную боевую готовность, всегда будет передовым военачальником на всех последующих ступенях командования как в мирное, так и в военное время.

...Чтобы полноценно готовить войска,

нужно вооружить начальствующий состав современным пониманием военного дела.

О факторах победы

...Только закаленные, крепкие бойцы способны вынести тяжесть войны.

Бесспорно, что при прочих равных условиях крупнейшие битвы и целые войны выигрывают те войска, которые отличаются высокой волей к победе, осознанностью цели, стойкостью духа и преданностью знамени, под которым идут в бой.

О войсковом товариществе

На войне был суровый порядок: как бы ни было трудно, раненых непременно выносили из-под огня. В этом проявлялась забота не только о спасении человеческой жизни. На нем держалась вера идущих в бой: что бы ни случилось — товарищи не оставят.

О стратегии и тактике

Командиру полка нужно хорошо знать свои подразделения, а также средства усиления, которые обычно придаются полку в боевой обстановке. От него требуется умение выбрать главное направление в бою и сосредоточить на нем основные усилия. Особенно это важно в условиях явного превосходства в силах и средствах врага.

День промедления в минувшей войне обошелся нам очень дорого. Теперь в случае кризиса счет может вестись на секунды.

О коллективе и личности

Разгром противника в операции, сражении или в бою — дело всего коллектива, общее дело. Тот, кто пытается возвыситься над коллективом, или тот, кто хочет кого-либо возвысить, поступает фальшиво.

Об ответственности военачальника

Нет ничего проще, чем, когда уже известны все последствия, возвращаться к началу событий и давать различного рода оценки. И нет ничего сложнее, чем разобраться во всей совокупности вопросов, во всем противоборстве сил, противопоставлении множества мнений, сведений и фактов непосредственно в данный исторический момент.

Я человек военный и готов выполнять любое решение Ставки, но имею твердую точку зрения на обстановку и способы ведения войны...

Каждый военачальник, допустивший неправильные действия, не имеет морального права уходить от ответственности и ссылаться на вышестоящих. Войска и их командиры в любой обстановке в соответствии с уставом должны всегда быть готовыми выполнить боевую задачу.

О противнике

Что касается боеспособности немецких солдат и офицеров в первом периоде войны, их специальной выучки и боевого воспитания, то надо сказать, что они, безусловно, были на высоком уровне во всех родах войск, особенно в танковых войсках и в авиации.

В боях и полевой службе немецкий солдат знал свое дело, был упорен, самоуверен и дисциплинирован. В целом советскому воину пришлось иметь дело с опытным сильным врагом, у которого вырвать победу было не так просто.

О значении победы

Человек, переживший однажды большие испытания и победивший, будет всю жизнь потом черпать силы в этой победе.

Подготовил Сергей ПОРОХИН,
кандидат философских наук

Операция у Долгих Двориков

После того как отгремели залпы победного салюта, война для военнослужащих внутренних войск не закончилась. На территории Прибалтийских республик, западных областей Украины и Белоруссии бесчинствовали банды националистов. Имея большое количество оружия, оставленного фашистами, они грабили и убивали местных жителей, держали людей в постоянном страхе и мешали восстановлению мирной жизни.

О событиях тех лет часто вспоминают участники борьбы с бандподпольем. Сегодня мы предлагаем вашему вниманию рассказ бывшего командира роты 1-го полка Отдельной мотострелковой дивизии особого назначения полковника в отставке Владимира Михайловича Жукова.

БАНДИТА по кличке Кожух часто видели в его родном селе Долгие Дворики. Поговаривали, что здесь у него убежище. Но где?

В подразделении внутренних войск, которое за ним охотились, даже в лицо преступника не знали. Из рассказов местных жителей было известно, что он высокого роста, богатырского телосложения и незаурядной физической силы. Из особых примет: небольшой еле заметный шрам на лице — след от осколка гранаты. До установления советской власти в Западной Украине его родители жили богато, имели водяную мельницу, на которой трудились несколько наемных работников. В первые дни Отечественной войны Кожуха призвали в Красную Армию. Вскоре он дезертировал. Как только фронт переместился дальше на восток, вернулся в родное село. Здесь поступил на службу к фашистам — в полицию, постоянно участвовал в карательных акциях против местного населения.

Когда советские войска освободили Долгие Дворики от фашистов, бывший полицай остался на родине. Собрал таких же отщепенцев, как сам, стал еще больше свирепствовать и загубил жизни многих земляков. От них он и получил кличку Кожух за то, что круглый год ходил в расшитом узорами закарпатском полушубке.

Воины внутренних войск следовали буквально по пятам за его бандой. Однажды ее удалось настигнуть на одном из хуторов. В том бою большинство преступников были уничтожены, двоих захватили живыми. Но главарю удалось скрыться. У плененных нашли фотографию. На ней в форме полицая красовались Кожух с подельниками. Догадались по еле заметному шраму на щеке. То, что это был именно он, подтвердили и задержанный, а позднее и односельчане бандита. Фотографию размножили и раздали старшим войсковых нарядов. Так она оказалась у начальника разведывательно-поисковой группы сержанта Александра Лядова.

После того боя Кожух куда-то пропал.

Преступники из других банд, захваченные в последующих боях, сообщили, что он после потери своих людей стал связным между шайками, действующими на территории нескольких районов.

Однажды сержант Лядов получил сообщение, что Кожух объявился в Нижних Двориках. Вместе с солдатами он прибыл в село, но опоздал. Преступник снова ускользнул и, наверняка, не без помощи кого-то из местных жителей.

Но все же зимой во время одного из поисков удалось обнаружить схрон. Убежище было оборудовано под полом в хлеву, в который загоняли корову с телятками и овец. Чтобы нечистоты не попадали в схрон, пол был сделан покатым, а в нижней его части укреплен специальный желоб, по которому жидкость вытекала за пределы помещения. Внутри хлева стоял ларь с зерном, под которым был оборудован лаз в схрон.

Для вытяжки из укрытия загрязненного воздуха была установлена и прибита скобами к стене труба диаметром около трех сантиметров. Верхний ее конец выходил на чердак. Чтобы не вызывать подозрения, к трубе за кольцо привязывали телятца.

Забравшись туда, один из солдат и обратил внимание на трубу. А точнее, на иней, которым была окутана соломенная крыша как раз в том месте, где она заканчивалась. Он здесь мог образоваться только от теплого и влажного воздуха. О своем наблюдении боец доложил сержанту. Тогда внимательнее осмотрели часть трубы, расположенную в хлеве. Оказалось, что она уходит глубоко под землю...

Усадьбу блокировали. С помощью щупов обнаружили схрон, а вскоре и лаз в него. К сожалению, в убежище никого не оказалось. Судя по всему, преступник в самый последний момент успел выскользнуть, хотя, без сомнения, неоднократно здесь скрывался. Ведь внутри находились постель, верхняя одежда, заправленная керосиновая лампа, бутылка самогона, вода в бидоне, сало и другие продукты. Словом, все необходимое, чтобы спокойно прожить здесь несколько суток. Из убежища в ларь была протянута бельевая веревка. С ее помощью можно было, не открывая люк, поддерживать установленными сигналами связь с тем, кто прятался под землей.

Схрон разрушили. На хозяйина за пособничество бандитам завели уголовное дело. С того времени Кожух словно в воду канул.

Наступила весна. Преступники начали перебираться из населенных пунктов в леса. Там им было намного спокойнее. В начале мая командир подразделения внутренних войск стало известно, что одна из шайек скрывается в 7 — 8 километрах севернее Долгих Двориков. Преступников решили немедленно найти и уничтожить.

По согласованию с местными органами власти на перекрестках дорог, а также въездах и выездах из села установили контрольно-пропускные пункты. Один из них размещался на дороге, которая проходила через Долгие Дворики и соединяла областной и районный центры. Старшим на этом КПП назначили сержанта Лядова. Бойцы наряда установили самодельный деревянный шлагбаум и стали наблюдать за дорогой, деревней и подступами к ней.

Часа через два контролер КПП ефрейтор Низам Шипаев заметил грузовой автомобиль, который двигался по шоссе из района поиска прямо на их пост. Это была повидавшая виды и, судя по всему, прошедшая не одну тысячу километров полуторка. В то время машин в районе было мало и проезжали они крайне редко.

Низам остановил ее для проверки документов. Одновременно к грузовичку с двух сторон подошли Лядов и рядовой Столяров. В кабине кроме водителя сидел пожилой мужчина. Позже выяснилось, что он работал экспедитором на одной из областных баз. Ей принадлежала и машина. Документы были в порядке, в том числе и на груз, лежащий в кузове автомобиля.

— А кого это вы еще везете? — строго спросил Лядов у водителя, заглянув через деревянный борт.

В кузове сидел дядька внушительных размеров и кутался в плащ, укрываясь от встречного ветра. Оказалось, что километрах в двух от села он остановил машину и попросил подвезти до райцентра.

— Ваши документы, — потребовал сержант.

— Какие? — равнодушно спросил незнакомец.

Получив короткое объяснение, что от него требуется, он неспешно достал из кармана все необходимое. В руках у старшего наряда оказались паспорт на имя Петренко с отметкой о месте работы и военный билет. На первый взгляд, все было оформлено правильно.

— Куда едете? — поинтересовался Лядов.

— В райцентр, — все так же невозмутимо отвечал неизвестный.

— Командировочное удостоверение.

И оно оказалось оформлено надлежащим образом. Однако, поглядывая изредка на пассажира, старший наряда заметил у того небольшой шрам на щеке, идущий к правому уху. Лицо “командированного” очень походило на облик бандита в форме полицая, которого сержант видел на фотографии. “Да и левую руку он почему-то все время держит согнутой в локте”, — отметил про себя Александр и решил еще раз внимательнее проверить документы.

А вот и зацепочка: в паспортном штампе о месте работы значилась одна организация, а командировочное удостоверение выдавала другая...

— Так это я недавно ушел с первого предприятия, на втором еще оформиться не успел, а тут в командировку направили, — с прежним спокойствием пояснил мужчина.

Но Лядова этим уже было не пронять. Он нутром чувствовал, что перед ним не тот человек, чье имя указано в документах. Правда, и доказать это он пока не мог. Поэтому еще раз открыл военный билет...

Ну вот же! Нет отметки о постановке на военный учет, и как раз в том райвоенкомате, где этот Петренко якобы работает в настоящее время. Тут, дядя, что ни говори, а такую оплошность кадровики в комиссариате ни за что не допустят.

Сержант попросил пассажира сойти с автомобиля, а сам незаметно для него подал знак подчиненным, чтобы смотрели в оба.

Петренко глянул на Столярова, стоящего с автоматом в руках, и нехотя прыгнул на землю. Ему потребовалось меньше секунды, чтобы из левого рукава плаща выхватить пистолет. Но бдительный Шипаев, увидев оружие, молниеносно бросился к нему и крепко схватил за руку, в которой был пистолет. Хотя бандит и успел выстрелить, но пуля никого не зацепила.

В следующее мгновение на помощь Шипаеву подоспел Лядов. Оба они обладали огромной физической силой (являлись лучшими спортсменами в подразделении), поэтому быстро обезоружили преступника, обыскали его и под конвоем доставили к руководителю операции.

На допросе задержанный сознался, что он — Кожух. Сюда приехал, чтобы связаться с бандой, которую как раз разыскивали бойцы внутренних войск. Позже его опознали и местные жители. Бандит указал место, где находился схрон. Найденные в нем оружие и боеприпасы военнослужащие доставили в штаб части. Так закончилась операция у Долгих Двориков.

От парада- легенды до сегодняшних торжеств

ЕСТЬ в Московском комитете ветеранов войны необычное подразделение. В нем состоят участники знаменитого военного парада на Красной площади 7 ноября 1941 года. Эти люди прошагали в то студеное, вьюжное утро по главной площади страны и ушли защищать столицу, унося с собой непоколебимую веру в победу над фашистскими захватчиками. Их прибытие на фронт помогло воспрянуть духом всем бойцам, которые уже из последних сил сражались на передовой, вызвало небывалый прилив сил. Говорят, что воюет не железо, а душа. Поэтому военные историки отождествляют парад-легенду с выигранным сражением.

Дальнейшая жизнь участников парада 41-го года сложилась по-разному. Одни погибли в ожесточенных боях за столицу. Другие еще долго воевали, дошли до Берлина и Эльбы. Многие из них умерли, не дожив до 60-й годовщины Победы. Возраст и полученные раны не шадят никого. Те же, кому удалось дожить до сегодняшнего дня, объединились в столь престиж-

ную в ветеранских кругах и многоуважаемую организацию.

Ее создание не обошлось без энтузиастов-поисковиков. Самый активный из них — Иван Сергеевич Гаврилин. В его картотеке значатся свыше шестисот имен тех, с кем он в далеком 41-м шел ноябрьским снежным утром по Красной площади. Ветерану удалось разыскать и тех, кто живет вдалеке от Москвы и по состоянию здоровья уже не может участвовать в работе организации.

Большинство доживших до сегодняшнего дня участников легендарного парада — бывшие бойцы и командиры дивизии имени Ф.Дзержинского. Один из них Иван Васильевич Щепотьев. Он шел по Красной площади 7 ноября 1941 года, 24 июня 1945 года на Параде Победы, на других знаменательных парадах, его назначили ассистентом у Боевого знамени полка.

Среди участников ноябрьского парада были лейтенант В.Василенко (он вел 2-й конный взвод 4-го кавалерийского эскад-

рона), воины-артиллеристы В.Копчуков, И.Булычев и А.Кауров, которые в составе артиллерийских расчетов ехали в кузовах автомобилей, буксировавших 122-миллиметровые гаубицы "Шкода". Во второй колонне парадного расчета дивизии направляющим шестой шеренги бодро шагал красноармеец-минометчик П.Проскураков. Механик-водитель старший сержант В.Серебров управлял грозным танком Т-34, стараясь удержать его в едином строю с другими такими же могучими машинами. Шли в стройных колоннах соединения К.Салдадзе, Н.Лобачев, В.Ермолинский, Д.Островерхов, Д. Сторожев, Н.Мишанин, Ю.Соловьев, С.Марков.

Обо всех них практически все знает Иван Васильевич Щепотьев: кто здоров, кто прикован к постели. Каждого с уважением и теплотой поздравляет с днем рождения, семейными торжествами. Часто звонит Николаю Колотушкину, к сожалению, совсем ослепшему. Ободряет боевого товарища, по возможности добывается для него материальной поддержки.

Все дзержинцы с большим уважением отзываются об Иване Васильевиче, желают ему здоровья и добра. Основываясь на данных, которые собрал ветеран, расскажем о том, кем были его сослуживцы и как сложилась их жизнь после ноября 1941 года.

Еще до исторического парада военный инженер Кирилл Салдадзе сделал важное изобретение: создал из отходов нефтепродуктов горючую смесь для зажигательных бутылок и огнеметов. Она так была нужна! Ведь раньше для этой цели использовали бензин и другое топливо, которых и без того катастрофически не хватало.

Почти сразу после жаркого боя под Боровском занял свое место в парадных шеренгах Николай Лобачев. Позже он доблестно сражался на Курской дуге, участвовал в освобождении Белоруссии, Польши, штурмовал Берлин и встретился с союзническими войсками на Эльбе.

Леонид Островерхов после парада обеспечивал в войсках спецсвязь. Его боевые дороги пролегли через Ростовскую область, Украину, Болгарию, Румынию, Югославию, Венгрию, Австрию. Казалось, что после освобождения Вены война для него закончилась. Но ненадолго. Их часть

перебросили на Забайкальский фронт, в составе которого он с боями прошел Монголию и Маньчжурию.

Артиллеристы В.Копчуков, А.Кауров и И.Булычев сражались под Новгородом. Иван Булычев получил тогда тяжелое ранение. Его, окровавленного, вынес из-под огня и спас Илья Вахрушев, тоже участник парада. Он недавно скончался.

Совершенно неожиданно сложилась жизнь после парада у Сергея Маркова. Его назначили в группу личной охраны генерала армии Г.К.Жукова. После этого 15 лет воин-дзержинец оберегал великого полководца и помогал ему, чем мог.

Десять лет личным водителем Маршала Победы служил автомобилист первого полка Николай Мишанин.

В личной охране самого Верховного Главнокомандующего И.В.Сталина десять лет находился еще один воспитанник дивизии Юрий Соловьев.

Дмитрия Сторожева уже после войны избрали председателем одного из колхозов в Подмоскovie. Фронтовику удалось превратить хозяйство в многоотраслевое и высокодоходное. За это он был удостоен высокого звания Героя Социалистического Труда.

Многие участники парада стали офи-

церами, служили верой и правдой Отечеству. Но и после выхода на пенсию они, как говорится, еще в строю. Несмотря на преклонный возраст, участники парада считают своим первейшим долгом проводить военно-патриотическую работу в частях и подразделениях.

Почти все они по 3-4 раза в год, а иные и 9-10 раз бывают в воинских коллективах, общеобразовательных средних школах, центрах по работе с молодежью, технических училищах.

До сих пор воины дивизии ежегодно участвуют в военных парадах на Красной площади. Подготовка к ним — дело ответственное и трудное. Стало традицией, что на строевые тренировки обязательно приходят участники легендарного парада 1941 года и других торжественных прохождений. Их опытный взгляд подмечает и успехи, и недостатки. Ветераны указывают на ошибки, предлагают, как добиться лучших результатов. Таким образом сохраняется одна из славных традиций дивизии: прохождение на параде — только на "отлично".

Владимир ЖУРАВЛЕВ,
полковник в отставке,
заслуженный работник культуры РФ

ВНУТРЕННИЕ ВОЙСКА — ШКОЛА ПАТРИОТИЗМА

Активнее использовать возможности советов ветеранов в работе по воспитанию военнослужащих на славных боевых традициях внутренних войск.

Из директивы главнокомандующего внутренними войсками МВД России от 3 марта 1998 г.

Главные задачи государственно-патриотического и воинского воспитания:

- ★ формирование у военнослужащих войск высокого патриотического сознания, важнейших духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, отражающих специфику героико-исторического развития нашего общества и государства, национального самосознания, образа жизни, миропонимания и судьбы россиян, чувства верности своему Отечеству, гордости за принадлежность к великому народу и его свершениям, испытаниям и проблемам, почитания национальных святынь и символов, готовности к выполнению воинского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины;
- ★ воспитание у воинов гордости и ответственности за принадлежность к внутренним войскам, готовности достойно выполнять воинский долг, мужественно, даже ценой своей жизни защищать свободу, независимость и конституционный строй России, народ и Отечество;
- ★ развитие гражданской ответственности, высокой социальной активности, духовности и сплоченности воинских коллективов, поддержание высокого уровня воинской дисциплины, профессиональной надежности военнослужащих при выполнении задач в пунктах временной дислокации

Из директивы главнокомандующего внутренними войсками МВД России от 30 ноября 2004 г.

БОЕВЫМ ТРАДИЦИЯМ ВЕРНЫ!

В мае:

- **1957 г.** — приказом МВД СССР в частях войск учреждены Книги почета.
- **1957 г.** — создано политическое управление внутренних войск.
- **1973 г.** — военные училища МВД СССР преобразованы в высшие военные училища.
- **1974 г.** — в Военной академии им. М.В. Фрунзе создана кафедра тактики и оперативного использования внутренних войск.

6 мая

- **1945 г.** — в целях подготовки офицерских кадров автобронетанковой, оружейной специальности и интендантской службы приказом НКВД СССР восстановлено Харьковское военное училище войск НКВД.

7 мая

- **2003 г.** — в Главном военном клиническом госпитале внутренних войск МВД РФ открыт новый хирургический корпус.

9 мая

- **1918 г.** — декретом СНК "О чрезвычайных полномочиях народного комиссара по продовольствию" (утвержден ВЦИК 13.05. 1918 г.) Наркомпроду предоставлено право иметь вооруженную силу для решения проблем борьбы с голодом. На основе этого и последующих документов была сформирована Продовольственная реквизиционная армия (Продармия).
- — День воинской славы России. День Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.
- **1945 г.** — Президиум Верховного Совета СССР издал Указ "Об учреждении медали "За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.". Медалью награждены военнослужащие, в том числе внутренних войск, проходившие службу в 1941 — 1945 гг.

8 мая

- **1980 г.** — создана Типография внутренних войск МВД СССР.

19 мая

- **1932 г.** — приказом ОГПУ № 463/с учреждена 4-я школа пограничной охраны и войск ОГПУ в г. Саратове. Постановлением Правительства РФ в мае 1997 г. Саратовское высшее военное Краснознаменное командное училище ВВ МВД РФ преобразовано в Саратовский военный Краснознаменный институт ВВ МВД РФ.

24 мая

- **1922 г.** — ВЦИК утвердил Положение о Народном комиссариате внутренних дел РСФСР. В состав наркомата входили: Организационно-административное управление (ОАУ), Главное управление милиции (ГУМ), Главное управление принудительных работ, Центральное управление по эвакуации населения, Главное управление коммунального хозяйства, Государственное политическое управление.

28 мая

- **1973 г.** — учреждены золотые медали для лиц, окончивших военно-политический факультет Высшего политического училища МВД СССР с отличием.

По материалам
Центрального музея внутренних войск МВД России

“МЫ ВСЕ ВОЙНЫ ШАЛЬНЫЕ ДЕТИ”

Юрию Завизионову на роду
было написано стать офицером

По примеру прадеда, деда, отца...

Его прадед, Андриан Семенович, не дослужился до офицерских чинов, зато вернулся домой полным Георгиевским кавалером — кресты и поныне бережно хранятся в семье Завизионовых. Дед, Иван Андрианович, участник трех войн, закончил службу подполковником. А начал семнадцатилетним бойцом отряда под командованием комиссара Овчинникова, внесшим немалую лепту в разгром банд атаманов Григорьева, Махно и Маруси. Впоследствии охранял от разбойных нападений эшелоны с хлебом для голодных районов республики. По рекомендации С.М.Кирова был направлен в органы госбезопасности и неоднократно сопровождал в поездках по стране М.И.Калинина, М.Н.Тухачевского и Е.М.Ярославского. Позднее командовал группой захвата и обезвреживания агентов абвера на Ленинградском фронте. Разумеется, деду — кавалеру орденов Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды и без малого двадцати медалей, хотелось, чтобы и внук пошел по его стопам.

Но Юра сызмальства буквально бредил танками, имея перед глазами пример отца, Гавриила Тимофеевича. Пример действительно достойный. На рассвете 20 декабря 1941 года танковая рота под командованием старшего лейтенанта Завизионова, действуя в качестве передового отряда 145-й танковой бригады, первой ворвалась в захваченный гитлеровцами Волоколамск, захватила город и удерживала позиции до подхода главных сил. В подбитой машине, тяжело раненный, ротный не оставил поля боя, за что и был награжден орденом Красного Знамени. Права военная мудрость: честь и доблесть воина в том, чтобы биться, а не в том, чтобы разбить врага. И хотя чаще всего кажется, что именно отряды, последними вступившие в бой, решают исход дела, в Волоколамске победу предрекли танкисты Гавриила Завизионова из передового отряда.

Только через полгода ему удалось вырваться из плена армейских эскулапов, списавших его вчистую, и чуть ли не

на костылях добраться до родного дома. Но примириться с тем, что война для него окончилась, так и не смог. Едва зарубцевались страшные раны и ожоги, он отбросил трость и, стараясь не хромать, явился к военкому с ультиматумом. Положил на стол партийный билет, боевой орден и пенсионную книжку, категорично заявив, что не может считать себя коммунистом вне армейского строя. Рисковал, конечно: от партбилета и государственной награды в ту пору так просто не отказывались, однако иного пути для себя не видел. Военком оказался “крепким орешком”, но и Гавриил Завизионов держал оборону столь же стойко, как и тем памятным декабрьским утром в Волоколамске. На упрек: “Ты же на ногах еле стоишь!” — даже сплясал, стиснув зубы от боли. Но своего добился.

Окончив ускоренные курсы военной академии, был направлен на фронт, в самое пекло. В ходе Балатонской операции наша 6-я гвардейская танковая армия блокировала в районе Секешвехарвара 6-ю армию СС. Яростно пытаясь разорвать кольцо окружения, фашисты не жалели сил и боеприпасов. Артиллерийский снаряд разорвался рядом с командным пунктом, выбив из строя командира и начальника штаба бригады. И тогда находящийся здесь же капитан Завизионов взял управление на себя. И выполнил эту миссию с честью, по праву заслужив второй орден Красного Знамени.

А после были Будапешт, Вена, Прага, переход через пустыню Гоби во фланг Квантунской армии... Закончил войну “не годный к строевой” танкист гвардии майор Гавриил Завизионов комендантом Порт-Артура, где и был награжден орденом Отечественной войны I степени.

Танк № 171

Ну и кем после этого мог стать Юрий Завизионов? Человек — не спичка, ему не все равно, в какой коробок лечь. И потому, конечно же, танкистом, тут двух мнений быть не может. На всех его детских рисунках “мчались танки, ветер обгоняя”, с большими красными звездами и флагами на башнях. А как-то, 23 февраля, девочки-одноклассницы подарили

ему игрушечный танк с бортовым номером 171, занявший почетное место среди его поделок и раритетов. И одному Юрию известно, сколько раз в мальчишеских грезах представлял он себя командиром этого танка, которому в его стремительном движении к победе ни снаряд, ни мина были ни почем.

Воистину неисповедимы пути Господни. Когда Юрий, вчерашний выпускник танкового училища, прибыл к своему первому месту службы, ротный, представив взвод и технику, сказал: “А вот эта машина, первая в ряду, твоя, лейтенант”. Каково же было удивление Завизионова, когда он увидел на башне теперь уже действительно своего танка столь знакомый и дорогой его сердцу номер 171! Ну разве не мистическое совпадение? А может, просто судьба...

Впрочем, не столь уж гладким, как может показаться на первый взгляд, был путь юноши от игрушечного танка к боевому. Сначала призывная комиссия едва не выбила его из седла, признав не годным к службе в Вооруженных силах по нелюбой, по мнению Юрия, причине — плоскостопию. Не сдался: уговорил, убедил, умолил ее председателя ветерана Великой Отечественной войны военврача Курилкину, что без армии ему нельзя. В память об отце-фронтовике, к сожалению, недолго пожившему на белом свете (сказались старые раны) после Победы, — должен слушать.

Прибыл по комсомольской путевке в Ташкентское высшее танковое ордена Ленина училище имени дважды Героя Советского Союза маршала бронетанковых войск П.С.Рыбалко и снова угодил в засаду. А точнее, на очередную пледкомиссию, председатель которой майор медицинской службы Сабиров не человек — броня, приговорил: не годен!

Мало кто был устоял в этом неравном поединке молодого парня с целой системой. Но он уже мысленно видел себя в танке, а танки, как известно, не только грязи — они и препятствий не боятся. Трудно сказать, о чем думал майор Сабиров, глядя в глаза упрямому юноше. Однако факт остается фактом — неприступная и грозная (во всяком случае, с виду) крепость пала. Только и сказал офицер, напустывая: “Сам не пожалей о своем выборе, паренек. Тебе труднее других придется...”

Прадед Ю.Г. Завизионова
Селиверст Гаврилович,
1915 г. (слева)

А на легкую службу Юрий и не рассчитывал. Да и кто рассчитывает на это, выбирая профессию офицера? Тем паче что доблесть и покой все равно никогда не уживаются под одной крышей.

Дорога длиною в службу

Еще великий Цезарь считал: умение вовремя воспользоваться случаем — одно из важнейших качеств полководца. И хотя до вождения полков Юрию Завизионову предстояло подмять под траки еще не одну тысячу километров танковых директрис, на взводе долго не засиделся. Как, впрочем, и в лейтенантах. Подвернулся тот самый слу-

Тимофей Викторович Завизионов,
дед (слева) 1946 г.

чай — войсковые корпусные учения “Кавказ”, проводимые у подножия горы Алгет. С обстановкой, как и предполагается, максимально приближенной к боевой (парадокс времени: став полковником, а позднее и генералом, Юрий Гаврилович на том же Кавказе не жалел сил, чтобы, напротив, максимально приблизить боевую обстановку к мирной). А тогда, готовясь к учебному бою, он предложил командованию нестандартную тактику штурма укрепленного пункта условного противника и, в частности, использования холмистой местности для танковой атаки под гору на нейтральной передаче. В результате боевые машины выскочили к позициям “супостата” столь неожиданно, что он и глазом моргнуть не успел — на скорости свыше 70 км в час. Наблюдавшие за ходом учений с высоты Министерская (подходящее название) министр обороны СССР Маршал Советского Союза А.А.Гречко и видные военные чины Франции и Турции подобной прыти от танков даже не ожидали.

По горячим следам учений очередное воинское звание “старший лейтенант” досрочно согрело душу молодого командира танковой роты. А спустя несколько лет капитан Завизионов с должности начальника штаба танкового батальона без особых хлопот поступил в Военную орден Ленина и Октябрьской Революции, Краснознаменную академию бронетанковых войск имени дважды Героя Советского Союза Маршала Советского Союза Р.Я. Малиновского, который и окончил с красным дипломом.

Есть у Федора, старшего сына Юрия Гавриловича, скажем так, допризывный фотоальбом, с документальной точностью зарегистрировавший наиболее значительные моменты его детства, отрочества и ранней юности. С его помощью проще всего проследить географию послеакадемической службы отца.

Так вот, родился Федор Юрьевич в 1982 году в Москве и спустя несколько месяцев переехал в Заполярье, где и сделал свои первые самостоятельные шаги по земной тверди. Правда, до Мурманска ему пришлось кочевать вместе с родителями из поселка в поселок еще три года. Но и в этом городе Федор Юрьевич не задержался. Через год оказался под Выборгом. Затем по году соответственно прожил в двух малоизвестных на карте поселках Карелии, пока не замкнул круг, вернувшись в Москву. Чтобы, не обременяя себя распаковкой чемоданов, тут же податься в Западную группу войск. И когда пришла пора идти в школу, он именно оттуда, “из Германии туманной привез учености плоды” прямым путем в оренбургские степи. И едва успев запомнить имена очередных новых одноклассников, сделал бросок на восток — в Новосибирск. Разумеется, ненадолго...

Любопытно, что без малого через десять лет, когда Юрий Гаврилович уже постигал высшие армейские премудрости в Военной академии Генерального штаба, к ним приехал с лекцией Маршал Советского Союза В.Г.Куликов. Фронтовик, в свое время первый заместитель министра обороны СССР и главнокомандующий Объединенными вооруженными силами стран — участниц Варшавского Договора, отметивший

свое 75-летие, он начал выступление со слов: “Вся моя военная служба — сплошная дорога. Мне 17 раз пришлось переезжать с места на место...” И тут все слушатели, не сговариваясь, сочувственно посмотрели на полковника Завизионова, за плечами которого к тому моменту было уже 22 переезда. А ведь впереди были распределение и изрядный кусок службы.

Но еще до поступления в Академию Генштаба в биографии Юрия Гавриловича произошло одно событие, внесшее существенные коррективы в его жизнь. Судьба распорядилась так, что, идя по стопам отца, он в итоге умудрился исполнить наказ и дед-чекиста. Тогда, в начале 90-х, эксперименты руководства страны над армией и флотом официально называли военной реформой, одной из составляющих которой было так называемое планомерное сокращение Вооруженных сил. По живому резали. Многие офицеры, в том числе боевые, прошедшие Афган и все горячие точки бывшего Союза, не выдержали мощного психологического прессинга и, не дожидаясь, пока их выбросят за ворота КПП, как отработанный шлак, сами ушли. Нелегко отступить, не теряя бодрости духа. А Юрий Гаврилович решил для себя так: коли надел он погонны не по прихоти амбициозных чиновников, то в угоду им ни в коем случае добровольно военную форму не снимет. И написал рапорт о переводе во внутренние войска.

А после была война...

И началась она для полковника Завизионова в начале 1995 года, когда его включили в состав оперативной группы, занимавшейся планированием и подготовкой специальных операций сначала в Аргуне, а затем в Гудермесе. К слову, довольно успешных операций, особенно последней. Впрочем, успех любой военной акции всегда определялся достижением поставленных целей и сохранением личного состава. Для любого мало-мальски сведущего в военном деле человека это аксиома. Кроме разве что “полководца” Павла Грачева. Навсегда в памяти Юрия Гавриловича запечатлелась жуткая картина, свидетелем которой он стал на площади Минутка в Грозном. Именно там боевики, по сути, безнаказанно сожгли батальон того самого единственного в России полка на БМП-3, которым полковник Завизионов в свое время имел честь командовать. Позднее применение бронетехники в условиях города высшие военные чины деликатно называли просчетом. А почему не преступлением? Сколько людей положили...

Когда по возвращении из спецкомандировки Юрию Гавриловичу предложили сразу две должности — старшего офицера главка (“параллельные” брюки, нормированный рабочий день, вечера и выходные в кругу семьи) и командира части на Северном Кавказе (без всего вышеперечисленного), он, недолго раздумывая, остановил свой выбор на последней.

Свидетельствую: Завизионов — человек с феноменальной памятью, способный часами, при наличии времени, конечно, с увлечением рассказывать о боевых друзьях

однополчанах своего отца (вот уже почти 30 лет он занимается историко-архивными исследованиями их биографий). Даты сражений, населенные пункты, полные наименования частей и соединений, места захоронений, имена и адреса вдов и детей погибших фронтовиков он помнит все до мельчайших подробностей. И в то же время из него слова не вытянешь, когда речь заходит о боевых действиях, в которых довелось участвовать ему со своей частью. Может, оттого, что одним из девизов его жизни стали материнские слова: "Никогда не говори о себе громко, пусть другие скажут о тебе хотя бы тихо"? Или слишком свежи раны в его душе? А может, уверен, что каждый из 124 погибших и сотен вернувшихся солдат и офицеров достоин отдельной повести, и рассказать о нескольких, не упомянув остальных, вроде как несправедливо, нечестно, неправильно.

Из других источников удалось почерпнуть отдельные, разрозненные факты о том, сколько жизней сумел сберечь полковник Завизионов. Это именно благодаря его умелым действиям боевики не залили бензином и не спалили 13-й КПП. В другой раз не столько во исполнение буквы инструкции, сколько вопреки ей, он спас экипажи нескольких подбитых бандитами вертолетов. А как-то боевики, используя едкий дым, попытались выкурить из укрытия бойцов одной из застав части. Аккурат на расстоянии дальности прямого выстрела. И, вероятно, выкурили бы и пощелкали бы всех, как в тире, не вмешайся в ситуацию командир.

196 специальных войсковых операций — это материал не для журнальной публикации, а для книги, что сродни боевой летописи. И она еще ждет своего автора. Может, потому и не хочет Юрий Гаврилович вспоминать отдельные фрагменты войны, лукаво именуемой контртеррористической операцией, ибо каждый из его подчиненных имеет право хотя бы на одну страничку в этой книге.

А в 2003 году генерал-майор Завизионов, первый заместитель командующего войсками Сибирского округа внутренних войск, выполнял не совсем обычные для него обязанности — коменданта Грозного. Сам признается, иной раз в боестолкновениях с бандитами легче было. Навалились неподъемным грузом хозяйственно-бытовые проблемы грозненцев, одна другой сложнее — не продохнуть. Проще перечислить, что тогда было в столице Чечни — пальцев на руке хватает, нежели то, чего хронически не доставало. Практически всего — воды, света, газа, отопления, пенсий и иных социальных выплат. С любой бедой люди шли к коменданту. И ни один человек ни разу не услышал от коменданта отстраненно-прохладного: "Не в моей компетенции", хотя, честно признаться, большинство проблем изначально находились в зонах ответственности представителей местных органов власти. Ну и, естественно, не оставались вне поля зрения генерал-майора Завизионова ветераны Великой Отечественной (а в Грозном их 83 человека), ровесники его отца, если бы ему, конечно, посчастливилось дожить... Ютились они в убогой хозяйственной подсобке роддома, а Юрий Гаврилович "пробил" им добротный, просторный вагончик, установил его в безопасном месте (ведь по-прежнему стреляют и взрывают), обставил мебелью. Неподалеку возвели стену памяти с именами всех чеченцев — Героев Советского Союза и Героев России. Само собой, зажгли Вечный огонь. Что ж, по заслугам и честь.

Офицеры Завизионовы: продолжение следует

Так уж жизнь армейская устроена: боевые офицеры всегда хоть чуточку, но должны своим детям — внимания, заботы, участия, теп-

ла... Двоих сыновей, можно сказать, уже подняли на ноги Юрий Гаврилович и его жена Ирина. Оба окончили Московское суворовское училище, с детства определившись, "делать жизнь с кого". Сегодня старший, Федор — лейтенант, выпускник Военно-инженерного университета имени В.В.Куйбышева, Александр — курсант Новосибирского высшего военного училища внутренних войск.

Парни без тени сомнения избрали отцовскую дорогу жизни. А часто ли видели они отца? Из родительного дома он их, счастливый и гордый, с огромными охапками цветов, сначала Федора, а через пару лет Александра... не забирал: как назло, и в первый, и во второй раз служба скрутила по рукам и ногам. И хоть и говорят, что незаменимых у нас нет, а заменить Завизионова оказалось некем. В первый класс, немного настояренных, нарядных, в новеньких костюмчиках, с блестящими ранцами за плечами и традиционными букетиками... не отводил. Когда поступали поочередно в суворовское училище — не помогал, не прикрывал и, увы, не присутствовал. Как, впрочем, и на выпусках. Правда, в последний раз, когда выпускался Александр, твердо решил Юрий Гаврилович: хоть потоп, хоть землетрясение — обязательно буду. А в ту минуту, когда младшему Завизионову вручали документ об окончании "кадетки" и он жадно высматривал в толпе родителей папины усы, старший уже был в воздухе, в самолете, следующем рейсом Москва — Грозный. Ничего не поделаешь — нештатная ситуация.

Гордится сыновьями Юрий Гаврилович и, как всякий отец, беспокоится об их будущем. Казалось бы, чем сегодня военная служба не хороша? Особенно после принятия нового положения о ее прохождении: за 13 лет можно от лейтенанта до полковника дорости, только должности подавай. Но это — с одной стороны. А с другой, при таких темпах роста они и опыта поднакопить не успеют: нахвалятся вершков, а до корешков руки не дойдут.

Тревожится Юрий Гаврилович, и вполне обоснованно: полковников наплодим — полков на всех не хватит, а толковые практики на вес золота будут. Тем паче нынешняя система боевой подготовки прежней в подметки не годится. К примеру, кого раньше удивляли дивизионные учения с боевой стрельбой? А сейчас ротные учения — уже событие, из ряда вон выходящее. Чуть ли не государственного масштаба. И "Красная звезда" о них с восторгом пишет, и наблюдают за их ходом, как минимум, заместители министра обороны и члены правительства. Нонсенс!

Да и выпускник военного училища нынче, увы, не тот пошел. Танкисты танков толком не знают, мотострелки оружие пристрелять не могут. До абсурда порой доходит. Проводил как-то тактические занятия Юрий Гаврилович. И вот в самый разгар "боя" молодой офицер вызывает себе на подмогу огонь минометной батареи, а координаты почему-то не указывает. "Назовите точку на карте", — поправляет его Завизионов. А в ответ слышит: "Видите надпись 'Парк культуры'? Так вот — огонь под нижней срез буквы 'ы'! И смех и грех. Как в том "бородатом" армейском анекдоте, помните? Голос командира по рации: "Десятый, я Первый, доложите, где вы находитесь". "Первый, я Десятый, полчаса назад вышел за пределы карты"...

Хотя во многом напрасно беспокоится генерал Завизионов: Федор и Александр не из обычного теста слеплены. Оно и понятно, их бесценное наследство — героические биографии дедов и прадедов, все минувшее столетие защищавших Россию. А перед глазами достойный пример старшего по званию в роду Завизионовых — отца. Впрочем, пока — старшего по званию. Ведь дети-то растут. А стало быть, продолжение следует.

Александр УШАР,
подполковник запаса
Фото Владимира НИКОЛАЙЧУКА,
Елены ХИЛЬКО
и из семейного архива ЗАВИЗИОНОВЫХ

От редакции. В феврале этого года в ГЦКЗ "Россия" по инициативе Межрегионального общественного фонда содействия сохранению и развитию патриотических и культурных традиций "Армия и культура" прошла Всероссийская общественно-патриотическая акция "Есть такая профессия — Родину защищать". Генерал-майор Юрий Завизионов в номинации "Долгосрочная ратная служба" был удостоен почетного диплома и награжден золотой статуэткой Святого благоверного князя Александра Невского, что свидетельствует о признании обществом заслуг боевого генерала.

Память, увековеченная в камне

День Победы — это не только праздничные салюты, знамена, музыка, цветы, всенародное ликование. Это еще и день скорбной памяти о погибших в войне миллионах людей, подвиг которых увековечен в камне и бронзе...

Сегодня на территории нашей страны воздвигнуты сотни памятников, открыты тысячи мемориальных досок в память о погибших в годы Великой Отечественной войны. Мемориалы славы есть практически в каждом большом и маленьком городе. Установлены они и на территории воинских частей внутренних войск. И в дни торжеств, и в будни приходят к ним люди, чтобы низко поклониться тем, кто отдал свою жизнь ради мира и свободы...

У деревни Хлуднево под Калугой в январе 1942 года сражался и погиб отряд ОМСБОНа войск НКВД. Лыжники под командованием старшего лейтенанта Кирилла Лазнюка получили задачу перейти линию Западного фронта, занять и удерживать до подхода основных сил деревню Хлуднево. 35 воинам-чекистам противостояла рота гитлеровцев. В жестоком бою фашистов удалось выбить из деревни. Наши бойцы понесли потери. Ранены были командир и комиссар отряда. На помощь немцам двинулись танки... Атаки следовали одна за другой. В неравном бою многие омсбоновцы пали смертью храбрых.

Сегодня об этом напоминает установленный в поле высокий монумент. Здесь же находится братская могила. В 1999 году, накануне Дня Победы, в ней нашли последний приют останки 393 солдат, которые поисковые отряды отыскивали на местах боев в калужских лесах.

Подвиг воинов-чекистов, совершенный в годы Великой Отечественной войны, достойно запечатлен в монументах на территории Санкт-Петербурга. В 1946 году по жертвования ленинградцев на проспекте Народного ополчения установлен памятник бойцам 21-й стрелковой дивизии НКВД. Надпись на постаменте гласит: "На этом рубеже 18 сентября 1941г. героические защитники Ленинграда остановили германские войска и заняли несокрушимую оборону".

21-я стрелковая дивизия НКВД была развернута из стрелковой бригады НКВД, несшей службу по охране объектов на территории Ленинградского военного округа. Она начала свой боевой путь на Карельском перешейке, где вела тяжелые бои с превосходящими силами фашистов. А потом была оборона Ленинграда.

В своих мемуарах Г.К. Жуков писал: "В отражении удара через Лигово на Ленинград особенно отличились 21-я стрелковая дивизия М.Д.Папченко, 6-я бригада морской пехоты полковника Д.А.Синочкина..." Позже дивизия принимала активное участие в боях по деблокадированию Ленинграда зимой 1943 года и в полном снятии блокады зимой 1944 года.

На позициях 21-й дивизии в поселке Лигово, ныне входящем в черту города, в 1946 году был поставлен один из самых первых памятников защитникам Ленинграда.

Мемориальная доска штаба 21-й стрелковой дивизии НКВД открыта на территории трамвайного парка им. Котлякова на проспекте Стачек.

В самые тяжелые дни обороны Ленинграда, когда

враг уже прорвался на трамвайные пути, ведущие к Кировскому заводу, вопреки всем уставным требованиям командир дивизии разместил свой штаб буквально в пятнадцати минутах ходьбы от передовой. Трамвайный парк имени Котлякова стал последним рубежом обороны города, за который не могли отступить бойцы дивизии. На этом рубеже они должны были либо погибнуть, либо выстоять. И бойцы дивизии выстояли! Прорваться к штабу дивизии не смог ни один вражеский солдат. В 1985 году, в год сорокалетия Победы, на одном из корпусов трамвайного парка имени Котлякова была открыта мемориальная доска.

В октябре — ноябре 1941 года под Невской Дубровкой жестокие бои с фашистами вела 20-я стрелковая дивизия НКВД. Бои за Невский пятачок начались 19 сентября 1941 года и носили кровопролитный характер. Военнослужащим дивизии достался очень серьезный противник — элитная 7-я авиадесантная дивизия вермахта, солдаты которой практически без серьезной поддержки весной 1940 года разгромили английский экспедиционный корпус и двадцатитысячный гарнизон греческой армии, захватили большое количество пленных и богатые трофеи. Фашистская дивизия была хорошо вооружена. В то же время в дивизии НКВД даже не в каждом взводе имелся ручной пулемет! И все же наши бойцы дрались отчаянно. Если враг и отбивал свои позиции, то только после того, как погибали все их защитники.

После боев на Невском пятачке 7-я авиадесантная дивизия вермахта перестала существовать. Сейчас на месте тех боев сооружен мемориал. Его авторы отказались от традиционного перечисления номеров дивизий, сражавшихся здесь, ограничившись эпитафией на "Рубежном камне": "Вы, живые, знайте, что с этой земли мы уйти не хотели и не ушли. Мы стояли насмерть у темной Невы, мы погибли, чтоб жили вы".

Монументы, посвященные участию внутренних войск в битве за Кавказ, установлены и во Владикавказе. Это прежде всего памятник командиру отделения роты автоматчиков орджоникидзевской дивизии НКВД младшему сержанту Петру Барбашову: в решительную минуту боя 9 ноября 1942 года он закрыл своим телом амбразуру вражеского дзота. Памятник расположен в 7 км от столицы Северной Осетии — Алании у поселка Гизель. Мемориальный комплекс на братской могиле защитникам Кавказа увековечивает память 86 защитников г. Орджоникидзе (Владикавказ), погибших в 1942 году, — воинов орджоникидзевской дивизии войск НКВД и училища НКВД.

Памятник воинам-дзержинцам, павшим при защите Родины в годы Великой Отечественной войны, был открыт 21 октября 1967 года на территории соединения. Воины-дзержинцы активно участвовали в боевых действиях на московском направлении, обеспечивали общественный порядок и вели борьбу со шпионами и диверсантами в Москве и на подступах к ней. При закладке монумента присутствовал почетный красноармеец дивизии Маршал Советского Союза Семен Михайлович Буденный. Спустя несколько лет бывший боец бронепоезда имени Я. М. Свердлова Даниил Никифорович Волков зажгет Вечный огонь у его подножия.

В 1980 году в память о погибших в боях за Родину воздвигнут монумент на территории военного городка Московского округа внутренних войск. Право зажечь Вечный огонь было предоставлено участнику войны, ветерану части старшему прапорщику В. Ткачеву.

И это лишь маленькая страница подвига воинов внутренних войск в годы Великой Отечественной войны. И она не перевернута, писать ее продолжают нынешние солдаты и офицеры.

Камень и бронза живут дольше, чем люди. Но именно люди, и только они, дают бессмертие всему, что сделано их руками. Боевой подвиг военнослужащих войск правопорядка в годы Великой Отечественной войны сделал бессмертным камень и бронзу монумента.

Подполковник Сергей КОЛЕСНИКОВ
Фото из архива автора

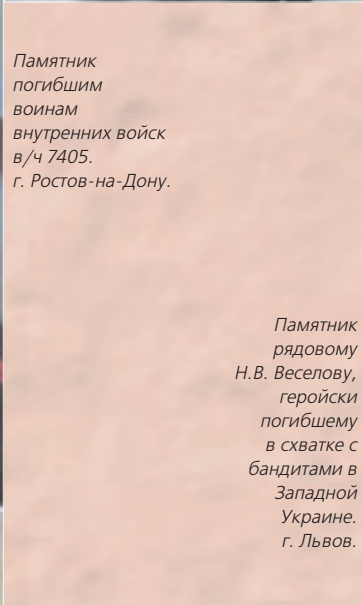

Мемориальный комплекс на братской могиле защитникам Кавказа. г. Владикавказ

Принятие военной присяги у памятника
воинам-дзержинцам.

Памятник
погибшим
воинам
внутренних войск
в/ч 7405.
г. Ростов-на-Дону.

Памятник
рядовому
Н.В. Веселову,
геройски
погибшему
в схватке с
бандитами в
Западной
Украине.
г. Львов.

Воинам 4-й дивизии
войск НКВД –
защитникам Киева.

24 мая исполняется 100 лет со дня рождения М.А. ШОЛОХОВА — великого русского писателя, лауреата Ленинской и Государственных премий, дважды Героя Социалистического Труда, лауреата Нобелевской премии в области литературы.

ПОЛКОВНИК ШОЛОХОВ

1942: НА ПЕРЕДОВОЙ

...Тяжелая контузия — капонирировал во время посадки самолет (живыми остались только писатель и летчик). Но досрочно покинул госпиталь и отверг предложение Сталина долечиться в Грузии.

В октябре отправил телеграмму в редакцию: "Здоров. Прошу санкционировать совместную поездку Карповым (ответсекретарь "Красной звезды". — В.О.) Сталинградский фронт".

Сообразил — уж набрался фронтового опыта, — что быть здесь главному сражению.

Он стал среди воюющих своим. Сохранились воспоминания одного земляка-фронтовика. "Михаила Александровича я разыскал в небольшом окопчике. Чтобы попасть в него, от КП надо было ползти не менее двадцати метров. Именно ползти: немцы рядом, и снайперы их, конечно, не спят.

Шолохов и пожилой солдат сидели на ящике из-под гильз, парень лет двадцати — плечистый, с белесыми бровями, тоже в плащ-накидке — у стены окопа. Усатый тихо говорил:

— Оно как кому повезет, однако... Вот мы с Митькой — сын это мой — уже четыреста шестнадцать ден воюем, и ни царапины. А другой, гляди, только придет в роту и пульнуть-то по фрицам не успел — уже готов. Вот оно как... А ты кто же будешь-то? Партийный инструктор? — неожиданно спросил он у Шолохова.

— Да что-то вроде этого...

— Газетки на пару закруток не найдется?

Газеты у Михаила Александровича не нашлось. Солдат досадливо поморщился, но Митька дал ему небольшую книжонку.

— Ошалел ты, что ль! Такую книжку — на закурки, соображать надо, однако...

Речь шла о недавно появившемся рассказе Шолохова "Наука ненависти". Усач добавил:

— Это такая наука, что без нее нашему брату никак нельзя, ну никак, понимаешь? Писал эту книжку не простой человек... Все знает, однако. Душа у него солдатская, понимаешь? Он по окопам, как ты, запросит. Приходит, садится, говорит: "Покурим, братцы? У кого покрепче?" Душа...

Неожиданный бой начался. И Митьку убило. От очевидца осталось свидетельство: "Дымилась земля, снаряды рвали ее в клочья, гарь ползла по окопам, а солдат все стоял на коленях, недвижимый, как памятник сыну. Шолохов склонился над убитым парнем, взял его руку в свои ладони, крепко сжал ее... Лицо его вдруг посерело, на висках взбухли бугорки вен, а в глазах была мука... Рота пошла в атаку. Сибиряк наклонился над сыном, губами прижался к его лбу, сказал чуть слышно: "Прощай, Митька. Вернись — похороно".

Воспоминания еще одного сталинградца: "Солдаты нашего окопа сразу узнали в полковнике Шолохова. Я и говорю ему: "Может, вы, Михаил Александрович, и молитву какую от пули знаете?" — "Знаю, — отвечает. — И те молитвы, что имеются в "Тихом Доне", и новые, но сейчас у меня на уме и в сердце одна, начинается она, други мои, так: "Во имя отца и сына и матери моей — ни шагу назад!" Помолчал, затынулся дымком махорки и говорит: "А хочется хорошее написать". — "Что же?" — "А то, как вы сражаетесь за Родину. Вот хожу по окопам, присматриваюсь, учусь у вас, изучаю солдатскую жизнь, бывальщину, а потом напишу, обязательно..."

Он уже замыслил роман "Они сражались за родину". (Надо знать: автор просил писать в названии романа слово "родина" с маленькой буквы. Явно не хотел искусственной пафосности.) Мечтал о трилогии. Жаль, что не получилось. Вина на Хрущеве и Брежневеве — препятствовали, ибо боялись, как будет отображен Сталин. Но и последствия контузии, затем два инсульта, диабет и рак тоже оказались роковыми для творчества.

1941: ПЕРВЫЙ ВЫСТРЕЛ ПО ВРАГУ

Первый день войны. По радио слово наркома Молотова с оповещением: "Дан нашим войскам приказ — отбить разбойничье нападение и изгнать германские войска..."

Уже к обеду зачитан Указ "Об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения". И ничего не осталось от радужных посулов, ибо война обозначалась не только для границ, но уже даже для Дона и Москвы.

Второй день. В Москву уходит телеграмма: "Наркому обороны Тимошенко. Дорогой товарищ Тимошенко. Прошу зачислить в фонд обороны СССР присужденную мне Сталинскую премию..." Далее шло: "По Вашему зову в любой момент готов встать в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии и до последней капли крови защищать социалистическую Родину и великое дело Ленина — Сталина". Подпись: "Полковой комиссар запаса РККА писатель Шолохов".

26 июня. В "Правде" заметка "Митинг в Вешенской". Это провожали первых новобранцев. Отмечено: "С теплой напутственной речью обратился к казакам депутат Верховного Совета писатель-академик М.Шолохов". Он произнес: "В этой отечественной войне..." Уже понял: война примет всенародный — отечественный! — характер, и не быть ей легкой и скорой.

Вскоре главный редактор главной военной газеты "Красная звезда" оповестил телеграммой: "Явиться к месту назначения". И просьба: написать что-нибудь о настроениях казаков.

Редактор оставил воспоминания: "Шолохов явился раньше, чем мы ожидали... Был вооружен — сдал очерк "В казачьих колхозах". В конце вместо пустых назиданий взглянул в далекую историю, которая, однако, так сейчас близка читающим, и не только казакам: "Дед мой с Наполеоном воевал и мне, мальчишке, рассказывал. Перед тем как войной на нас идтить, собрал Наполеон ясным днем в чистом поле своих мюратов и генералов и говорит: "Думаю Россию покорять. Что вы на это скажете, господа генералы?" А те в один голос: "Никак невозможно, ваше императорское величество, держава дюже серьезная, не покорим". Наполеон на небо указывает, спрашивает: "Видите в небе звезду?" — "Нет, — говорят, — не видим, днем их невозможно узреть". — "А я, — говорит, — вижу. Она нам победу предсказывает". И с тем тронул на нас войско. В широкие ворота вошел, а выходил через узкие, на силу проскочил. И провожали его наши до самой парижской столицы. Думаю своим стариковским умом, что такая же глупая звезда и этому германскому начальнику привиделась..."

Через несколько дней ему команда выехать специальным корреспондентом на Западный фронт, в войска будущего маршала Конева.

1943: НЕИСПОЛНЕННАЯ ПРОСЬБА АМЕРИКАНЦА

Июнь. Рузвельт, президент США, читает шифровку от премьер-министра Англии Черчилля, который оказался в тиши уютных пригубл-тарских побережий: "Купание приносит мне огромную пользу..."

Гитлер отдал приказ переходить в контрнаступление под Курском — готовились пятьдесят дивизий. Сталин повторяет союзникам требование открыть второй фронт и оттянуть хотя бы часть фашистов из России.

Черчилль предлагает написать ему: "Если бы бросили сотни тысяч человек через Канал (Ла-Манш) в гибельное наступление... это могло бы вызвать у нас крайне дурные настроения".

Шолохов отозван с фронта. Ему передали просьбу Комитета американской помощи России написать письмо американцам в связи с приближающейся годовщиной мировой войны. Возбудился:

— Что написать? Да и для чего? Вчера я встретился с одним американцем. Так в разговоре со мной он сказал: если в моем романе будут рассуждать о необходимости более активного участия союзников в войне, чем оказание материальной помощи, то это может обидеть американцев.

Подытожил весомо и значимо:

— Убежден, что жизнь миллионов американцев, свобода и независимость каждого из них прежде всего зависят от разгрома гитлеровской Германии. И я призываю американский народ вступить в бой вместе с нами.

Все-таки появилось "Письмо американским друзьям". Уговорили. В нем немало добрых и уважительных слов об Америке, но заканчивал без обиняков, чтобы тут же проняло: "Нельзя из этой войны выйти, не запачкав рук. Она требует пота и крови. Иначе она возьмет их втрое больше. Последствия колебаний могут быть непоправимы. Вы еще не видели крови ваших близких на пороге вашего дома. Я видел это, и потому я имею право говорить так прямо..."

...Перечитываю Шолохова, и вспомнилось: в канун празднования западными лидерами, в 2004-м, юбилея высадки войск в Европу президент США Буш перечислил всех союзников — кроме СССР!

1944: РАССКАЗ, РАСТВОРЕННЫЙ В РОМАНЕ

Идет нелегкий, все еще в крови, но уже широкий разгром фашистов. Потому-то у войны все чаще новые приметы.

Февраль. Нашлось время провести пленум Союза писателей. Шолохов почему-то не выступил. Дон для него оказался важнее, чем пленум. Шлет в свои Вешки, секретарю райкома партии, телеграмму: "7 был Андреева тч Немедленная помощь обещана тчк Привет Шолохов". Это он поминает фамилию наркома земледелия. То итог обращения писателя с просьбой помочь Дону: там не только военный разор, но и засуха. Москва не отказала. Выделила ссуду зерном на семена и продовольствие, а еще комбайны и трактора, даже строительный лес.

Земляки оценили заступничество. Шолохову передали с одного колхозного собрания такую "речь": "У меня пятеро детей, муж убит на войне. Хату разбило бомбой. Живу в блиндаже. Думала — погибну, и вот радость. Мне дали лес, делают хату, выделили 30 пудов зерна. Теперь я снова живу. Дорогие товарищи, передайте Михаилу Александровичу от всех вдов низкий поклон и пожелания ему здоровья и счастья".

...В 2003 году сын Шолохова выпустил замечательную книгу воспоминаний "Об отце". Среди множества новых фактов из жизни великого творца здесь и недописанный рассказ "Матвей Калмыков". Жаль, что не завершил. Наверное, военный читатель воспринял бы как свою историю главного героя, казака и колхозного бригадира. Уже одно чего стоит — отчаянный вскрик новоиспеченного солдата, когда на марше был сброшен взрывом немецкой бомбы в вонючую лужу: "В ярости вскочил он на ноги, задрал вверх голову и отплевываясь, сотрясая кулаками, заорал:

— Силен ты, сукин сын, кидать на безоружных! Попадись мне на фронте, такую твою мамашу!.. Попадись только, я тебе дырок наверчу!"

Русский характер!

Правдив в рассказе. Отдал право высказать тяжкую горечь отступления молоденькому командиру роты:

— На рассвете или утром ожидается наступление противника. Наверное, будут танки с его стороны. У нас пока их нет, временно нет. Атаки придется отражать своими силами. Главное — не робеть и ни в коем случае не бегать от танков. Без моей команды не отходить ни на шаг, помните это твердо. Обычай есть у нас такой хороший: трусов, покидающих в бою товарищей, стрелять самим, не дожидаясь, когда убьют их немцы... Ну, занимайте места...

Новые откровения. Это Шолохов нашел для литературы новый срез отношения к войне, так и кажется, что проникся опытом Льва Толстого с его капитаном Тушиным из "Войны и мира": "Матвей не помнил подробностей отбитой атаки и пришел в себя, только когда немцы откатились. Стоя на коленях, он дрожащими руками свернул цигарку. Руки и ноги его ныли, мокрая от пота рубаха прилипла к спине, и во всем теле было такое ощущение, будто он долго и тяжело работал. "Вот она, оказывается, какая тяжелая, эта проклятая война! Будто десятинку выкосил или стог сметал", — подумал он, обессилено вытирая рукавом шинели мокрый от пота лоб".

1945: ПОБЕДНАЯ ТЕЛЕГРАММА

Май! Победа! Шолохов вернулся с 3-го Белорусского фронта — Восточная Пруссия. Ему из "Правды" в Вешенки — звонок-просьба: срочно диктуйте... Продиктовал: "Гордость за родную Красную Армию, за наш великий народ, любовь, наша глубочайшая признательность великому Сталину — вот чувства, неразделимо владеющие нашими сердцами в День Победы".

По-шолоховски немногословно, и как бы ни был ликующим порыв, а хватило рассудительности на четкую расстановку понятий: сперва армия и народ, только потом Сталин.

Всего сорок лет исполнилось ему в тот победный месяц.

"Правда" на следующий день поместила небольшую заметку "На родине Михаила Шолохова". Она отразила — пусть всего в двадцати строках всенародную любовь к юбиляру: "Во всех колхозах и МТС, школах Вешенского района прошли собрания... Вчера вечером в районном доме культуры состоялось многолюдное собрание... Замечательные романы... На имя тов. Шолохова поступило много приветственных телеграмм со всех концов страны..."

Пришла телеграмма из Воронежа от одного приятеля военных лет. Он напомнил, каково приходилось творцу в войну один на один с совестью: "Помню, Михайло, когда сообщили в феврале 1942 года, что убит на фронте писатель Кацман, ты очень рыдал..."

Помню, ты говорил: "Левко, никогда не поверю, что Артем Веселый враг народа..." Помню, прилетела из блокадного Ленинграда Ольга Берггольц и читала свой "Февральский дневник", ты ребенком рыдал... Помню, как Петр Андреевич Павленко, узнав, что ты не хочешь идти в бомбоубежище, приказал отнести тебя..."

К концу июня пришлось вспоминать про свое уж основательно забытое в войну депутатство. Приглашен участвовать в работе сессии Верховного Совета. Он голосует за тот закон, который так ждут по всей стране — о демобилизации, пусть пока еще только военное старших возрастов.

Писатель с супругой приглашен на прием в честь Победы. Каково отвыкшему от протокольных торжеств полковнику и измотавшейся в переездах-эвакуациях станичнице в зале, где руководители партии и правительства, маршалы, выдающиеся военные конструкторы, уцелевшие члены ЦК, министры, дипломаты, депутаты, знаменитые артисты...

...Вешенца торопят с военным романом. Он непреклонен: "Еще много неуставшего материала. Все требуют, ждуют... Что правильнее: написать хуже того, что было исторически, или не торопиться?"

Октябрь. Шолохова устаивают ордена Отечественной войны. И еще вручается медаль "За победу над Германией".

18 декабря Шолохов демобилизован. В его военном билете запись — полковник в запасе.

В 60-е годы М.А. Шолохов в ознаменование заслуг перед Вооруженными силами в качестве великого баталиста будет удостоен звания генерал-лейтенанта.

Валентин ОСИПОВ,
писатель, лауреат Всероссийской
Шолоховской премии

"И ВСЁ ЗДЕСЬ КАЖЕТСЯ ШОЛОХОВСКИМ..."

Портрет Сергея Федоровича Бондарчука — выдающегося советского актера и кинорежиссера, помещенный на одном из стендов Центрального музея внутренних войск, давно привлекал мое внимание. Портрет не парадный. Это, по сути, кадр, выхваченный из художественного фильма "Судьба человека": к Андрею Соколову, простому русскому человеку, хлебнувшему "по самые ноздри" военного горя, прижимается мальчонка-беспризорник Ванюшка, которого тот решил усыновить. Смотреть со спокойным сердцем на снимок нельзя: вспоминается замечательный фильм, вспоминается прочитанное у Шолохова, и закипает слеза...

Как и когда попал портрет в музей? Что связывало народного артиста СССР, лауреата Ленинской премии с нашими войсками? Как работало ему над экранизацией произведений Михаила Александровича Шолохова, столетний юбилей которого отмечается в нынешнем мае, мне и хотелось узнать из материалов, размещенных на музейном стенде.

Во ВСЕХ справочниках, которые держал в руках, говорилось примерно одно и то же: перед войной в Ростове-на-Дону Бондарчук поступил в училище при театре Завадского, где играли в ту пору такие выдающиеся мастера, как Марецкая, Мордвинов, Плятц, Абдулов. Однако закончить его не успел — ушел с третьего курса на фронт, а после Победы продолжил учебу уже во ВГИКе, в мастерской С.А. Герасимова и Т.Ф. Макаровой.

Ушел на фронт... А куда попал? В какие части? Где воевал и как? Вопросы возникают сами собой. Сергей же Федорович на этот счет особенно не распространялся. Так, иногда заметит в интервью по поводу работы над ролью того же Соколова или Звягинцева из "Они сражались за Родину", мол, я это испытал на собственной шкуре, или я это видел на войне. И все.

Но вот передо мною справка, составленная научным сотрудником нашего музея. Оказывается, свой армейский путь красноармеец Бондарчук начинал в 29-й ростовской бригаде войск НКВД. Был отмечен медалью "За оборону Кавказа". Осенью сорок четвертого переведен в красноармейский ансамбль при 31-й дивизии войск НКВД по охране железнодорожных коммуникаций, в котором находился до сентября 1945-го. Заведовал литературной частью. Во время многочисленных поездок с концертами по частям вел программы ансамбля, читал стихи и прозу.

"Наверное, рано или поздно, но я все-таки пришел бы к картине о Великой Отечественной войне. Хотя бы потому, что сам принадлежу к поколению, которое война застала в расцвете сил, которое принимало в ней участие и отплатило жизнями своими за радость мирной жизни. Война до сих пор живет незаживающей раной в душе" — это строки из книги "Желание чуда", написанной Бондарчуком и подаренной им музею войск в 1982 году. В свое время она вышла массовым тиражом в столичном издательстве "Молодая гвардия". Эту книжку из серии "Мастера искусств — молодежи" при желании может отыскать на библиотечных полках каждый почитатель таланта Сергея Федоровича. Я же процитирую те строки, которых не найти нигде, разве что в архиве у войсковых следопытов, какими являются наши замечательные ветераны-фронтовики В.Д. Кривец и С.М. Штутман:

"В войска я попал из Ростовского театрального училища, где учился на 3-м курсе. Дело прошлое, и можно сказать, в глубине души я тогда считал себя сложившимся актером, постигшим все секреты мастерства. Но я непростительно заблуждался. И это заблуждение обнаружилось в первые же месяцы моего пребывания в боевой обстановке. Я понял, как мало знал жизнь, людей, их душу — все то, без чего нет и не может быть истинного художника...

Я наблюдал, как мои товарищи — простые рабочие и крестьянские парни, одетые в солдатские шинели, под страшными бомбежками спокойно делали свое дело, как по приказу командира шли они взрывать мосты, чтобы не отдать их в руки врага, шли порой на верную смерть. И все это делалось без тени рисовки, немногословно, как будто шла речь о привычном, будничном деле. И вот все, что я наблюдал в боевой обстановке, особенно простота героизма наших людей, которая идет от бесконечной любви к родной советской земле, помогало и помогает сейчас мне в актерской работе..." И

еще: "Служба в войсках убедила меня в правильности избранной мною профессии".

А теперь о Шолохове.

"Мне посчастливилось быть актером и режиссером и даже сценаристом в фильмах "Судьба человека", "Они сражались за Родину", — заметит Сергей Федорович во время празднования 75-летия великого писателя, а в своих мемуарах напишет: "У Шолохова нет ни одной лично им не пережитой, "придуманной" страницы. Недаром он сказал с полным правом о себе: "Я жил и живу среди моих героев... Мне не нужно было собирать материал, потому что он был под рукой, валялся под ногами". Все его книги написаны по горячему следу. Они точно доносят до нас, сохраняют это жаркое дыхание времени. Но, исследуя и постигая конкретную истину своего времени, Шолохов всякий раз выходит к удивительным по своей силе и поэтичности обобщениям непреходящего значения..."

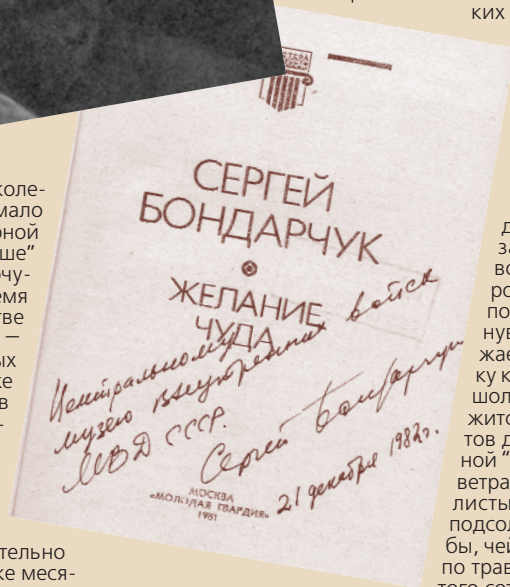
И действительно. Не было бы "Тихого Дона" Шолохова, и иначе воспринимали бы мы сегодня землю Войска Донского. А сейчас выйдешь к Дону, видишь сверкающую и величавую ширь его вод, и все здесь кажется шолоховским. Смотришь на Дон и будто видишь на той стороне в степном мареве Аксинью и Григория, героев "Донских рассказов" и "Поднятой целины". А какая-нибудь проселочная дорога вдруг невольно напечтает тебе о горьких дорогах, по которым вел свой тряский военный грузовик Андрей Соколов из "Судьбы человека".

Уж не чудо ли это, когда писатель берет цвета и запахи родной земли и воплощает их в слове? Так рождается нечто новое, неповторимое, и жизнь — минувшая, ушедшая — продолжается вновь. Протянешь руку к книжной полке, откроешь шолоховский томик, и закружится голова от тонких ароматов донской степи, от прозрачной "граневой тишины утра", от ветра, который шуршал, "перелистывая зеленые страницы подсолнечных листьев", от арбы, чей колышущийся след потек по траве, а рядом "краюхой желтого сотового неба лежало песчаное взгорье".

Что и говорить — истинный художник может обессмертить все, что ни пожелает, к чему ни прикоснется.

И таким художником был Михаил Александрович Шолохов. Таким художником был и наш с вами однополчанин Сергей Федорович Бондарчук (1920-1994), восьмидесятипятилетие которого также пришлось на нынешний год.

Полковник Евгений АРТУХОВ, заслуженный работник культуры РФ, член Союза писателей РФ

Юрий СЕМЕНОВ

ИЗ РАССКАЗОВ О ЧУРАКОВЕ

КРЕПКИЕ ДУХОМ

НОЧЬЮ с крутых высот река представлялась шире и многоводнее. Это потому, что левый берег Сулы изрезан лиманами, топкими заводьями. С восходом солнца, когда растворился заревой туман, река словно бы сузилась, поблескивая холодно, неприветливо. Пора стояла не теплая — вторая половина сентября.

Но в округе осенней яркости еще не было: всюду огрубевшие краски задержавшегося лета. Бывало, самой ранью народ уже на ногах: в поле, у реки, возле хат. А теперь пусто: враг прорвался, обошел стороной.

Двое бойцов войск НКВД наблюдали за селом — войти или нет? — и снова зашагали на юг, вниз по реке.

— Стены-то, гляди, стены у хат, — вскинул руку с винтовкой Лыков. — Чего это они, товарищ сержант, как замаскированные?

— На зиму утепляют, — отмахнулся Зайцев. — Связками из камыша. Да ты что, и впрямь не видел?..

И пошел дальше, не оглядываясь, — небольшой, жилистый, обветренный.

До Сенчи оставалось всего ничего. Там должен быть мост через Сулу. Впрочем, интересовала не столько переправа — они могли бы переплыть реку и на бревне, — сколько возможность нагнать своих.

Вчера Зайцев с Лыковым взорвали мост под Хитцами и броси-

лись вслед за отрядом. Шли всю ночь. Не остановились и утром — сумели одолеть подкашивающую усталость и теперь, тяжело шагая в изнеможении, опасались присесть.

У края рощи из густых зарослей их окликнул глухой голос, от которого оба чуть вздрогнули. Сразу же из кустов появился усатый, уже в годах милиционер. В одной руке наган, в другой — туго набитый портфель.

— О це да, хлопцы, добре! — воскликнул он непонятно к чему, разглядывая встречных с удивлением, особенно Зайцева: его треугольнички в петлицах, медаль "За отвагу" на груди, два подсушка с патронами, сильно оттянувшие ремень, противогаз на боку.

— Кто таков, откуда министр с портфелем? — спросил сержант.

— Из Хитцов я, товарищи, Ефим Анисенко, участковый, — охотно пояснил милиционер, запихивая наган в карман галифе, и потом осторожно дотронулся до противогазной сумки Лыкова, изумился: — С коробкой! И таскаете? Я разумел, с харчами...

— Недоразумел, — отстранился Лыков. — У тебя самого-то не са-ло в портфеле?

— Откуда? Документы в нем.

Зайцев спросил:

— Сколько до Сенчи осталось?

— По шляху ежели — рукой подать, только лезть туда не тово... А по берегу километра три с гаком будет.

— А по кустам "тово"? — кольнул Зайцев, доставая карманные часы. Откинул крышку — было около восьми утра.

— Будь ласка, дай побачу, — протянул руку к часам милиционер, заметив гравировку: "За смелость при задержании нарушителей государственной границы Союза ССР". Почтительно заглянул в лицо сержанту, спросил тихо:

— А если к ним в лапы?.. Ну, всякое может случиться...

Зайцев отобрал часы и повертел перед носом милиционера крепко сжатым кукишем:

— А вот это видел?
— Сразу уж так!.. Я по-житейски, — оправдался Анисенко и, стараясь переменить разговор, спросил: — От границы самой идете?
— Идут лошади. А люди нынче больше все бегом да по-пластунски, — уклонился от ответа сержант и тоже поинтересовался: — Не знаешь, в Сенче есть наши?

Анисенко не знал, и Зайцев, кивнув Лыкову, боком полез в кустарник. Милиционер — за ним.

— Вы уж не бросайте нас, ребята. Документы несем... И партийные, и райотдельские, и деньги.

— Не обманываешь? — озабоченно приостановился Зайцев. — Ты не один, что ли?

— Ей-богу, правда, — порывисто заверил Анисенко. — Прокурор тут с кассиром. Втроем мы.

Между тем появились спутники Анисенко, оба в годах, с морщинистыми, усталыми лицами, настороженные. Кассир был поприметнее: маленький, тощий, с седой бородкой клинышком и в пенсне, скособохившемся на носу. Прокурор выделялся мужиковатой крепостью, густой непричесанной шевелюрой, на которой чуть держалась серая, не по размеру кепчонка с покореженным козырьком.

— Правду говорит товарищ милиционер, — подтвердил мягким голосом прокурор. — А деньги банковские вот, в мешке и чемодане.

— С нами, значит, хотите? — не столько решил уточнить Зайцев, сколько захотел с сочувствием разглядеть угодивших в опасный водоворот событий гражданских людей, озадаченных своим высоким долгом.

— Ага, вместе, — живо подтвердил Анисенко. — Возле вас не так боязно.

— С вами, — коротко подтвердил прокурор.

Они спустились к реке. Вдали, перечеркивая поблескивающую водную гладь, серела широкая полоса деревянного моста; правее, подступая к обрывистым холмам, белели хаты.

— Село! — обрадовался Зайцев. — Сенча... Поживей давай!

На противоположном берегу урчали танки, и пограничники с попутчиками настороженно поглядывали на реку, на прибрежный лес, откуда доносился шум моторов. У воды появились несколько военных с ведрами.

— Фрицы! — выпалил Лыков. — Дай-ка я их...

— Давай, — разрешил сержант и сам вскинул винтовку. — Мой справа.

Лыков лег к бугорку, прицелился хорошенько и выстрелил вторым. Он не понял, угодил в немца или нет, потому что все они упали разом и попрятались. Зайцев успел еще раз пальнуть по темнеющему в кустах пятну.

— Заерзал! — сплюнул сержант и спросил Анисенко: — А ты чего не стрелял?

— Так всего два патрона в нагане.

— Винтовку добыть надо!

— Ты хоть взгляни на подстреленных нами, — подтрунил над милиционером Лыков, но Анисенко отмахнулся:

— Ну их!.. — Он мотнул головой, и его здоровый кадык на тонкой шее, как поплавок, подпрыгнул вверх.

— Сейчас они тебе "нукнут", — беспокойно озираясь, заметил прокурор, поворачивая к ложине. — Пошли от греха.

Но немцы молчали.

Достигнув хат на отшибе села, все пятеро остановились.

— Пойдем дальше, на Лучки, — решил сержант. — Может, там переберемся не тот берег.

— Мост им оставим? — с огорчением вырвалось у Лыкова.

Зайцев насупил брови.

— А чем, рыжим портфелем, что ли, его подорвешь? — ответил наконец он, не понимая, отчего хитровато расплылась лыковская физиономия.

А красноармеец улыбался потому, что сержант и сам был рыж, с крупными веснушками на лице, шее и руках.

Вдруг до их слуха донесся храп: во дворе у ограды, где стожок, мертво спали два красноармейца. Сержант перепрыгнул через плетень, затормошил изможденных бойцов, попробовал усадить их — бесполезно. И тот и другой валились, не пробуждаясь. Было видно: они вконец выбились из сил.

В сенцах стояла сгорбленная старуха. Щуря бесцветные глаза, она укоряла:

— Тикаете, аж с ног валитесь...

— Вы лучше, мамаша, пожевать дайте, — подошел к ней Лыков.

Зайцев наконец растормошил спящих, и те сразу зашарили руками по селу, отыскивая винтовки.

— Вы что?! — напустился на них сержант. — Немцы на том берегу.

А ну за мной! Ну, потихоньку... Давай, давай, разойдитесь!

— Шо ж, и вы покидаете? — опять появилась старуха, подавая Лыкову кус хлеба и шмат сала. Она еще раз сбегала в дом, продолжая ворчать и жалеть одновременно, даже ткнула костлявым кулачком сонному красноармейцу в спину, а другой рукой сунула ему же в карман вареную картошину.

К группе Зайцева присоединились еще несколько бойцов, и сержант повел их к мосту, по которому уже ползли два легких немецких танка в сопровождении автоматчиков.

Группа наскоро заняла оборону в кустарнике на краю села.

— Отсекай автоматчиков! — разнеслась команда Зайцева. — Пропускай танки!

Он, конечно, не забыл о том, что остановить танки им нечем. Но в его словах звучала уверенность.

Гитлеровцы все же проникли на прибрежную окраину Сенчи и сразу исчезли с глаз. А танки, вяло постреливая из пулеметов, взревели двигателями и стремительно понеслись через село по крутой дороге.

Зайцеву показалось странным, почему немцы оставили его

Юрий Иванович Семенов (1924–2000) на фронт ушел добровольцем прямо со школьной скамьи. Защищал Ленинград, командовал взводом морской пехоты на полуострове Рыбачий, в тылу у немцев в Заполярье. После войны служил в контрразведке, майором уволился в запас.

Писательскую известность принесели ему повесть "Прощайте, скалистые горы", выдержавшая несколько изданий не только у нас в стране, но и за рубежом, романы "Комиссар госбезопасности" и "Тропа обреченных", отмеченные литературными премиями КГБ СССР.

Повесть "Командировка в неизвестность" заняла первое место в литературном конкурсе, проводимом нашим журналом к 45-летию Великой Победы. И с той поры многолетняя крепкая дружба связывала Юрия Ивановича с войсковым изданием. Мы публиковали его повести "Бандолеты", "Головной эсбист", подготовили к печати повесть "Гастролеры". Нынешняя публикация — дань памяти и уважения писателю-фронтовику, к сожалению, не дожившему до нынешнего светлого юбилея Победы.

группу в покое. И словно бы отвечая на недоумение сержанта, с южной стороны донеслось разноголосое, не успевшее окрепнуть в едином порыве боевое "ура". Между домами он увидел быстро приближающихся красноармейцев.

"Покосят их"... — тревожно подумал Зайцев и, вскочив, широко взмахнул рукой. — За мной! Бей автоматчиков!

По селу с противоположного берега ударили пушки. Неподдалеку затрещали вражеские автоматы. Зайцев никак не мог сообразить, откуда палат прорвавшиеся к селу немцы. А понял лишь тогда, когда Лыков вскинул винтовку и, почти не целясь, выстрелил. С высокого дерева за домом, ломая ветки, свалился фашист.

Встречная лавина бойцов, уже ворвавшаяся было на мост, неся потери, отступила.

— Назад! В оборону! — гремел голос командира в кубанке с маузером в руке. Он не обращал внимания на рвущиеся снаряды, носился по берегу, худощавый, юркий, со свирепым, острым взглядом. В одной петлице у него было три шпалы, в другой две — третья куда-то отлетела.

Зайцев хотел доложить о танках, ушедших на высоту за Сенчу, и оторопел при виде необычных бойцов. Почти все они были со шпалами в петлицах — то есть старшие офицеры. У некоторых поблескивал почетный чекистский знак. Сержант понял, что перед ним особы — армейские контрразведчики. И сердце его обдало горячим. Он с уважением и болью рассматривал заслуженных людей, крепко и уверенно держащих винтовки наперевес, и по их запыленному изнуренному виду определил опытным глазом, что вымахнули они сюда после недавнего прорыва, скорее всего из окружения, потому и устало огорчены, обнаружив новый вражеский заслон. При этом было видно: они, разгоряченные, снова рвались в бой, чтобы одним уж махом покончить и с новым вражеским кольцом.

— Что уставился как на новые ворота? — напустился на Зайцева лихой командир и, увидев в стороне "войско" сержанта, спросил помягче: — Это вы тут лупили фрицев?.. Смело! А мы прорвались из Городища, всем особым отделом фронта дорогу штабу расчищали... А тут, выходит, они опять нас обошли, фрицы-то...

Уловив момент, Зайцев доложил:

— Два танка, товарищ подполковник, ушли за Сенчу. Как бы они не пальнули оттуда.

— Верно говоришь, сержант... Как тебя?

— Зайцев.

— А меня — Чураков. — Ты давай-ка дуй со своими на гору, занимай там на всякий случай оборону. Людей я подошлю. Лопаты достаньте в селе, окапывайтесь.

Зайцев козырнул и живо повел свое отделение вверх по пыльной дороге, слыша позади напористый голос Чуракова:

— Какой еще прокурор? Какие деньги? Винтовку в руки! Вон у раненого лейтенанта задержи. А тебе, кассир, дарю маузер. Ну а самому и "шмайссер" сойдет, вишь, фриц на дереве оставил.

Начали окапываться. Подходили новые группы бойцов. Некоторые из них несли связки гранат, бутылки с зажигательной смесью.

У Зайцева разгорелись глаза. Он ощутил заботу о своей группе и спокойно подумал о тех, кто залег у моста.

Наблюдательным пунктом сержант избрал ветряную мельницу, взобрался на перекладину под самую крышу, откуда широко просматривалось поле, наполовину убранное от хлеба. Кое-где торчали скирды, а слева клином в хлеба вдавалась роща. За ней к южному краю села тянулась вереница выходящих из окружения воинов. Они еще не знали, что путь за реку отрезан и предстоит снова пробиваться через вражеское кольцо.

Зайцев не видел, как по широкому деревянному мосту устремились вражеские танки. Он обернулся, когда услышал яростную пальбу.

Дернулся от взрыва и скособочился головной танк, а идущий следом ткнулся ему в борт и попятился задним ходом. Стреляя короткими очередями, второй танк удалился вслед за отступившими машинами, по дороге на север.

И еще Зайцев заметил, как со стороны села к ним выскочили всадники.

— На млын забрался. Это хорошо, — похвалил Чураков подбегавшего сержанта. — Только ты посади туда кого-то, а сам в цепи будь.

Второго всадника Зайцев узнал сразу. Это был бывший начальник штаба Западного пограничного округа, ставший в первые месяцы войны начальником тыла Юго-Западного фронта.

— Товарищ полковник Рогатин! Не узнаете? — Сержант вытянул руки по швам. — Разрешите доложить? Приказ взорвать мост под Хитцами выполнен. — Где наши, товарищ полковник, своих хочу нагнать...

— Отошли... А Лыков тут? Жив?

— Здесь я! — откликнулся польщенный вниманием Лыков, продолжая рыть окоп.

— Рад! — сказал Рогатин, и по его лицу было видно, что действительно он рад встрече с бойцами, которых вчера по его приказу послали на смертельно опасное дело.

— Ну что ж, — повернулся полковник к Чуракову. — Танкам там ходу нет. Думаю, они в обход нацелились. Ждите, нагрянут. Ни один не должен пройти. Пусть считают, что мы бьемся тут за переправу. С темнотою уходите на Лучки.

— У моста когда снимете оборону? — поинтересовался Чураков.

— Отходите вместе, бесшумно. Мост взорвем. Пусть на рассвете штурмуют... И еще вот что. Отпусти-ка ты прокурора с кассиром, не по ним тут... Пришли тебе бойцов.

— Гранат бы лучше.

— Считаю, обменялись, — козырнул Рогатин и усакал.

Притихли окопавшиеся бойцы, некоторые даже вздремнули. Чураков сходил на мельницу и скоро вернулся, присел возле Зайцева, попросил сержанта позвать прокурора с кассиром.

— Забирайте лошадь и отправляйтесь на Лучки, — распорядился подполковник.

— Это почему же? — заупрямился прокурор.

— Приказ не обсуждают. Выполняйте! В Лучках доложите полковнику Рогатину, что обещанных гранат нам не прислали.

— Это другое дело, — кивнул прокурор.

А кассир протянул Чуракову маузер.

— Думаешь, отвоевался? — усмехнулся особист. — Да хочешь знать, без оружия нынче ты ничто. За него зубами держаться должен, — и, наскоро объяснив, как пользоваться маузером, вернул оружие, сказав: — Я на басмачей с ним ходил. Береги.

Когда прокурор с кассиром ушли, Зайцев спросил:

— И не жалко вам именное оружие?

Чураков ответил не сразу:

— Сегодня не жалко. Да и последняя в нем обойма. Вот с чем нынче воевать надо, — похлопал он по вороненой стали автомата.

С мельницы донесся крик наблюдателя:

— Танки! Шесть штук. Справа, километра три...

Чураков оглядел окопы, скомандовал:

— Приготовиться! — и пошел на правый фланг.

Зайцев тем временем прыгнул в зигзагообразную траншею, спросил Лыкова, куда делся милиционер Анисенко.

— Тут, где ему быть. Во-он в кусточках справа устроил себе окоп.

— Зачем его туда занесло? — не понравилось сержанту.

— А у него там связка гранат на бруствере. Он немцам сейчас регулирует движение.

Просвистел снаряд, разорвался далеко внизу, в селе, но два других легли неподалеку от мельницы, даже качнулись крылья ветряка.

Чураков исподлобья следил за приближающимися танками. Они шли широко, но понемногу начали тесниться, и стало возможным определить, что метят они на дорогу, уходящую к селу между двух крутых склонов.

Ох как Чураков подосадовал в эту минуту на свою несообразительность: впустить бы эти танки на дорогу и встретить их в узком месте, как в ловушке. И тут ему на глаза попались два бойца в окопчике справа. Кустарник хорошо маскировал их, и они стояли, навалившись грудью на бруствер, держа наготове по связке гранат. Танки шли аккуратно на них.

Чураков окликнул бойцов, приказал:

— Ползите под обрыв. Головной танк мы пропустим. А вы подорвите его, чтоб ни пройти там другим, ни проехать... Поняли?!

Те подползли к обрыву, а чекист только сейчас разглядел в усатом бойце милиционера.

Стремительно приближались танки. Теперь они уже мчались парами, и была в их шумном напористом броске самоуверенность и наглость.

— Головной пропустите! — передали по цепи приказ Чуракова.

Скрылись притаившиеся в окопах бойцы. Сильный взрыв раздался поблизости, и все увидели запыхавший танк. Второй же, идущий за головным, уклонился влево, проскочил кустарник, окоп, который покинули Ефим Анисенко с напарником... Его уже было не достать.

В окопы понесло черную гарь, стало душно, завеса прикрывала оборонявшихся, не давая возможности уследить за танками. Они начали маневрировать, приближаясь с разных сторон.

Зайцев был наготове: ждал "свой" танк. Тот не свернул в сторону, как другие: не петляя, шел напролом.

Вот уже двадцать метров до него, пятнадцать...

— Давай, сержант! — поторопил Зайцева Лыков.

Раздался скрежещущий взрыв, и танк, гремя подбитой гусеницей, развернулся возле края траншеи. Было видно, как в него кто-то метнул бутылку с горючей смесью: язычки пламени расплзались по броне.

Оглушенный и растерянный Зайцев выглянул из окопа, и широкая улыбка залила лицо: подбил-таки! Остальные машины свернули на юг, к Лучкам.

Грохнул взрыв позади, далекий и глухой, затрещали один за другим выстрелы...

Чураков тронул стоящего рядом в окопе красноармейца:

— Сбегай туда, на дорогу, погляди, чего там у них.

Но тот, не успев пробежать и десятка шагов, остановился. Навстречу ему шли четверо: красноармеец, милиционер и двое в гражданском — пожилые, с винтовками, несущие что-то тяжелое в мешке.

Не дойдя до траншеи, они переждали, пока просвистит снаряд, и снова направились к укрытию...

Танки открыли огонь. Они остановились в лесочке слева, яростно палили из пушек, не причиняя, однако, особого вреда обороняющимся. Вскоре два из них обогнули клин леса и скрылись за ним. А третий остался.

— Дайте-ка я его... по-ленинградски, — сказал смертельно уставший Лыков и крепко ухватил связку гранат.

Он пополз напористо, не останавливаясь, лишь на мгновение залег в кустах, глянул на рытвину впереди справа, но не воспользовался укрытием, а рванулся к танку напрямую по равнине, с разбегу швырнул связку гранат. Потом упал неловко, боком, и в тот же момент жакнул, сверкнул огнем тяжелый взрыв... Молчал танк. Не шелохнувшись, лежал лицом к земле и боец.

С тревожным предчувствием Зайцев бросился на помощь другу. Склонился, осторожно перевернул на спину и понял: нет больше Лыкова.

Не обращая внимания на пылавший танк, сержант попробовал перенести убитого к окопу, но сделать этого не смог — сил не хватило. Он достал из кармана гимнастерки Лыкова красноармейскую книжку, фотокарточку девушки...

Подоспел Чураков с бойцами. Один из них поддерживал раненую руку.

— Да-а... — только и проговорил скорбно особист.

Лыкова перенесли и положили на дно окопа. Зайцев с Анисенко сидели немного, и сержант тяжело потянулся за лопатой.

— Ведь только что с ним говорили... — с трудом выдал Зайцев и надрывисто всхлипнул. — Только что ведь... — Он воткнул лопату в землю и отошел в сторонку, оправдываясь и прося: — Не могу... Ты, Анисенко, давай... укрой его... землей.

— Вы чего обратно заявились? — напустился было Чураков на прокурора и кассира.

— Гранаты прислали... Вот, принесли, — ответил прокурор. А кассир, то и дело поправляя на носу пенсне, выкладывал из мешка на траву холодные кругляши.

— Дорогие вы мои! — только и сказал Чураков. — Спасибо. — И повернулся к Анисенко: — Остановили, значит?

— Остановили, — подтвердил тот и добавил: — Наглухо!

— Винтовку раздобыл? — спросил Чураков у кассира. — Это одобряю. И мешок, видишь, сгодился. А то связал себе руки деньгами.

Кассир протянул маузер.

— В целости возвращаю, на нем ваша фамилия. Память!

Начинало темнеть. Выжидающая тишина царила кругом. Издалека доносился рокот танков, несильный, ровный. И со стороны Лучков редко хлопали разрывы снарядов.

— Еще немного, и можно уходить, — вслух поделился мыслями Чураков, поглядывая на Зайцева, грустно сидевшего у края свежей могилы.

Неожиданно появился с двумя автоматчиками батальонный комиссар. Оглядел подбитые танки.

— Отходить приказано, — сообщил он. — Сейчас пролет моста у берега взорвут... Переправу раненых наладили в Лучках. Трясина там. Плетни, сараи поразбирали.

— Отходить по одному! — громко приказал Чуйков. — По окраине Сенчи... На Лучки!

Зайцев оставил рубеж последним. Он шел понуро, озираясь, явно силясь что-то вспомнить. И вдруг остановился, круто свернул в сторону, к краю лесочка, где сразу отыскал в траве фуражку Лыкова. Поднял ее, стряхнул невидимую пыль и неспешно понес перед собой к свежему земляному холмику.

Не сразу решившись, куда положить фуражку, Зайцев сперва прихлопал ладонью рыхлый край у изголовья, устроил на нем фуражку погибшего. Не задерживаясь больше, он зашагал от могилы тяжело и устало, сгорбившись под тяжестью двух винтовок на плече.

В САРПИНСКОЙ СТЕПИ

СТОЯЛ сырой ветреный октябрь с темными стужными ночами, избеливающими порыжевшую степную траву плотным инеем, отчего на рассвете яркой белизной светилась даль. Тревожными лохмами гнало по небу низовые мрачные тучи. Подвывал ветер, терзая сухой, звенящий чернобыльник и донося изда-лека какие-то неясные звуки — гул ли, стон ли...

На передовой в этот ранний час было непривычно тихо. Бывает так после боев на пределе. Но фронтовая тишина, как всегда, обманчива.

Еще затемно на экстренном заседании военного совета армии генерал Толбухин сообщил чрезвычайную весть: гитлеровцы ночью угнали от озера Барманцак стада верблюдов, коров, овец и табун лошадей. Тысячи голов скота, предназначенных Сталинградскому фронту!

— Враг нанес коварный удар, можно сказать, удар с тыла, — сурово и озадаченно заключил командующий. — Каким образом стала возможна эта вражеская операция, мы разберемся. Сейчас же необходимо решить, как без промедления вернуть скот обратно. Задача, товарищи, весьма сложная.

Задуматься тут было над чем. Все понимали: немедленный удар частей армии, чтобы отбить у врага стада, в сложившейся обстановке невозможно. В голой, насквозь простреливаемой степи и так едва хватало сил, чтобы удерживать рубежи.

Подполковник Чураков, заместитель начальника особого отдела армии, присутствовавший на военном совете, предложил свой план, показавший вначале сомнительным. Что могла сделать за ночь в прифронтовом тылу врага группа чекистов с боевым прикрытием? Видя нерешительный отклик на свое предложение, Чураков пояснил:

— Пастухов возьмем, которые остались. Да освободим захваченных врагом их товарищей. Они будут перегонять скот. Остальное — дело наше.

— Хорошо, — согласился генерал Толбухин, считавший Дмитриевича чекистом бывалым, с приметным боевым прошлым. — Свяжитесь с полковником Деминим из оперативного отдела штаба армии, с ним разработаете план операции. Сколько вам нужно времени на подготовку?

Чураков удивился:

— Времени у нас до темноты, товарищ командарм. Немцы не оставят стада у передовой.

— Об этом я и хотел напомнить. Данные воздушной разведки вам доложат. Готовьтесь.

ЧУРАКОВ обладал завидной способностью не только объемно оценить обстановку, мысленно прикинуть предельно необходимое ему для решения поставленной задачи, но и без промедления реагировать на переменчивую обстановку: на ощупь, как он говорил, находить главную суть. И надо сказать, в оператив-

ной работе у него зачастую на пойманного караса цеплялась щука.

Первые сведения о ночном угоне скота Чураков получил от капитана Хамракулова, старшего оперуполномоченного особого отдела. Еще не представляя всей серьезности нанесенного немцами удара, чекист прежде всего обратил внимание на то, что враг осуществил коварный замысел без боя, принудил пастухов перегнать скот, и все. А ведь ночью в суматохе у людей была возможность уклониться, скрыться. Кое-кому это удалось, но далеко не всем. Почему?

Сразу же Чураков отправил Хамракулова на выяснение тонкостей случившегося и, главное, выявление возможного пособника гитлеровцев. Не мог противник без надежной информации и подсказки так ловко в темень накинуть на нас свой аркан.

Хамракулов, человек степенный, с виду неторопливый, вернулся сразу после военного совета.

— Что так скоро? — спросил Дмитрий Дмитриевич, испытующе глядя в серое лицо опера с корявым шрамом поперек лба.

— Пастухов на берегу в мазанке нашел. Штука такая, понимаешь. Немцев Кытанбек какой-то привел, с неделю назад тут у пастухов объявился, врал, что, мол, от фашистов бежит...

— Погоди-ка, Кытанбек, говоришь? А как зовут его? Хотя... Фа-милия может быть и вымышленная.

— Как же, записал данные, как не записать, — прервал его рассуждения капитан. — Керим Тугушев мне рассказывал, объездчик. — Он раскрыл записную книжку: — Вот, пожалуйста, Юнус Кытанбек, лет под шестьдесят, белый весь, с бороденкой, рябой. Пристал к пастухам, кормился. Султаров, говорит, его пригнул. А вчера Кытанбек фашистов и привел, оседланных лошадей у пастухов забрал, со скотом уходить велел, стращал... Так кучкой и гнал их под автоматом.

Поручив капитану Хамракулову поскорее собрать пастухов-добровольцев, чтобы посоветоваться, как отбить скот, Чураков отправился на встречу с полковником Деминым.

— Неужели опять сошлись наши дорожки, юзбаши Кытанбек? — размышлял он дорогой. — Откуда ты, контра, взялся? Или это всего лишь однофамилец бывшего сотника басмаческого? Тот ведь погиб еще в двадцатых, в чекистской сводке сообщалось. Или, может, тогда ошибка произошла?..

Чуракову вспомнилось скуластое рябое лицо басмача. Огонь злорадства, мечущийся в его глазах. Как же, чекист попался в руки! А было так...

ВЫПОЛНИВ задание начальника ошской ЧК, Митя Чураков возвращался в город на зорьке. Местность ему была хорошо знакома — вырос тут. В поле, возле арыка, задержался, попил водицы, умылся. И вдруг увидел выскочивших из-за холма всадников.

— Басмачи! — вздрогнул Митя, соображая, что же делать. — Стрелять? Всех не перебьешь, самого скорей прикончат. А если схитрить? Откуда им знать, кто я такой? — и он торопливо обвязал платком пистолет, удостоверение с записной книжкой, опустил их в мутноватую воду арыка.

Утираясь рукавом полосатого стеганого халата, Чураков сделал вид, будто идет своей дорогой, не замечая всадников. Но те настигли, окружили.

Митя поклонился рябому, с жиденькой бородкой басмачу, безошибочно определив в нем главаря. Он не успел ничего сказать, как вздрогнул от острого удара поперек спины. В то же мгновение по лицу его со свистом стеганула камча. Завизжали, впиваясь в тело, нагайки, в глазах потемнело.

— Хватит! Говорить с чекистом будем, — услышал он гортанный, властный голос.

— Юзбаши Кытанбек! — признал Митя рябого, с жиденькой бородкой басмача. Он уже встречался с бандитом на допросе в ошской ЧК. Но тогда, месяца три назад, Кытанбека выручил курбаши Муэтдин. Он с бандой ночью захватил тюрьму, и сотник ушел невредимым. И вот новая встреча...

Басмачи сняли связанного пленника с лошади и повели по селу. Ныло все тело, стянутые ремнем руки кровоточили. Где находится, не знал: в дороге терял сознание.

Митю втолкнули в сарай, заперли. Упав на сено, он долго лежал не шевелясь.

Во дворе все стихло. Но вот снова застучали копыта, заржали лошади. Через щелку в двери пленник разглядел ноги охранника, а чуть подальше — убитых басмачей на земле. Прислушался, понял: бандиты насочили на отряд чекистов и далеко не все унесли ноги. И еще он отчетливо разобрал в истошном крике басмача:

— Отдай мне большевика. Я кончать его должен. Резать! За брата мне надо расплатиться!

— Нельзя! Беречь его юзбаши велел. Сам допрашивать будет.

Вечером пригнали стадо овец. Послышался старческий голос, обращенный к охраннику:

— Дай загону туда овец. Не проглотит их твой кяфир.

Дверь отворилась, и Митя разглядел низенького старого киргиза. Толкаясь между овцами, он шустро пролез к пленнику, сунул ему лепешку и шепнул:

— Ты в кишлаке Коджар. Исмаил звать меня. В углу урак висит, серп по-вашему, стену ковырай, наружу лезь.

Затекшими, связанными у запястья руками Чураков пошарил в углу, и ему сразу повезло. Зажав между колен серп, Митя перерезал сыромятный ремень на руках, с минуту разминал пальцы. Прислушался. Охранник легонько всхрапывал.

Чураков ткнул серп в дальнюю от двери стену. Она оказалась как кирпичная. Но пленник с терпеливым усердием принялся ковырять ее. Ширкал по одному месту и передыхал только для того, чтобы ошпырить, велика ли щербина.

Стена поддавалась. Наружный слой оказался рыхлее, и неожиданно острие серпа проткнуло его. Узкая щель словно бы подтвердила: спасение возможно, заставляла есть шагать...

Вот он уже может выглянуть из отверстия. И снова серп точит глиняную с лозняком твердь, по кусочку высвобождая проход.

Он выполз наружу и ящерицей исчез на задах, когда засерел восток. А когда рассвело, уже был далеко от кишлака Коджар. Пробирался балками, решил выйти на дорогу, когда показалась окраина Оши...

А в полдень с конным отрядом особого назначения Чураков галлопом ворвался в кишлак Коджар. Но басмачи ушли. Их настигли на другой день по пути в Наукат.

Чураков в том бою не участвовал. Он лишь из чекистской сводки узнал: юзбаши Кытанбек убит. И с тех пор не сомневался в этом. До сегодняшнего дня...

ПОЛКОВНИК Демин задумчиво глядел поверх бревенчатого наката блиндажа, зябко потирал руки.

— Это вам не языка притащить, — сказал он вдруг, повернувшись к сухощавому, с напористым взглядом чекисту, и добавил наставительно: — Язык, смею заметить, товарищ подполковник, с кляпом во рту — существо безответное и довольно послушное. С ним возвращаться через передовую не так уж и хлопотно.

— И под огнем противника? — возразил Чураков.

— Да и под пулями язык не обуза. Как говорят, своя ноша не тянет. А тут... — Он заговорил энергичнее: — У нас речь о стадах идет. Отбить их у охраны еще туда-сюда, но вот чтобы следом повторить осуществленное противником и за единую ноченьку перегнать через передовую, тут уж извините... Скотина, она и есть скотина. Ее гнать, а она травку щипать.

— Ночью какая травка? Надо живе крутануть гурты обратно к передовой.

— Допустим. Но ведь потревоженная в темень скотина голосить возьмется на всю округу. Как бы не вышло у нас ни бе-е ни ме-е.

— Не должно выйти, товарищ полковник.

— Немцы не дураки. Они будут ожидать наших контрмер, это безусловно. Повторять их прорыв и сам путь в обратном порядке вроде бы исключено. И в то же время... — Полковник тонким концом мундштука провел по карте от озера Барманцак до передовой, что южнее Сталинграда, и положил мундштук так, что его утолщенный, потемневший от никотина срез достал до степной речушки, преградившей прямой отгон скота на запад. — Тут всего двенадцать километров, — и поднял лицо на Чуракова. — Все-таки лучше перегонять тем же путем, кратчайшим. К тому же там у противника нет ни дотов, ни дзотов.

— Оправданно, — поддержал Дмитрий Дмитриевич.

— В таком случае вот тут скрытно и пройдет передовую. — Де-мин пометил участок на карте. — По нашему сигналу артиллерия на правом фланге откроет нарастающий огонь. Может быть, даже стоит создать видимость подготовки к прорыву.

— Если пойдет на это командующий.

— Доложим. Боевым обеспечением на случай критической ситуации станет полк, на участке которого вы перейдете линию фронта. Плюс выдвинем вслед вам отряд прикрытия. А теперь скажите, как вы собираетесь действовать там темнющей ночью? Ведь тысячи голов!

— Идемте доложим командующему план операции, — предложил Чураков. — Дорогой расскажу.

НЕУЮТНО поздней осенью, особенно в окопах. В степи тревожно и уныло. К тому же окопы в Сарпинской степи ничем не прикрыты. Лишь противник успел отгородить свои позиции двумя рядами колючей проволоки, которую сам же кое-где и порубил или повалил прошлой ночью для прогона скота.

Наблюдая в “пехотный перископ” за вражеской передовой, Чураков переговаривался с полковником Деминим:

— По-моему, что-то у них происходит на переднем крае, какие-то другие фрицы, опрятнее, что ли.

— Смену частей начали, — пояснил Демин.

В окопах тем временем начал сосредоточиваться отряд прикрытия. Один за другим, пригибаясь, проскакивали бойцы с автоматами и винтовками. Их поделили на три группы, у каждой своя цель: два стада разбросались вдоль реки, а третье — бараны да овцы — приотстало, дноют на полпути от остальных, в шести-семи верстах.

Разглядывая живую цепочку, Чураков вдруг вскинул руку:

— Хамракулов!

Подошедший старший оперуполномоченный особого отдела доложил:

— Пастухи готовы, в землянке ждут. Все растолковал им.

— Не трусят?

— Не-ет. Вздыхают: столько скота угнали.

— Ну а ты что?

— Говорю, от вас зависит, ночью через передовую тайком пойдем, и так далее. Переглядываются, кивают, мол, понимаем... Вас ждут.

В небольшой, слабо освещенной землянке было тесно. Среди собравшихся лишь один выделялся в армейской форме — командир отряда прикрытия майор Арцабанян.

— Сколько у тебя людей? — спросил его Дмитрий Дмитриевич.

Пастухи притихли.

— Со мной пойдут восемьдесят. Это меньше половины отряда. Остальные — с вами, тремя группами. На три стада.

— Хорошо. Когда подойдем к ближнему стаду, я останусь с третьей группой. А первая и вторая сразу идут дальше. Задача — обнаружить скот у реки, залечь, выслать ко мне связных.

— Я укажу там место встречи, — уточнил Хамракулов.

— Если до двадцати трех часов по-тихому с немецкой охраной не управимся, арналет на правом фланге — сигнал для всех. С боем будем брать! — Чураков повернулся к пастухам: — Кто раздумал идти? Есть такие?

Мохнатые шапки отрицательно закачались.

— На очень ответственное боевое задание идете, товарищи. Немало будет зависеть от вашей находчивости. Можете говорить там с пастухами о чем угодно для начала, только не о том, зачем пришли, пока не уберем охрану. Иначе врага всполошит Кытанбек. Ваше появление должно выглядеть естественным, будто вы испугались прокуратуры, оттуда, мол, приехали, грозилась, вызывают... Кытанбек или Султаров, кто рядом окажется, должен поверить.

— Понимаем, — сказал пожилой казах Тугушев. — Говорить что... Немножко говорить там. К делу скорей переходить надо, начальник.

— Верно оцениваешь, Керим Тугушев. Охрану снимать нужно бесшумно. Ну а коли первый выстрел, тогда не зевайте. Не дайте Кытанбеку с подручным уйти. Скотину гоните. Живей, во весь дух!

В ОКОПАХ задержались недолго, пока пастухи расходились по боевым группам. Пришел с бойцами Хамракулов. — Тронулись, капитан, — распорядился Чураков и пополз рядом с разведчиком к вражеской передовой.

Немцы справа что-то встревожились, сожгли одну за другой десятка два ракет, но успокоились... Чураков перебежкой увлек за собой всю группу, стремясь к невысокому кургану.

Сначала наткнулись на жилые временки — круглые, похожие на юрты, и обошли их. Потом на полевой дороге встретили тягачи с пушками, ждали момента проскочить, а когда удалось это сделать, Чураков приказал Хамракулову:

— Живо вперед, к реке! Обе группы. Ближнее стадо рядом, мы левее возьмем.

— Понял! — откликнулся Хамракулов.

— От стада вышлю связного, — добавил Дмитрий Дмитриевич и устремился к цели, огорченный вынужденной остановкой. Ему хотелось наверстать время.

Без задержки, броском миновав последние два километра, пош-

ли осторожней: вспугнули край стада. Приметливый степняк Тугушев определил — за бугром костер. И действительно, боевая группа не прошла и сотни метров, как увидела костерик и силуэты людей.

— Пятеро, — шепнул Чуракову Тугушев. — Чужой стоит.

Подполковник и сам различил фигуру в немецкой шинели. Он остро оглядывал соседнюю с костром темь.

— Посылай связного к Хамракулову, — приказал Чураков командиру боевой группы. — И действуй пошире. Я с пастухами иду.

Как было условлено, Тугушев направился во главе шестерки пастухов. Вышагивали неспешно, мягко ступая на стылую землю, единодушно желая оказаться обнаруженными поближе к костру. И это им удалось.

— Хальт! — как-то неожиданно выкрикнул немец, нацелив “шмайссер” на остановившуюся группу.

Вскочил один из пастухов, голову пригнул, вглядываясь.

— Джаксы, кунак! — певуче откликнулся Тугушев и пошел к костру, помахая рукой. — Скотина здорова?

Автомат в руках немца слегка клюнул стволом вниз. Можно было подумать, что гитлеровец понял и удовлетворился тем, что сказал старик. А поднявшийся навстречу пастух остановился оторопело:

— Тугушев?!

— Я, Султаров, здравствуй. Есть давай, сесть разрешай, потом спрашивай...

Немец старался понять, что происходит. Он не спускал глаз с подхлывшей группы, успевая поглядывать и на говоривших, особенно на Тугушева, легко сообразив по одеянию пришельцев, кто они. Султаров жестом пригласил подошедших к костру.

— Чего пришли? А?..

Тугушев ответил:

— Тюрьмой грозил. Где скот? Милиция, прокурор...

— Подожди ты... — оборвал Султаров и повернулся к Чуракову: — Кто такой?

Но ответа он не дождался.

Вскрикнул сбитый с ног немец, а через мгновение ошеломленный Султаров и сам лежал под Чураковым; он не сопротивлялся, дал себя обезоружить и связать, послушно принял кляп в рот.

— Тугушев! — позвал Чураков. — Подымайте стадо. Гоните!

Привели двух лошадей. Тугушев легко вскочил в седло. Кто-то затоптал костер.

БЫЛО уже около полуночи, когда подошли к реке. Темнота, ни костра, ни тлеющей головешки. Стали попадаться лошади, верблюды. Пастухи, успокаивая встревоженную скотину, бормотали что-то по-своему.

— Кони! Спутанные! — ухватил Чуракова за руку пастух. — Видишь?

— Ну и что?

— Уздечки есть, садись и гони, остальные сами следом...

Объяснять подполковнику больше ничего не надо было. Слышком реальной показалась возможность легко увлечь за собой лошадей, верблюдов — сгоняй только от реки.

— Хамракулов! На коня! Руководи отгоном, — приказал Чураков. — Боевые группы — со мной, вдоль реки пойдем...

Целью, все шире расходясь, двинулись вдоль берега реки две группы захвата — более шестидесяти бойцов. Поначалу им почти не приходилось что-либо предпринимать. Лошади сторонились людей и, теснясь, рвались на простор, вскачь устремлялись за уходящим табуном. Гул копыт нарастал. Различали и бегущих верблюдов...

“Хорошо! Умницы! Давай домой!..” — беззвучно ликовал Чураков, а сам стал замечать, что не успевает за бойцами, выбивается из цепи. Его выручила невольная остановка: уперлись в стадо коров.

Дружным ревом выразила потревоженная скотина свое недовольство. Эти не собирались проявлять лошадиной прыти.

Шарахаясь из стороны в сторону, Чураков со вскинутыми руками метался среди буренок, каким-то чудом оставаясь на ногах.

Рев нарастал, и, если бы не мощный артобстрел, начавшийся точно в условленное время, трудно сказать, на чей счет отнесли бы “коровью тревогу” находившиеся поблизости враги.

В небо взметнулась ракета. Белая, искрящаяся, она мгновение задержалась на высоте, будто бы успела что-то высмотреть, и дугой устремилась вниз, указывая врагу, откуда надвигается опасность. Но тот не различил приближающейся угрозы. Пока она горела, Чураков сумел оглядеться, оценить обстановку.

Прежде всего он увидел на открытом месте возле обрывистого берега реки точно такие же круглые юрты, какие уже встречались

на пути. Их было три или четыре. Внимание подполковника привлекли суетившиеся люди. Человек сорок. Но ракета погасла, и он не разглядел, кого больше: немец или пастухов. И еще он успел заметить справа и слева от себя подвижную цепь бойцов, понял: боевые группы выполняют задачу.

Артиллерийский гул нарастал. После погасшей ракеты ночь показалась еще темнее. С тревожной быстротой в небо взметнулась вторая. Она осветила бегущих вдоль речки пастухов, стремившихся нагнать стадо. Спешили и немцы. Гитлеровцы уходили на восток, желая, по-видимому, не дать пришедшему в движение скоту сместиться к передовой.

Двое верховых с гиканьем и руганью нагнали пастухов, и те побежали еще быстрее. Но едва верховые ускакали вперед, пастухи сгрудились, о чем-то совещаясь.

— Командиру первой боевой группы преследовать гитлеровцев и уничтожить, — приказал Чураков. — Остальные — за мной! Берем пастухов!

Но брать пастухов им не пришлось. Оказавшийся на отшибе и первым угодивший в руки автоматчиков семнадцатилетний Олжас Ахмедиев так обрадованно завопил: “Кызыл, урус! Наши!” — что невозможно было определить, кто к кому прежде бросился на встречу.

Чураков подошел к пастухам, спросил:

— Где Кытанбек?

— Ускакал. Во-он туда, — отозвались сразу несколько голосов. — И Козубай с ним... Стадо разбежался, сам гнать побег, немец аркан обещал на шею.

У Чуракова чаще застучало сердце. Он различил вдалеке верховых. Они передвигались не быстро, наверное, скотина там утихомирилась, и ее оставалось согнать в стадо.

— Кто еще пособничал Кытанбеку? — живо допытывался Дмитрий Дмитриевич. — Предательствовал кто? Укажите.

— Султаров! Козубай немножко помогал. Больше нет, начальник, — ответил стоявший рядом Олжас.

— Ясно! Тогда во всю мочь гуртуйте скот и гоните обратно, домой. Кытанбеку с Козубаем уйти не дайте. Кто окажется рядом, тащи с коня...

АРТИЛЛЕРИЯ не переставала грохотать, и белесое, будто рассветное зарево на востоке не гасло, а только вздрагивало. Автоматной стрельбы в той стороне, куда ушла первая боевая группа, уже не было слышно. Продолжали взлетать ракеты, но не белые, а зеленые. Чураков это как-то не сразу приметил, непрерывно следя за всадником, к которому шел, и вдруг понял: “Свои подают сигнал: путь свободен, с гитлеровцами покончено”.

Дмитрию Дмитриевичу самому хотелось вцепиться в Кытанбека, вырвать его из седла. Но случая такого не представлялось. Верховые то приближались, то отдалялись, и Чураков с автоматчиком продолжал преследование, пока совсем не потерял их из виду.

Будь он не на коне, возможно, Чураков не застал бы в живых ни Кытанбека, ни Козубая. Шестеро пастухов остервенело дубасили их, сбитых с ног.

— Стой! Прекратите! — соскочил с седла чуть ли не в самую кучу особист.

Кытанбека и Козубая подняли. Они стояли связанные и с заткнутыми ртами. Чураков осветил их карманным фонариком. Мельком глянул на сытое, скуластое лицо здорового детины и попристальнее взгляделся в другое — старческое, морщинистое, с редкой седой бороденкой.

— Не подход, значит, — в упор ему бросил Чураков.

А через минуту, придерживая рукой связанного, перекинутого через хребет лошади Кытанбека, подполковник уже трясся в седле, не подгоняя, а сдерживая нетерпеливую под двумя ездоками лошадь.

На передовой слева, километрах в десяти, разгорелся бой. Широкой полосой светился от огня передний край. Азартно били с обеих сторон пушки, разноцветно крестили небо ракеты; различной прострочкой, внезапно возникая и растворяясь, мелькали над землей трассирующие очереди крупнокалиберных пулеметов.

Ни лошадей, ни верблюдов не встретилось. Лишь коровы где кучно, где разрозненно продолжали двигаться к передовой, и создавалось впечатление, что они идут самостоятельно, каким-то своим чутьем угадывая, что от них требуется.

Не знал Дмитрий Дмитриевич, что командир отряда прикрытия майор Арцабанян выдвинул вперед группы прикрытия — около

восьмидесяти бойцов, и те с северной стороны не давали растечься стаду, подгоняли его.

Неподалеку от передовой стали попадаться бараны и овцы. Бегали измучившиеся пастухи.

Чураков по голосу узнал Тугушева, спешился возле него, спросил:

— Как дела? Происшествий нет?

— Было маленько. Немец стрелял: дрь-дрь. Я стрелял: бах! Все ладно, командир. Конь и верблюд прошел, овцу и барана пропихнул, краешек остался, сапсем немножко... Гляди, коровы как прут.

— Кытанбек! Жи-ивой, каскыр. Чураков и, желая порадовать старика, предложил:

— Посмотри-ка, живой Кытанбек?

Тугушев вроде бы только и ждал этих слов, юркнул к коню.

— Кытанбек! Жи-ивой, каскыр.

— Выдерни у него тряпку изо рта, еще задохнется, — попросил Дмитрий Дмитриевич.

Поравнялся автоматчик, ведя коня под уздцы, поперек которого обвис Козубай.

— Ну пошли, — устало махнул рукой Чураков. — Теперь уж напярмки, к дому. Он рядом.

РАССВЕТ застал Чуракова и полковника Демина в окопе. На том самом месте возле полевого телефона, откуда они вчера вечером наблюдали за вражеской стороной. Операция прошла удачно и без потерь, не считая троих раненых: автоматчиков и пастуха. Скот перегнали, правда, часть все же разбежалась. Но что она значила в сравнении с теми тысячами голов, что вернули обратно!

— Покажи мне этого Кытанбека, — попросил Демина.

— Пойдем, — охотно согласился Чураков. Ему и самому не терпелось кое о чем спросить своего давнего врага.

В землянке горела коптилка, не в силах разогнать холодной, мрачной серости. На нарах в углу понуро сидели Кытанбек, Козубай и Султаров. Они словно бы и не заметили подошедших, тупо смотрели в пол.

— Встать! — приказал Чураков.

Арестованные поднялись.

— Вот он, — указал рукой на Кытанбека подполковник. — Подыми-ка лицо, Юнус.

Впальный рот Кытанбека шевельнулся, губы дрогнули.

— Ни айтасын, — чуть слышно произнес он.

— Не понимает, — объяснил Чураков Демину и усмехнулся: — Ты себя, Юнус, хоть за турка выдавай, мне все равно. Только поймей в виду, я не забыл ни курбаши Муэтдина, ни его налет на тюрьму, когда тебя освободил. И встречу с тобой под Ошой в кишлаке Коджар не забыл. Помнишь, брата твоего наши схватили, а ты его на чекиста хотел обменять? Я тот чекист.

Глаза старика сверкнули ненавистью.

— Аллах! — прошептал он, вяло отстраняясь рукой. — Кяфир!

— Да, я! А как же все-таки ты жив?

Вопрос чекиста пришелся по душе Кытанбеку. Старик оправился от замешательства.

— Тюрьме убить обещал, — загнул он палец на руке. — Под Наукат убил... А я живой!

— Да разве ты живой? Живой — кто живет. А ты враг живому.

Сгорбленный, дряхлый на вид Кытанбек вдруг распрямылся, поправил бороду и с суровым достоинством подошел вплотную к Чуракову.

— Жалко, не убил тебя тогда сразу, — легко сказал он по-русски. — Я помню ту ночь в кишлаке Коджар...

— Запомнил бы и эту ночь в Сарпинской степи, — оборвал его особист. — Только она для тебя — последняя.

ВТОТ ЖЕ ДЕНЬ командующий армией генерал Толбухин вручил подполковнику Чуракову орден Красного Знамени. За необычную операцию в Сарпинской степи Дмитрий Дмитриевич был отмечен и по “чекистской линии”. Приказом начальника особого отдела фронта ему за участие в “несвойственном для служебных обязанностей занятии на передовой” был объявлен выговор. Взыскание, правда, вскоре сняли. Но это уже другая история.

Публикация Галины СЕМЕНОВОЙ

Михаил Федорович Борисов в семнадцать лет ушел добровольцем на фронт. Сражался под Сталинградом, отличился на Курской дуге. Герой Советского Союза. Свой первый автограф оставил на стене поверженного рейхстага. После войны учился, работал, служил во внутренних войсках, в том числе и в нашем журнале, полковник в отставке. Автор трех десятков поэтических книг, лауреат многих литературных премий. Член Союза писателей России, его высшего творческого совета. В прошлом году, в канун восьмидесятилетия Борисова, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II удостоил его ордена Великого князя Московского Даниила. В преддверии 60-летия Великой Победы Михаил Федорович стал кавалером ордена "За заслуги перед Отечеством" IV степени.

Я ВИЖУ ОЩЕТИНИВШИЙСЯ ДОТ...

"Вы к нам не придете,
потому что мы к вам пришли".
Надпись, сделанная в мае 1945 г.
на одной из колонн рейхстага.

Последние метры –
последняя ярость.
Пехота встает,
подавляя размахом.
Знаменного шелка
веселая алость
Уже заиграла
над павшим рейхстагом.
"Вы к нам не придете", –
писали ребята
На черной разбитой
скуле цитадели,
А сами,
хотя и настала расплата,
Себя усмирять
ни за что не хотели.
А сами острей,
чем в лихую минуту,
Недобрые версты свои
вспоминали
И, словно врачую
душевную смуту,
До блеска
не раз начищали медали.
И хором
в притихшем надолго Берлине
О самом заветном
с надеждою пели...

Для них, победивших,
горит и поныне
Та фраза
на черной скуле цитадели.

Забудусь чуть,
А бой тот снова рядом –
От прошлого попробуй отрешись!..
И вот,
хрипя,
уходит чья-то жизнь,
Оборванная вражеским снарядом.
И, как в артиллерийской
панораме,
Я вижу ощетинившийся дот,
К нему ничком припавший
небосвод,
Прошитый перекрестными
ветрами.
Не сделаю, возможно, и три шага,
Когда свинец подкосит на бегу,
Но все равно себя не берегу
До бункеров,
до купола рейхстага.
Как правнукам
об этом рассказать,
Чтоб на дорогах
в солнечных дали
Они в душе по-доброму связали
Слова святые –
"Родина" и "мать"?

И веря, и не веря понемногу,
Я правнуков пока не тороплю.
Придет пора – я их благословлю
Уже одних на дальнюю дорогу.
Моя любовь
сомкнет любые дали,
Но год на год ложится
вперехлест,
И лишь луна
за сотни тысяч верст
В начищенные смотрится медали.

ДУША СОЛДАТА

Он так хотел домашнего уюта,
Любил ковыль, озерную кугу.
А тут всего закручивало люто,
Сгибало, как талиночку, в дугу.
Вокруг одни литые пули пели,
Плясали только высверки
зарниц,
И сам солдат
всегда был на прицеле
У вышколенных Гитлером убийц.
Казенною саперною лопаткой
Полмира он угрюмо перерыл,
А под его худую плащ-палаткой
Душа своих не складывала крыл.
Лихая,
заводная,
бунтовская,
Она не раз показывала прыть,
Стремясь еще до будущего мая
Над всеми передрыгами взорлить.

Все позади –
земля в огне и дыме,
Последний, самый трудный
переход.
Который день просторами
обскими,
Вдыхая, полз колесный пароход.
Березами, что помнятся доньне,
У старого отцовского плетня
Да горько-сладким запахом
полыни
Опять встречала молодость меня.
Опять закат
за редким перелеском
На поседевших прядях ковылей
Заполыхал взволнованно и резко
Полузабытым заревом огней.
А я смотрел, и виделась невольню
Недавние и давние бои...
А где они, товарищи по школе,
Отчаянные сверстники мои?!
Мальчишеская шумная ватага...
Багровым шрамом
дрогнула щека,
И вся война
от Волги до рейхстага
Нахлынула опять издалека.

ВОСПОМИНАНИЕ О МИХАЙЛОВСКОМ

Поселок мой –
Домов, пожалуй, двадцать.
Как блудный сын районного села,
Решив, что степь уныла и гола,
В зеленой роще вздумал
затеряться.
Михайлов день настал
как по заказу,
И во хмелю от слова одного
Все мужики Михайловским его,
Поселок то есть, окрестили сразу.
Березовый, веселый островок
Ребячью душу покорила невольню –
Я все познал в округе
белостольной,
Язык листвы усвоив назубок.
И согрешил настроем
простоватым,
Что, мол, и сам
в Михайловском живу...
Поселком тем
Я брежу наяву,
А он – снесен еще в шестидесятом.

Не выпить этой сини за Окой,
Не охватить простор заречный
глазом.
Мне кажется, что я теряю разум
От вида необъятности такой.
Густеет небо в дальнем далеке,

Где журавлей заоблачная стая
Меня заморозила,
Окликая
На птичьем, но понятном языке.
Земных препон уже как будто нет
Вблизи речной сияющей излуки –
Мне стоит только
Напружинить руки,
И я рванусь
за журавлями вслед.

Когда варяг славянство наше хаает,
Округу всю охватывает грусть,
И слышно,
как прерывисто вздыхает
В который раз поруганная Русь.

Ее просторы, с давних лет святые,
Какие ни топтали сапоги!
Шли рыцари.
Шли лучники Батыя.
Шли прочие заклятые враги.

Они порой
Под корень нас косили,
Как, знамо дело, и хотелось им,
Но мы привычно
восполняли силы
Неистребимым мужеством своим.

Знакомы нам
и вечные глумленья,
И байки закусивших удила
Про перст судьбы,
Про свет освобожденья,
Про всякие вселенские дела.

Хватило б просто
высмеять нахала,
Пустить в распыл
заведомую гнусь,
Когда бы рядом
тихо не вздыхала
Россия наша, нынешняя Русь...

С утра ударил рядом гром
На поражение,
Напомнив бой в сорок втором
И окруженье.
Едва пробился я к своим,
Как ствольным взглядом
Таким пронизан был,
Каким
Встречать не надо б!
Вина ль,
Что выбрались не все,
Что взвод – не рота,
Что на ничейной полосе
Остался кто-то?
Еще слепит глаза тот час
Зигзагом алым:
Тупых ревнителей у нас
Пока навалом.
Они за каждый промах мой
И сплошь и рядом
Меня проводят,
Как сквозь строй,

Сквозь вспышки взглядов.
И все о долге говорят
И о порядке...
Найдется ли в душе заряд
Для новой схватки?

ВО ВРЕМЯ КИНОСЕАНСА

Во всю ширь звенят колосовые,
А чуть выше,
Уходя в полет,
Облачко – посланнице России –
Белою лебедушкой плывет.

Ветерок стремительно,
как птица,
Пролетел над полем и затих.
Из пшеницы проступают лица
Молодых ровесников моих.

Не забыв ярившихся над ними,
Словно смерч,
губительных зарниц,
Жгуче-виноватыми глазами
Вглядываюсь в абрис этих лиц.

Им сквозь годы выпало
пробиться,
Чтоб увидеть облачка полет...
Из пшеницы проступают лица –
И она горчинкой отдает.

Пробираться к реке
все трудней и трудней.
Топкий берег походит
на черный провал.
А на том берегу
брезжит проблеск огня,
А на том берегу
ждет желанный привал.

Подгоняю строку
к предыдущей строке,
Вроде гать возвожу
через гиблую мгу.
Только красный мой конь
проскакал вдалеке,
И его оседлать
я навряд ли смогу.

Мне теперь не взнудать
удалого коня,
Не узнать, как свистит
за верстою верста,
Как творят окоем
переплески огня,
Как вращает в наш быт
вековая мечта.
И придется брести
к заповедной реке,
Чтобы пасть на другом,
на крутом берегу...

Красный конь мой с утра
проскакал вдалеке,
И его оседлать
я уже не смогу.

 Лилия ВОЛХОНСКАЯ

ТРИ РАССКАЗА

ПИСЬМО С ФРОНТА

О СЕНЬЮ 1943 года я получила письмо от незнакомо-го мне гвардии сержанта Петра Пилипенко. Вот как это вышло. В сентябре 10 "А" собирал посылку на фронт, и наша вожатая Тоня попросила меня дать мои стихи. Каждую букву выводила я аккуратно, ровно и помельче, чтобы три стихотворения на одном листочке поместились. Внизу

подписалась: Кокорина Ляля. Месяца через два на большой перемене, когда нам по ломтику черного хлеба выдавали, Тоня принесла мне серый фронтовой треугольник. На нем адрес нашей школы и четко написано: "Кокориной Ляле. Лично." Девчонки, мальчишки сразу налетели: "Почитай!"

— Не могу, — отвечаю. — Видите: "лично"!

А сама еле удержалась, чтобы сразу не распечатать. Что же там, в письме?

"Многоуважаемая Ляля! Пишет незнакомый Вам гвардии сержант Петр Пилипенко. От нашего взвода передаю душевную благодарность всем девчатам, а также и ребятам за заботу вашу о нас, за посылку из далекой Сибири. Ляля, Ваши стихи всем очень понравились, сам комвзвода младший лейтенант Алексей Лобзиков похвалил их. Если Вы, Ляля, не возражаете, я желал бы иметь с Вами переписку. Сам я с Донбасса, с 21-го года рождения. До войны служил в армии. Имею медаль "За боевые заслуги". Семья у нас небольшая: мать и сестра замужняя с дочкой Натальей. Отец погиб в Гражданскую. Ляля, напишите о себе. Местная Вы или эвакуированная,

как идет учеба, что собираетесь делать по окончании школы-десятилетки, с кем живете в семье? Ляля, я человек самостоятельный, и если Вы с кем-то уже состоите в переписке, так я мешать не стану. Напишите прямо и откровенно, все как есть. Ляля, если можете, пришлите свое фото. Жду ответа, как соловей лета.

С фронтовым приветом, гвардии сержант Петр Пилипенко”.

Я и написала ему прямо и откровенно, все как есть.

“Многоуважаемый Петр! Получила Ваше письмо с фронта, очень рада, что мои стихи Вам понравились. Мне 10 лет, учусь в третьем классе. По всем предметам у меня “отл.”, кроме арифметики, потому что мне плохо даются задачи, особенно на все четыре действия. Кем буду после школы, пока еще не знаю. Я эвакуированная. Мама с папой работают в Ленинграде, мы за них очень беспокоимся, ведь там пока еще блокада. А здесь семья у нас небольшая: бабушка Зина, баба Катя (это моя прабабушка) и брат Витя, ему четыре с половиной года. Переписку я имею с Володей. Это мой дядя, лейтенант, ему 20 лет. Вот и вся моя семья. Вы, Петр, пишете, никому из них Вы не помешаете. Фотографию прислать не могу, у меня есть только одна, да и та довоенная, с Мурзиком. Баба Катя говорит, что посылать на фронт фото с кошкой вроде неудобно. Передайте привет Вашим фронтовым товарищам и комвзвода младшему лейтенанту Алексею Лобзикову. Желаю вам всем бодрого настроения и победы в каждом бою. С пионерским приветом, Кокорина Ляля”.

Три раза перечитала я письмо: нет ли ошибок, все ли запятые на месте? Затем сложила листок треугольником, крупными цифрами вывела номер полевой почты и опустила его в почтовый ящик за углом.

А вечером вместе с десятиклассниками пошла в госпиталь. Они там давали концерт самодеятельности, и наша вожатая Тоня попросила меня почитать мои стихи.

Когда мы пришли, все ходячие раненые уже собрались в широком коридоре. Первым номером выступал хор. Потом трое мальчишек подвизались косынками: танец пленных фрицев они изображали. И вдруг объявили, что свое стихотворение “На запад!” прочтет ученица третьего класса Ляля Кокорина.

Не успела я рта открыть, как закричали:

— Громче! Шибче! Артистку не видать!

Поставили стул, кто-то подхватил меня под мышки, высоко поднял, и все засмеялись. Обидно мне стало. Вот сейчас заплачу и убегу. Но я взяла себя в руки и начала читать:

*...С победным кличем, бойцы, вперед!
Бейте фашистскую свору!
Пощады не будет проклятому вору!
Мы закопаем его живьем,
Лоб его пулей стальною пробьем!*

— Правильно! — кричат раненые, костылями стучат.
— Дочка, а дочка! Ты из книжки из какой вычитала, что ль? — уже после спросила у меня нянечка с ведром в руке.

— Нет, я сама.

— Сама-а? Надо же! Трудно небось придумать? Уж больно ты маленькая. У большого-то голова очумеет!

— Что вы? — удивилась я. — Я и на фронт стихи свои посылаю. — И с гордостью добавила: — Переписка у меня с гвардии сержантом Петром Пилипенко...

“Утомленное солнце нежно с морем прощалось...” — это на подоконнике патефон хрипит. Девочку из десятого класса пригласил танцевать высокий парень с забинтованной головой. За ними и другие пары вышли на середину коридора, откуда, я и не заметила как, быстро убрали стулья и скамейки. Скоро вокруг стало совсем тесно. Все танцуют, а я стою у стены и не знаю, что мне делать. Стою, платье тереблю.

— О чем задумалась, черноглазая? — подскочил ко мне раненый на костылях. — У нас в палате все лежачие, один я бегаю. Почитаешь им стишки?

— Почитаю.

Громко, быстро застучали впереди меня костыли. Раненый плечом толкнул дверь и скомандовал:

— Рота, смирно! Р-равнение налево! Принимайте артистку!

Смотрю, палата небольшая, всего четыре койки.

— Артистку, говоришь, привел? — приподнялся на постели светловолосый парень и протянул мне руку. — Давай знакомиться. Дядя Леша меня зовут. Петь будешь или плясать?

— Петь не умею, плясать тут негде, стихи могу почитать. Свои или чужие?

— Да уж лучше свои!

Я встала около двери и объявила:

— Про Ленинград!

*Дорогой Ленинград,
Тебя фрицы бомбят,
Но стоит за оградой
Назло всем мерзким гадам
Мой любимый Таврический сад!..*

Лилия Викторовна Волхонская родилась в Ленинграде в 1932 году. В начале войны семья переехала в Москву. Выпускница факультета журналистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Автор пяти книг прозы, а также целого ряда публикаций для детей и юношества. Член Союза литераторов России.

— Молодец! Bravo! — закричали раненные, а старик с боро-
дой головой покачал и вздохнул:

— Дивчинка малэнька, в ляльки бы ще грать, а вона вир-
ши видуmue. Ось, до чего вина доводит!

В это время нянечка принесла ужин. Быстро расставила по
тумбочкам миски с кашей, хлеб, сахар и остановилась посре-
ди палаты. Там лежал пожилой боец с забинтованной голо-
вой, одна рука перевязана до локтя, другая — вся в гипсе.

— Ох, и не знаю, Василий Дмитрич, что и делать-то с то-
бой! Новых раненных привезли, надо вниз бежать, принимать.

— Да ладно, Настя, ты обо мне не сумлевайся. Мене по-
кормят.

— А может, ты, дочка? — взглянула на меня тетя Настя.

— А чего? — говорю.

Но когда я ложу с кашей поднесла ко рту Василия Дмит-
риевича, рука дрожала...

Допил чай Василий Дмитриевич и приуныл.

— Теперь кому я, калека, нужен? В колхозе-то без правой
руки и делать нечего.

— Но ведь у вас есть рука, просто она ранена, — говорю я.

— Да кабы просто! — вздохнул он. — А если отымут, тады
куда деваться? Григорий-то Семеныч, главврач, подполков-
ник медицинской службы, обещался. Бороться за твою руку,
боец Петрушков, говорит, буду до победного конца! А палат-
ная наша, та не надеется.

— А вы ее не слушайте! — крикнула я. — Вы Григория Семе-
новича слушайте, раз он обещал! Не отнимут вам руку, вот
увидите! Вылечат.

— Ты приходи к нам, девочка, с тобой веселее, — улыб-
нулся дядя Леша.

Я вышла на крыльцо, спустилась по каменным ступень-
кам, прошла через скверик на улицу. Снег идет. От него кра-
сиво, светло. А если Василию Дмитриевичу все-таки отрежут
руку? Как же ему тогда? Неужели нету какого-нибудь лекар-
ства? И я вдруг сказала негромко, но четко-четко:

— По щучьему велению, по моему хотению пусть ему руку
не отрежут! Ну, пожалуйста, пусть не отрежут!

Ночью мне приснилось, будто бегу я по каким-то улицам.
Бегу, задыхаюсь, а за мной немцы! И все ближе, ближе! Стре-
ляют... Сейчас догонят, убьют! Вдруг вижу — яма. Прыгнула
туда, а там фриц! Я закричала и проснулась.

Н А ДРУГОЙ день после уроков я снова пришла к сво-
им знакомым раненым. Они мне обрадовались.
Сначала я им "Бородино" Лермонтова прочитала,
потом про сон рассказала.

— А из чего стреляли — из винтовок или из автоматов? —
спросил дядя Коля, который на костылях прыгает.

— Не знаю.

— Ну а фриц-то какой был?

— Страшный — глаза выпученные, нос крючком, волосы
какие-то черные-черные!

— Ни, — покачал головой дедушка с бородой, — воны уси
бильше руды.

— Вы видали живого фашиста?! — вскрикнула я.

— А як же. Дивився на него оце як на тэбе. Разом у землян-
ки ночували.

— Ну и какой он? Какой? — подбежала я к дедушке, к са-
мой его койке.

— Та який? Як уси. Як оце мы с тобой.

— Не может быть! — закричала я.

— От яка дивна дивчинка! — усмехнулся он. — Що вин з
рогами, чи з хвостом?

А через несколько дней Василий Дмитриевич тоже про
пленного рассказал, да такое!

— Вот, — говорит он дедушке, — намедни ты, Тарас Миха-
лыч, сказывал про фрица, дак нам-то фриц почудней твою
попался. Я тады в ординарцах у начальника штаба служил, у
капитана Матвеева. В штабу допрос увесь и слышал.

Сразу я передвинула табуретку к кровати Василия Дмит-
риевича, села рядом с ним, смотрю на него, слушаю.

— Дак вот, значит, — приподнялся он на подушке, —
втокнули фрица этого в землянку. Спервоначалу дрожал
он весь, ребята-то наши пуганули его маленько. Перевод-
чик, значит, спрашивает (оно с начатия завсегда про энто

спрашивают): как зовут? А он отвечает: "Марья!" Хошь верь-
те, хошь нет!

— Сдунив цей фриц, сдунив зи страху, — сказал дедушка.

— Дале слушайте, — продолжал рассказывать Василий
Дмитриевич. — Переводчик так и записал, боле не стал доз-
наваться.

— Маруся, в общем! — засмеялся дядя Коля.

— Там разбирайся, как хошь, — облизнул губы Василий
Дмитриевич. — Они с переводчиком по-своему поговорили,
фриц как услышал: "фашист", головой и руками завертел — не
фашист, мол, он — "пролетарий", а сам в себя пальцем тычет.

— Все они пролетарии, как в плен попадут, — заметил дя-
дя Леша.

— Энн може, — кивнул головой Василий Дмитриевич. —
Опосля каши мы ему дали, котелок цельный наложили,
Марье-то энтому. Поел он, фото из кармана вынает, а на ем
баба сидит да двое пацанят, кучерявые, на личико обое кра-
сивенькие. Ребятишки-то ведь в войне не виноваты. Фриц на
бабу пальцем указывает и обратно: "Марья!"

— Н-ну потеха! — стукнул об пол костылями дядя Коля. —
Помешался твой фриц на Марье!

— Далее еще чуднее, — говорит Василий Дмитриевич. —
На пацана, какой поболе, показывает фриц и говорит:
"Марья!" А на пацана помене: "Полина!"

— Тьфу ты, який дурний фриц! — возмутился дедушка. —
Кто ж его на войну пустив, такого дурного?

— Ничего вы не понимаете, — улыбнулся дядя Леша. —
Итальянец это был.

— Ну и что? Все одно фриц, — сказал Василий Дмитриевич.

— А Марья-то к чему? — спросил дядя Коля.

— Да не Марья он, а Марио! У них в Италии этих Марио,
как у нас Иванов, — объяснил дядя Леша. — И Паулино имя
такое есть. А ты, Дмитрич, обрадовался: "Полина!"

Все стали смеяться. Я подождала, пока они отсмеялись, и
спросила:

— А итальянцы, они все-таки фрицы или не фрицы?..

Я ОЧЕНЬ подружилась с ранеными. Читала им наи-
зусть разные стихи, картинки рисовала разбавлен-
ными чернилами на обрывках бумаги: кому цветок,
кому домик с дорожкой, кому курицу с цыплятами... Не
очень-то красивые получались эти картинки, но они все рав-
но нравились моим раненым, они говорили, что с ними ле-
жать веселее.

Однажды больше недели не ходила в госпиталь, просту-
дилась. Пришла в палату и вижу: Василий Дмитриевич сидит
на койке, улыбается.

— Слышь, дочка, рука-то у меня лучшеет, — говорит. —
Сам главврач Григорий Семенович, подполковник медицинс-
кой службы, вертел ее. Молодец, сказал, боец Петрушков,
цела будет твоя рука!

— Вот здорово! — обрадовалась я. — А голова как?

— Да голова-то, куда она денется? Рука, энн дело сурьез-
ное. Ты, доченька, може, напишешь хозяйке-то моей?

— Конечно, напишу!

— А то уж я устал ему писать! Тетрадку целую надо! — зас-
меялся дядя Коля. — Спасибо, вчера сестричка листочки в
клетку нам подарила.

Василий Дмитриевич диктовал медленно, обстоятельно.
Целых полчаса, наверное, я писала:

"...И еще кланяйся куме Матрене, соседке Прасковье Ива-
новне, учительше Ольге Никаноровне, — негромко перечис-
лял он. — Племяннице Наде и дочке ее Татьяне, дяде Спири-
дону низкий поклон..." Пиши, пиши, дочка, ай устала?

— Нет, просто это первый дяденька у вас.

— Так откедова их возьмешь нонче? — вздохнул Василий
Дмитриевич. — Спиридону-то седьмой десяток пошел, двоих
сынов у его под Ельцом в один день уложило.

— А у нашем селище в кожний хати або батька, або сина
вбили, а то и усих разом, — сказал дедушка Тарас Михайло-
вич.

Вечером дома меня ждали два письма — одно от мамы из
Ленинграда, другое с фронта — от дяди Володи.

И никак не могла я понять, почему же до сих пор нет отве-
та от гвардии сержанта Петра Пилипенко? Девочки из 10 "А"

от фронтовиков уже по несколько писем получили. Наша вожатая Тоня показала мне письмо от самого комвзвода младшего лейтенанта Алексея Лобзикова. Он сообщал ей, что их взвод отличился в бою. За успешное выполнение боевого задания он получил орден Красной Звезды и еще два бойца награждены медалями: гвардии сержант Петр Пилипенко и гвардии рядовой Юрий Морозов.

Ну почему же, почему такой замечательный герой Петр Пилипенко ничего мне не пишет?!

МУЗЫКАНТ

ЭТО случилось на территории Германии ранней весной 1945 года. Сержант Лебедев сидел на бревнышке, покуривая козью ножку. Неподалеку солдаты пытались вытащить из неглубокого кювета армейскую трехтонку. И вдруг среди деревьев показался немец. Лебедев вскинул автомат, прицелился.

— Мюзик! Мюзик! — истошно закричал немец мальчишеским голосом, руками имитируя при этом игру на пианино. Его полудетское лицо было искажено страхом.

— Как хотите, ребята, не могу я в него стрелять, — сказал Лебедев и опустил автомат.

Солдаты смотрели равнодушно, а один махнул рукой и позвал:

— Ну иди, помогай нам!

Быстро бросив оружие на землю, фриц подбежал к ним и обеими ладонями прижался к шершавым доскам грузовика. Когда наконец машину удалось вытащить из кювета, все пошло в землянку.

— Где ваши? — спросил по-немецки Лебедев.

— У озера в лесу, — дрожащими губами ответил тот.

— Как ты сюда попал?

— Я шел вдоль... вдоль леса...

— Не понимаю, — нахмурился Лебедев.

Сглотнув слюну, молодой немец, чуть ли не задыхаясь, сбивчиво продолжал:

— Я шел... Там много деревьев... Много, много... — Он замахал руками. — Я не знал... Я шел, я шел и не знал, куда идти...

— Ладно, понял, — устало проговорил Лебедев. — Заблудился он, заблудился...

— Послушай, Лебедев, — обратился один из солдат, — ты грамотный, с десятилеткой, по-ихнему, вижу, кумекаешь. Если он не наврал, что музыкант, пускай сыграет, — и протянул немцу гармошку.

— Играй! — согласился сержант.

Молодой немец несколько минут сосредоточенно нажимал на кнопки, перебирал мехи, и вдруг землянку наполнила незнакомая, но очень красивая мелодия. Потом он заиграл какой-то веселый танец. Солдаты улыбались.

— Как зовут-то тебя? — спросил один.

— Wie heist du? — перевел Лебедев.

— Мое имя Дитрих. Дитрих!

— Сколько ж тебе лет?

— Wiefe1 jahre du? — опять перевел Лебедев

— В октябре будет семнадцать, — ответил тот.

— Шестнадцать ему сейчас, — вздохнул сержант.

— Вот Гитлер, мудака проклятый! Сопливых пацанов на войну посылает! — загудели солдаты.

— Закуришь? — протянул один из них уже свернутую козью ножку.

— Нет, нет! — закачал головой Дитрих.

— Может, выпить хочешь? — постучал пальцами солдат по фляге.

— Нет, нет!

— Ось який чудный фриц, ще не пье, та й не курить, — заметил пожилой украинец.

— Да не фриц он, а Дитрих, — улыбнулся Лебедев.

— Та нехай Дитрих, все одно фриц!

— Пускай "Катюшу" сыграет. "Катюшу"! — закричали солдаты.

— Да он же не знает эту песню, — попытался успокоить их Лебедев, но понял, что бесполезно, и уступил: — Ну попробуйте тогда напеть!

Вдруг дверца землянки отворилась, и вошел лейтенант. В первое мгновение он оцепенел. Никогда еще не доводилось ему видеть такое: советские бойцы поют хором "Катюшу", а аккомпанирует им на гармонии гитлеровский солдат!

— Отставить самодеятельность! — наконец закричал он. — Сержант Лебедев, докладывайте!

Лебедев, как сумел, доложил обстановку.

— Ладно! — махнул рукой лейтенант. — Только следите за ним в оба, а то приведет он своих "артистов", и устроят они вам тут концерт.

Поздно вечером, поев каши, все стали укладываться спать — кто на полу, кто на наспех сколоченных нарах. И немецкий пацан, утомленный перипетиями минувшего дня, крепко спал здесь же всю ночь. Утром приехала машина и увезла его в плен.

— Хоть живой останется... — вздохнул Лебедев.

БЕЛАЯ ЛЕСТНИЦА

ОНА стояла посередине высокого узкого двора-колодца. Прямо перед ней вздымалась кверху глухая стена с облупившейся штукатуркой. Она сделала несколько шагов, прижала к ней обе ладони. Погладила стену и, почувствовав ее шершавую поверхность, подняла голову вверх, к бледно-голубому небу. Белое облако с тонкими, похожими на кружево краями занимало почти весь квадрат неба, распростертого над двором. Солнце было где-то далеко, его лучи не проникали сюда, но все равно стена отсвечивала слабым желтым светом. Сбоку возвышалась другая стена — с величественными окнами, завершающимися большими полукружьями. Полюбовавшись этими прекрасными окнами, Наталья Александровна повернулась к стене напротив. Там окна были попроще: узкие, двустворчатые, они выходили сюда с лестницы черного хода, а широкие с зеркальными стеклами — из квартир.

Наталья Александровна переводила взгляд с одной стены на другую и чувствовала, как тяжесть, сковывавшая ее душу вот уже несколько месяцев, начинает отступать. "Как хорошо здесь!" — подумала она и тут услышала окрик:

— Женщина, вам кого надо?

На первом этаже толстая старуха мыла окно. Одной рукой держалась она за давно не крашенную раму, вторая была погружена в пену, наполнявшую таз, стоявший на подоконнике.

— Кого вам надо-то? — суровым голосом повторила она.

— Никого мне не надо, — слегка робея, ответила Наталья Александровна.

— Тогда чего же вы тут ходите, высматриваете?

— Я просто пришла посмотреть на эту красоту. — Наталья Александровна показала на стены.

— Где это вы увидели красоту? — возмутилась старуха. — Дом, почитай, с самой войны не ремонтировали. Вы мне голову не морочьте! А то ведь и в милицию позвонить недолго.

— Я и милиции скажу то же самое, — ответила Наталья Александровна.

Толстая старуха воинственно уперлась обеими руками в широкий подоконник и спросила, пристально вглядываясь в Наталью Александровну:

— Послушай, может, ты ненормальная, а?

Наталья Александровна ничего не ответила. Окнув медленным взглядом "маленький дворик" — так его называли когда-то, — направилась к небольшой двери в самом его углу, которая вела на узкую, полутемную лестницу черного хода.

Она не обиделась на старуху. Та скорее всего жила в коммунальной квартире и с утра до ночи видела из окна эту старую, облупленную стену. Из-за нее в комнате, наверное, было темно. Откуда же знать старухе, как дороги незнакомой женщине все эти здешние стены?

На лестнице черного хода, как всегда, было прохладно. Стены, давным-давно покрытые масляной краской непонятного теперь цвета, были испещрены разнообразными "абстрактными рисунками" — следы обвалившейся штукатурки. Наталья Александровна подошла к лестнице, взялась рукой за перила. Тонкой черной трубкой, похожей на прут, тянулись они ввысь, опираясь на такие же черные металлические брусья. Металл приятно охлаждал ладонь, его прохлада мягко струилась по руке до самого плеча. И вдруг чем-то пахнуло, и этот запах тотчас же откинул Наталью Александровну на много-много лет назад — в раннее детство. В ней воскресли все ощущения той, еще довоенной поры, потому что во время войны дверь из квартиры, выходящая на черный ход, стояла запертой. Из парадного было на несколько десятков шагов ближе к Неве — туда ходили за водой, к тому же и лестница в парадном не такая крутая. Сейчас она ощущала свою руку в руке няни — ей иногда удавалось уговорить ее возвращаться с прогулки домой по тяжелым ступенькам черного хода. В его полумраке чудилось что-то таинственное. А еще притягивал к себе непонятный этот запах, которого нигде больше не было. Вот и теперь Наталью Александровну охватило ощущение какой-то давней, неразгаданной тайны, живущей на этих старых серых ступеньках, и в заколоченных досками проемах под подоконниками, и в тонких трубках перил, черными зигзагами прочертивших всю высоту лестничного пролета — снизу доверху, до чердака. Долго стояла Наталья Александровна, держась за перила, и боялась, что ощущение детства, так явственно нахлынувшее на нее, вот-вот покинет.

ХЛОПНУЛА дверь наверху, и с веселой болтовней пробежали мимо две девушки в джинсах, в игривых поролоновых курточках. Все! Иллюзия кончилась, надо возвращаться в сегодняшний день. Но он, этот день, разве не подарок не слишком-то щедрой судьбы? Ведь всего минуту назад она так решительно ощущала свою руку в няниной руке! А какое чувство защищенности испытывала она в это время! Неужели же бесчисленное количество лет отделяет ее от тех далеких дней, похожих теперь на сон?..

Она спустилась по лестнице и вышла в "большой двор". На месте стоявших здесь когда-то сараев, так приятно пахнувших поленьями, опилками, вытянулось ровное гладкое бетонное сооружение, унылое и безликое. Кажется, тут построили бассейн или фехтовальный зал. Наталье Александровне не было до него никакого дела. Она завернула за угол, пересекла двор, через глубокую арку ворот прошла на улицу и повернула направо — к парадному входу.

С массивной, наполовину застекленной двери, разинув пасти, вот уже полтора столетия глядели на прохожих два деревянных непонятных зверя, напоминающих львов. Наталья Александровна погладила их черные гривы и вошла в парадное. На светлых стенах по-прежнему в резных овалах застыли на лету кудрявые ангелочки. У одного с незапамятных времен был отбит кончик носа. Несколько широких белых ступеней сбегали навстречу Наталье Александровне.

Вот в этом светлом, просторном, красивом парадном была война. В этом царственно-величавом парадном с лепниной, с ажурными узорами перил, с белыми статуями в нишах, с огромными окнами, завершающимися полукружьями, была блокада. Вот тут, на втором этаже, прощалась она с няней, когда та за неделю до блокады поехала к себе в деревню привезти картошки и еще кой-чего с огорода. "Может, и меду захвачу", — обещала она.

Наталья Александровна, скользя рукой по деревянной полированной поверхности перил, поднялась на просторную площадку и села на широкий, потемневший от времени подоконник. Няня тогда сидела рядом, прижимая к себе плачущую девочку. Вот здесь (Наталья Александровна невольно посмотрела вниз) стоял ее фанерный чемодан с большим висящим замком. "Не плачь, ангел мой, я скоро приеду, меду тебе привезу, — уговаривала она. — Видишь, из зимнего даже ничего не захватила. Я быстро съезжу". Но девочка все равно плакала и никак не могла остановиться. Больше никогда она не видела свою няню.

Наталья Александровна закрыла глаза и почувствовала жестковатое прикосновение няниной грубошерстной деревенской кофты. "Не плачь, ангел мой..."

Наталья Александровна поднималась выше. Она вспомнила, как в парадном дети (и маленькие, и даже старшеклассники) любили переговариваться между этажами, окликая друг друга, а эхо повторяло их имена. Это было так интересно: крикнешь сверху, и голос, перекачиваясь, летит по всем этажам! Смеясь, кричали ребятишки разными голосами, а взрослые ворчали: "Вот безобразники! Из эха забаву сделали. Шуму-то сколько".

Первая блокадная смерть в их парадном оповестила о себе долгим эхом, которое несло снизу, заполняя собой все пространство лестничного пролета, ударяясь о стены, о двери — до высокого потолка, где посреди белоснежного венчика из каких-то изысканных цветов еле-еле светилась синяя лампочка.

Наталья Александровна посмотрела наверх и на мгновение оцепенела — ей вдруг почудилось, что этот крик отчаяния все еще звучит в парадном.

Той осенью эхо несколько раз возвещало о чьей-либо смерти, потом перестало — больше никто не кричал, никто громко не плакал. И стало тихо в парадном. И тишина эта казалась жуткой, словно само эхо умерло, словно и его убила блокада.

Наталья Александровна шла по лестнице мимо величественных окон. Их матовые стекла, как и много десятилетий назад, украшал сплошной чуть выпуклый узор. Окна выходили со всех четырех сторон в "маленький дворик", война не дотянулась до них. А статуи исчезли.

Наталья Александровна подходила к своему четвертому этажу, последнему. Она взглянула на пустую нишу и невольно остановилась. Здесь умерла соседка тетя Маруся. Наталья Александровна будто вновь увидела подшитые залатанные валенки на полу, приподнятое туловище и руки, обвисшие вокруг босых ног статуи. Наверное, тетя Маруся, умирая, схватилась за эти холодные белые ноги, пытаясь удержаться, не упасть. Она жила в их квартире, в маленькой комнате при кухне. А квартира напротив стояла открытой, обе створки двери были распахнуты настезь. Там уже никто не жил.

Все эти годы снится Наталье Александровне их лестничная площадка и квартира напротив с открытыми дверями. Только почему-то во сне лестница залита солнцем, а на самом деле ее всегда наполнял полумрак.

Наталья Александровна поднялась на несколько ступеней, и сердце ее учащенно забилось — она увидела дверь своей квартиры. "Господи, как хорошо, что наш дом не разбомбили!" — подумала она.

Наталья Александровна стояла на верхней площадке лестницы в своем парадном, где за несколько десятилетий почти ничего не изменилось, и любовь переполняла ее. Та любовь, которая до слез, до спазмов в сердце.

За этими дверями она начала умирать. Она лежала не шевелясь, с закоченными ногами и руками, и перед закрытыми ее глазами проплывали какие-то необыкновенно красивые цветные видения. И она не хотела, чтобы они исчезли.

Рядом на кушетке лежала мама, наверное, тоже с закрытыми глазами, и она не знала, видит ли мама эти странные разноцветные узоры. Спросить не было сил.

— Девочка, ты спишь. Ты живая?

— Нет, — сказала она, с трудом открыла глаза и увидела двух незнакомых мальчиков постарше ее. На полу около них стоял чайник.

— Как же неживая, если говоришь?

— Я ответила вам, что не сплю.

— На, попей, легче станет, — и мальчик протянул ей кружку с горячей водой. Она выпила ее, поблагодарила ребят и приподнялась на постели. Ей и вправду стало получше.

— Завтра опять придем, — пообещали мальчишки.

Больше никогда она их не видела.

А потом была ледовая дорога, потом детский дом, потому что мама умерла на этой дороге. Потом... много чего было потом.

И вот теперь она приехала сюда издалека, потому что тоска давила ее. Она все еще не могла примириться со своим внезапно наступившим одиночеством. И казалось ей, здесь непременно вернутся к ней силы и, быть может, мрак, окутавший ее душу, наконец рассеется. Ей вдруг очень захотелось войти в свою квартиру. Она сделала несколько шагов к двери, подняла руку к звонку, но тотчас же опустила ее. Зачем? Ведь их квартира, как и та, напротив, тоже вся умерла. Только она одна и осталась. Но, может быть, на втором этаже... Там жила ее подруга Люся Стрижевская, они с ней вместе играли во дворе, и няни их тоже дружили. "Люся со всей семьей эвакуировалась летом сорок первого, — вспомнила Наталья Александровна, — значит, может быть... но какое у нее отчество?"

Наталья Александровна начала медленно спускаться по широкой белой лестнице. На втором этаже она на мгновение остановилась, потом решительно подошла к Люсиной квартире и нажала кнопку звонка. За дверью послышался громкий лай, затем торопливые, слегка шаркающие шаги, звякнула цепочка, и дверь отворилась. Наталья Александровна невольно отпрянула — огромный черный дог с неистовым лаем пытался вырваться из рук пожилой женщины, державшей его за ошейник.

— Не бойтесь, — сказала та. — Он не кусается. Вам кого?

— Мне нужно... — пролепетала Наталья Александровна. — Уведите, пожалуйста, собаку.

— Ну хорошо, я закрою его в комнате, — проговорила женщина, недовольно поморщившись.

"Нет, это не Люся, — подумала Наталья Александровна. — Люся должна быть моложе. Хотя..." Когда женщина вернулась, Наталья Александровна спросила ее о Люсе, но та даже никогда не слышала о семье Стрижевских.

— Моему мужу предоставили эту площадь двадцать лет назад. Он управляет строительным трестом, — охотно рассказывала она твердо поставленным голосом. — Квартиру для нас перепланировали и заново отремонтировали. Ну а кто в ней жил раньше?.. — Она пожала плечами. — Нас это никогда не интересовало.

Наталья Александровна извинилась и, тяжело вздохнув, пошла вниз. "Чего я ищу? — думала она. — Здесь живут совсем чужие люди. И я тут чужая. Вот только эта лестница... — Она снова оглядела ее и с нежностью провела рукой по перилам. — Лестница та же, совсем как тогда".

НАТАЛЬЯ Александровна вышла на улицу. Противоположная сторона, как всегда, была залита солнцем, а ее дом стоял в тени. И Наталье Александровне вспомнилось, как однажды во сне увидела она эту улицу всю в солнечных лучах — не было теней ни на той, ни на другой стороне. И во сне она удивилась: как же это может быть?

На скамеечке около ворот глуховатый старик громко жаловался немолодой женщине с сумкой в руке:

— Вон сколько мусора набрали, класть уже некуда, — тыкал он палкой в сторону чугунной решетки ворот. — Я-то, покамест в дворниках тут служил, всегда чистоту соблюдал, зря не получал зарплату. А нынче... Им лишь бы день прошел. Они...

Дальше Наталья Александровна ничего не слышала, хотя

старик говорил громко, почти кричал. Она стояла в двух шагах от него, и сердце ее колотилось быстро-быстро. Немного успокоившись, подошла к скамейке и спросила:

— Простите... Вы... Вы дядя Федя?

— Ну? — посмотрел он на нее с удивлением. — Тебя-то я чтой-то не припомню.

— Припомните! — почти взмолилась она. — Я родилась в этом доме.

— Да я всех жильцов знаю, а тебя...

— Я жила здесь очень давно. — Наталья Александровна едва справлялась с волнением. — Я, дядя Федя, помню, как вас на фронт провожали. Летом, гроза еще тогда началась, когда вы со своей тетей Катей по двору шли.

— Надо же! — Старик улыбнулся и как будто растерялся. — И старуху мою, выходит, знала? В том году схоронил ее, — вздохнул он. — А Петьку моего помнишь? В войну-то он пацаненком был, а нынче большой начальник: охвицер на Балтфлоте... А ты сама-то чья? В какой квартире жила?

— В восемнадцатой.

— Дак там же в блокаду все померли!

— Не все, дядя Федя, — ей было приятно так называть его. — Видите, я осталась.

— Погоди, погоди, — задумался старик. — В восемнадцатой, там до войны Маруся жила, тут рядом на хлебзаводе работала, еще бабка, как звали, забыл, с дедом своим хромым, и еще семья две комнаты занимала, правильно?

Наталья Александровна кивнула.

— Сам был молодой, грамотный, в войну добровольцем в ополчение записался, правильно? И сама тоже не из простых. Девочка еще была у них маленькая, все с няней во дворе гуляла. Самого убило, а мать с девочкой померли.

— Девочка не умерла! — крикнула Наталья Александровна. — Это же я! Я, дядя Федя.

— Как звали-то тебя?

— Наташа.

— Вот-вот, — закивал он головой. — Да где ж тебя тепереча узнаешь? Живая, значит, осталась. Ну вот и слава богу! Да ты садись, — подвинулся он на скамейке. — В ногах правды нету.

Она села, он взгляделся в нее и улыбнулся:

— На мать на свою ты похожая, царствие ей небесное! Тепереча, видишь, всех вспомнил.

— Спасибо вам, дядя Федя, — тихо проговорила Наталья Александровна, но он услышал ее.

— За что спасибо-то?

— За то, что вспомнили.

— Как же не вспомнить? Вот такая ты была! — приподнял он свою палку чуть повыше скамейки. — Все с няней во дворе гуляла...

НАТАЛЬЯ Александровна шла по улице, по теневой ее стороне, и ей было хорошо. Хорошо и спокойно. Впервые за последние месяцы. И казалось, будто после долгих-долгих странствий наконец вернулась она домой...

Кто сказал, что надо
бросить
Песни на войне?
После боя сердце
просит
Музыки вдвойне.

Нынче у нас
передышка,
Завтра вернемся
к боям.
Что же твой голос
не слышно,
Друг наш походный
баян?

СЛЫШНО. Походный баян было слышно всегда. Ибо, как говаривал легендарный комэск Титаренко из фильма "В бой идут одни старики": "Все преходяще, а музыка вечна". На Руси издавна так повелось: по Волге шли с песней бурлаки, под песни строили избы и города, с песней рождался, женился и умирал русский человек. С песней во все века русичи защищали родную землю. Так было и в сорок первом, когда главный клич: "Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой..." — прозвучал именно в песне.

Она вдохновляла бойцов на подвиги, она помогла людям перенести тяжесть и ужас войны.

*Поют бойцы. Гремит равнина,
И немцам кажется, что вот
Прошелестит, провоет мина
И песню в клочья разорвет.
Они палят, палят как черти,
Им не осмыслить, не понять,
Что песня не боится смерти,
Что песню им не расстрелять, —*

писал поэт-фронтовик Василий Готов. Через песни военной поры раскрывается душа победителей, завещавших нам беречь свою Родину. И завещание это воины нашего времени выполняют сполна, неся нелегкую боевую вахту в горячих точках.

Им, солдатам Победы и солдатам двадцать первого века, и был посвящен праздничный концерт, организованный в День внутренних войск в Государственном Центральном концертном зале "Россия" помощником главного командующего внутренними войсками (он же режиссер-постановщик концерта) полковником Валерием Новожиловым.

**Полковник
Ринад АРИБЖАНОВ**
Фото Виктора БОРИСОВА

Солдатам посвящается

Леонид Николаевич МАРТЫНОВ (1905-1980), столетний юбилей которого отмечается в нынешнем мае, один из крупнейших русских поэтов второй половины XX века. Поэт лирико-философского направления с присущей только ему интонацией. Он родился в Омске, его детство прошло на Транссибирской магистрали в служебном вагоне отца - инженера-путейца. Стихи начал публиковать сразу после Гражданской, а первую книжку издал в 39-м. Однако подлинная известность и любовь читателей пришли к нему лишь в 1957 году после десятилетия несправедливого замалчивания и нападок, начатых сразу после войны за его стремление к сказочному преображению мира, желание поставить поэзию выше политики.

Переводчик, очеркист, литературовед. Лауреат Государственной премии СССР.

ЛЕОНИД МАРТЫНОВ

НАРОД-ПОБЕДИТЕЛЬ

Возвращались солдаты
с войны.
По железным дорогам
страны
День и ночь поезда их везли.
Гимнастерки их были в пыли
И от пота еще солоньки
В эти дни бесконечной
весны.
Возвращались солдаты
с войны.
И прошли по Москве,
точно сны, —
Были жарки они и хмельны,
Были парки цветами полны.
В зоопарке трубили слоны —
Возвращались солдаты
с войны!
Возвращались домой
старички
И совсем молодые отцы —
Москвичи, ленинградцы,
донцы...
Возвращались сибиряки!
Возвращались сибиряки —
И охотники, и рыбаки,
И водители сложных машин,
И властители мирных долин —
Возвращался
народ-исполин...
Возвращался?
Нет!
Шел он вперед,
Шел вперед
Победитель-народ!

